

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет»

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

- История
- Социальная философия
- Философия культуры и культурология
- Философия религии и религиоведение
- Социальные и политические процессы

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит 4 раза в год

В журнале «Проблемы социальных и гуманитарных наук» публикуются результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, социальной философии, философии культуры и культурологии, философии религии и религиоведению, социологии, политологии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Радугин А.А., заслуж. деятель науки РФ, д-р филос. наук, профессор (г. Воронеж)

Зам. главного редактора – Перевозчикова Л.С., д-р филос. наук, доцент (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Афонин Э.А., доктор социологических наук, профессор (г. Киев)

Бубнов Ю.А., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)

Душкова Н.А., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)

Ильин М.В., доктор философских наук, профессор (г. Москва)

Коростылева Н.Н., доктор социологических наук, профессор (г. Москва)

Кирчанов М.В., доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж)

Ледяев В.Г., доктор философских наук, профессор (г. Москва)

Моисеев В.И., доктор философских наук, профессор (г. Москва)

Романович Н.А., доктор социологических наук, профессор (г. Воронеж)

Смышляев В.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)

Слинько А.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)

Согомонян В.Э., доктор политических наук, профессор (г. Ереван)

Черников М.В., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)

Чупров В.И., доктор социологических наук, профессор (г. Москва)

Ярецкий Ю.Л., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)

Delwyn L. Harnisch, Professor&Fulbright Scholar University of Nebraska
Lincoln College of Education and Human Sciences (Lincoln)

Отв. секретарь – Погорельский А.В., канд. ист. наук, доцент (г. Воронеж)

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Каб. 5302, тел. +7 (473) 271-50-04. E-mail: philosofy_kaf@vgasu.vrn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Болдырева И.И. ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В АНГЛОСАКСОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	7
Бухтоярова И.М., Надточий З.Ю. ПРОЕКТ «ГОТЕНЛАНД»	13
Востриков П.В. УПАДОК ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ ВИРГИНИИ В ПЕРИОД, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В США (1825-1860 гг.).....	17
Гагин В.В., Князев А.В. ВВС ГЕРМАНИИ И ДОКТРИНА ЛЮФТВАФФЕ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. 1939-1940.....	26
Гагин В.В., Трухачева Г.В. ЖЕЛАЕМОЕ ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ. ИТОГИ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВОЗДУШНЫХ СИЛ США ПО МНЕНИЮ ГЕНЕРАЛА КАРЛА СПААТСА.....	35
Дуров В.И., Филоненко М.М. ТАКТИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО А.В. СУВОРОВА В БОРЬБЕ С ПОЛЬСКИМИ КОНФЕДЕРАТАМИ.....	43
Жиброва Т.В. БАНИ, КВАСНЫЕ ИЗБЫ, КАБАКИ И ТАМОЖНИ В СТРУКТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА МЕСТАХ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ЮЖНОРУССКИХ УЕЗДОВ XVII В.....	50
Зверков Е.А. А.С. МОИСЕЕВ – РЕВОЛЮЦИЯ ВСЕРЬЁЗ. К СТОЛЕТИЮ ГИБЕЛИ ОРГАНИЗАТОРА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВОРОНЕЖЕ.....	57
Зубарев И.Ю. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ АНАРХИСТСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.....	62
Зубов И.В., Лимонов В.С. К ВОПРОСУ ОБ ИНИЦИИРОВАНИИ ПРЕЗИДЕНТОМ ФРАНЦИИ ДЕ ГОЛЛЕМ ДЕФОЛТА ДОЛЛАРА США В 1971 ГОДУ.....	68
Иванова С.И. ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ: К ИСТОРИИ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	73
Кирчанов М.В. КРИТИКА «БУРЖУАЗНОГО НАЦИОНАЛИЗМА» КАК «БОЛЬШОЙ НАРРАТИВ» СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И «НЕИЗВЕСТНЫЕ» ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ МОДЕРНИЗМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЦИОНАЛИЗМА И МЕМОРИАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ.....	79
Кузнецов Д.А., Кузнецова Ю.Н. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.Ф. КЕРЕНСКОГО НА ПОСТУ ВОЕННОГО МИНИСТРА.....	89
Маркина А.И. ВКЛАД ДЖОНА ДЬЮИ В ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ МЫСЛЬ США ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.....	95
Меганов С.А., Бухтоярова И.М. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917 ГОДУ.....	102
Некрылова О.Г. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1920-е гг.....	107
Погорельский А.В. ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ РУСИ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ.....	114
Русиков В.А. ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.....	119
Шишлянникова Г.И. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ПРЕДДВЕРИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ... ..	125

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ашмаров И.А. СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ» М.Е. САЛТЫКОВА – ЩЕДРИНА.....	131
---	------------

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Болдырихин А.А. ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ОФФШОРНЫЙ БИЗНЕС: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	137
Пшегорский А.С. К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗЕ А.В. СУВОРОВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.....	141
Надточий З.Ю. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА.....	147
Ершов Б.А., Золотухин Н.Н., Федоров А.А. ФОРМИРОВАНИЕ И РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ.....	151

CONTENTS

HISTORY

Boldyreva I.I. WOMAN'S LEGAL POSITION IN ANGLO-SAXON SOCIETY.....	7
Bukhtoyarova I.M., Nadtochii Z.Y. PROJECT « THE GOTENLAND».....	13
Vostrikov P.V. DECLINE OF POLITICAL INFLUENCE OF VIRGINIA IN THE ANTEBELLUM PERIOD (1825-1860).....	17
Gagin V.V., Knyazev A.V. GERMAN AIR FORCE AND LUFTWAFFE DOCTRINE AT THE FIRST STAGE OF THE SECOND WORLD WAR. 1939-1940.....	26
Gagin V.V., Trukhacheva G.V. DESIRED FOR REAL. RESULTS OF THE MILITARY ACTIVITY AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE USA STRATEGIC AIR FORCES IN THE OPINION OF GENERAL KARL SPAATS.....	35
Durov V., Filonenko M. A.V. SUVOROV'S TACTICAL SKILLS IN THE FIGHT WITH POLISH CONFEDERATES.....	43
Zhibrova T.V. BATHS, LEAVENED HOUSES, TAVERNS AND CUSTOMS IN THE STRUCTURE OF STATE GOVERNANCE ON THE EXAMPLE OF MATERIALS OF THE SOUTHERN RUSSIAN DISTRICTS OF THE XVII CENTURY.....	50
Zverkov E.A. A.S. MOISEEV – REVOLUTION IN EARNEST. TO THE CENTURY ANNIVERSARY OF THE DEATH OF ORGANIZER OF THE OCTOBER REVOLUTION IN VORONEZH.....	57
Zubarev I.U. THE PEASANT QUESTION IN RUSSIAN ANARCHIST THOUGHT OF THE LATE XIX-EARLY XX CENTURY.....	62
Zubov I.V., Limonov V.S. TO THE QUESTION OF THE PRESIDENT OF FRANCE INITIATED DEFOLIT OF THE US DOLLAR IN 1971.....	68
Ivanova S.I. ETHNIC STEREOTYPES: TO HISTORY OF THE RUSSIAN-POLISH RELATIONS.....	73
Kirchanov M.V. CRITICISM OF “BOURGEOIS NATIONALISM” AS “GRAND NARRATIVE” OF SOVIET HISTORIOGRAPHY AND “UNKNOWN” INTELLECTUAL SOURCES OF MODERNISM IN NATIONALISM STUDIES AND MEMORIAL CULTURES.....	79
Kuznetsov D.A., Kuznetsova U.N. A.F. KERENSKY'S ACTIVITY ON THE POST OF THE MILITARY MINISTER.....	89
Markina A.I. CONTRIBUTION OF JOHN DEWEY TO THE PEDAGOGICAL THOUGHT OF THE USA OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY.....	95
Meganov S. A., Bukhtoyarova I.M. FORMATION OF THE POLITICAL SYSTEM IN SOVIET RUSSIA IN 1917.....	102
Nekrylova O.G. DEVELOPMENT OF SCHOOL HISTORICAL EDUCATION IN THE 1920S.....	107
Pogorelsky A.V. FEATURES OF STUDYING THE HISTORY OF KIEVAN RUS IN MODERN UKRAINE.....	114
Rusikov V.A. TRAINING SYSTEM DEVELOPMENT FACTORS TEACHING STAFF OF MILITARY EDUCATION INSTITUTIONS RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY.....	119
Shishlyannikova G.I. THE FIRST WORLD WAR AS THE THRESHOLD OF THE FEBRUARY BOURGEOIS-DEMOCRATIC REVOLUTION IN RUSSIA.....	125

SOCIAL PHILOSOPHY

Ashmarov I.A. SOCIAL AND EXISTENTIAL IN RUSSIAN FICTION ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL «GOSPODA GOLOVLEVY» BY M.E. SALTUKOV-SHCHEDRIN.....	131
--	------------

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Boldyrikhin A.A. EUROPEAN UNION AND OFFSHORE BUSINESS: RELATIONS IN THE AREA OF SHADOW ECONOMY.....	137
Pshegorsky A.S. TO THE QUESTION ABOUT THE IMAGE OF A.V. SUVOROV IN THE PERCEPTIONS OF MODERN YOUTH.....	141
Nadtochii Z.Y. FORMATION OF A POSITIVE IMAGE OF THE ARMED FORCES: FOREIGN EXPERIENCE AND RUSSIAN SPECIFICS.....	147
Ershov B.A., Zolotukhin N.N., Fedorov A.A. FORMATION AND REGULATION OF TAX POLICY IN RUSSIA	151

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 94

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки
И.И. Болдырева
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 252-47-38
e-mail: boldyrevairi@mail.ru

Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
PhD in History, Associate Professor of Philosophy and Humanity Sciences Department
I.I. Boldyрева
Russia, Voronezh, tel.(473) 252-47-38
e-mail: boldyrevairi@mail.ru

И.И. Болдырева

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В АНГЛОСАКСОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются особенности правового статуса англосаксонских женщин. Основой для исследования послужили судебники англосаксонских правителей, завещания, записи судебных разбирательств. Показано, что женщины были дееспособными членами англосаксонского социума VII – XI веков и проявляли заметную правовую активность. Они владели земельным имуществом, принимали участие в сделках с землёй, выступали наследницами и завещательницами. Несмотря на то, что в публично-правовой сфере мужчина имел больше возможностей, гендерный фактор не обязательно давал преимущество участникам судебного процесса.

Ключевые слова: средневековые женщины, англосаксонское общество, средневековое право, имущественные права англосаксонских женщин, правовой статус англосаксонских женщин, средневековые завещания, судебные тяжбы у англосаксов.

I.I. Boldyрева

WOMAN'S LEGAL POSITION IN ANGLO-SAXON SOCIETY

The paper discusses women's legal position specificities in Anglo-Saxon society. The current research is based on the evidence of Anglo-Saxon kings' legal codes, wills, texts of lawsuits. It is shown that in VII – XI cc. Anglo-Saxon aristocratic women were legally competent in many areas. They acted as the owners of land property, participated in land transactions, were heiresses and testatrixes. Although in the public sphere men had more rights and opportunities, gender was not necessarily the factor that provided benefits for litigants.

Key words: medieval women, Anglo-Saxon society, medieval law, Anglo-Saxon women's property rights, Anglo-Saxon women's legal status, medieval wills, Anglo-Saxon lawsuits.

Правовое положение женщины остается одной из наиболее дискуссионных проблем медиэвистики. В средневековом социуме представительница слабого пола занимала особое место, что проявлялось в ее восприятии современниками, имущественном и правовом статусе.

Еще в прошлом веке в рамках изучения процесса становления феодальных отношений на материале законодательных памятников раннего Средневековья Г.М. Данилова предприняла попытку дать оценку статуса женщины у славян и германских народов. Объектом ее анализа стали титулы «об охране женской чести», а также титулы, обсуждавшие право наследования движимого имущества и земли. Англосаксонские источники Г.М. Данилова не использовала [1.С.136 – 153].

К вопросу о месте женщины в системе англосаксонского права отечественные медиевисты обращались лишь в обзорных работах по английской истории. В одном из разделов монографии К.Ф. Савело, освещающей процесс складывания раннефеодального английского общества, изучается отношение государства к семейному коллективу и в этой связи дается краткая характеристика имущественных прав представительниц слабого пола [2.С.70 – 74].

Для изучения правового статуса женщины в раннесредневековой Англии интерес представляют несколько категорий исторических свидетельств. Прежде всего, это – судебники англосаксонских правителей, документальный материал, представленный королевскими пожалованиями, записями судебных тяжб, завещаний, брачных соглашений, а также картулярные хроники.

Самые ранние английские судебники появляются в VII веке в Кенте и королевстве западных саксов (Уэссекс). Англосаксонское законодательство IX в. связано с кодификаторской деятельностью короля Альфреда (871 – 899), заложившего основы гегемонии Уэссекса над остальными англосаксонскими королевствами. Из законодательных текстов, сохранившихся от X – XI вв., наибольшее внимание представительницам слабого пола уделяют правовые сборники Этельреда II (978 – 1016) и Кнута Великого (1017 – 1035) – датского короля на английском престоле.

В англосаксонских судебныхниках женщина фигурирует в достаточно узком числе статей, которые с некоторыми оговорками, можно разделить на несколько тематических групп. Здесь обсуждают правонарушения морально-нравственного характера, совершенные против женщин или с их участием, порядок заключения брака, имущественное и правовое положение вдовы. Законодательные тексты того времени именуют женщину женой (*wif*), девой (*mægþ, mæden*), монахиней (*nunnan*) или вдовой (*wuduwe, wydewe*) [3. *Æthelberht* 31, 74 – 77; 3. *Ælfred* 8; 3. II *Cnut* 52, 70, 72 - 74; 3. *Ine* 31, 38, 57, etc.], из чего можно заключить, что ее правовой статус был тесно связан с семейным положением, а основными событиями жизни считалось вступление в брак или принятие монашеских обетов, рождение детей и смерть мужа.

Еще в VII в. англосаксонская женщина не была лишена правовой активности и могла приносить очистительную клятву в присутствии *соприсяжников* [3. *Ine* 57]. На протяжении всей жизни она сохраняла тесную связь со своим родом и, даже выйдя замуж, оставалась его частью перед лицом закона. Не семья мужа, а кровные родственники делили правовую ответственность с провинившейся и помогали ей выплатить штраф или компенсацию [3. *We wifmannes beweddunge* 7]. В случае убийства они же получали ее вергельд.

Внимание отдельных англосаксонских судебныхников к морально-нравственным проступкам, совершенным в отношении представительниц слабого пола или с их участием, свидетельствует об особенном отношении средневекового общества к женскому целомудрию. Компенсация за изнасилование чужой жены взималась в пользу ее супруга, а размеры компенсации зависели от его социального статуса [3. *Ælfred* 10]. Если потерпевшая не состояла в браке, компенсация вычислялась иначе. Судебник Альфреда Великого (конец IX в.) перечисляет правонарушения против чести незамужних девиц. Каждое из них предполагало выплату суммы, размеры которой варьировались в зависимости от сословия, к которому принадлежала потерпевшая [3. *Ælfred* 11]. Не исключено, что деньги получали ее опекуны из числа ближайших родственников. Именно семья была заинтересована в сохранении доброго имени и удачном замужестве своей подопечной.

Специфика англосаксонского законодательства такова, что не всегда можно выявить, кому именно уплачивалась компенсация, и различались ли меры взыскания в зависимости от пола потерпевшего или правонарушителя. Одним из исключений было наказание супругов за измену, упоминаемое в позднесаксонском праве. Второй кодекс Кнута Великого предусматривал для провинившегося мужа епитимью. Жена же подвергалась обезображиванию и лишалась всего своего имущества в пользу супруга [3. II. *Cnut* 53, 54]. Строгость позднего англосаксонского законодательства в вопросах семейной морали иногда

объясняют возросшим влиянием Церкви в X – XI вв. [2.С.137]. Между тем, суровое наказание нарушительниц супружеской верности было характерно для обычного права других германских народов ещё до начала распространения христианства. Например, святой Уинфред-Бонифаций, англосаксонский миссионер, проповедовавший в VIII в. среди континентальных саксов, писал, что женщину, виновную в прелюбодеянии, подвергали публичному унижению, проводя по деревне, обнаженной до пояса и избивая палками. «Преступницу» заводили в каждый дом деревни, и любой мог поглумиться над ней. Нередко от полученных побоев и ран несчастная умирала [4.Р.123].

Другим серьезным и, судя по всему, широко распространенным проступком из области семейного права было содержание конкубин. Запрет подобной практики, присутствующий в законах Кнута, находит отражение уже в кодексе кентского короля Уитреда (ок. 695 г.) [3.П.Сnut.54.1,55;3.Wihtred 3-5]. Законы, о которых идет речь, возлагают ответственность на сильный пол. Однако, женщины, добровольно вступающие в союзы, не оформленные Церковью, не вызывали в обществе сочувствия и не имели прав на имущество сожителя [3. Ælfred 8 - 8.2].

Вопрос об имущественном положении англосаксонской женщины, а в частности, о ее праве владеть земельной собственностью, неоднократно обсуждался в историографии [5; 6; 7; 8; 9]. Кентские и западно-саксонские законодательные кодексы VII – IX вв. свидетельствуют, что владельческие права представительницы слабого пола распространялись на движимое имущество (*feoh, sceat*) и «утренний дар» (*morgengifu*) – подарок мужа жене после первой брачной ночи. «Утренний дар» упоминают многие варварские судебники. У англосаксов о нем впервые говорится в кодексе кентского правителя Этельберта (нач. VII в.) [3. Æthelberht 81]. Не исключено, что еще в то время «утренний дар» включал земельное имущество [9.Р.9].

Еще одна важная категория исторических источников, англосаксонские завещания, подтверждают право женщины наследовать земельную собственность с IX в. На протяжении IX – XI вв. английские аристократки фигурируют в грамотах и картулярных хрониках как наследницы, дарительницы земли и движимого имущества, а также участницы торговых сделок [7]. Все это подтверждает, что представительницы нобилитета в раннесредневековой Англии были причастны к распределению богатства и проявляли существенную правовую и публичную активность.

Как и их мужья, англосаксонские аристократки должны были уплатить королю особый посмертный налог (*heriot*), чтобы король утвердил завещание. В англосаксонском обществе женский *heriot* имел гендерную специфику. Помимо золота, коней и доспехов, предусмотренных для мужчин, принадлежавших к сословию тенов или эрлов [3. П Сnut, 71], представительницы знати дарили королю дорогую домашнюю утварь, предметы одежды [10. Р. 34, 38]. Иногда для утверждения своего завещания дамы обращались к королеве [10.Р.76; 11.Р.144 – 145].

Ответственность за выплату *heriota* покойного несла его вдова, являвшаяся наследницей. Одна из грамот времён короля Этельреда II сохранила историю выплаты *heriota* вдовой государственного изменника тена Этельрика Бокингского. Поскольку король отказывался принимать *heriot* и утверждать завещание, женщине пришлось приложить немало усилий, прежде чем последняя воля её покойного супруга получила высочайшее одобрение [10.Р.42 - 47].

Практика наследования и завещания женщиной земельной собственности имела свои особенности. Женщина редко была держателем земли по королевской грамоте (*bocland*) в первом поколении. Заметно чаще представительницы нобилитета получали *bocland* в наследство от отца или мужа на правах узурфрукта и в своих завещательных стратегиях были вынуждены учитывать волеизъявление первого держателя [7.С.27].

Среди женщин, чьи завещания сохранились до нашего времени, были представительницы высшей англосаксонской знати, в том числе королевы, а также жены и дочери элдорменов. Помимо сословной принадлежности, этих дам объединяло то, что почти

все они были вдовами. С точки зрения правового статуса, вдовы в англосаксонском обществе представляли собой особую категорию населения. С одной стороны, они пользовались относительной самостоятельностью: голоса именно этих женщин наиболее часто слышны в исторических источниках. С другой стороны, интересы вдов нередко ущемлялись их родственниками.

Еще судебник Хлотхере и Эдрика (VII в.) признавал право вдовы воспитывать своих детей [3. Hlothære und Eadric 6]. Законодательство обещало вдовам королевское покровительство [3. II Æthelred 21; 3. V Æthelred 21]. За оскорбление представительниц этой социальной группы судебники предусматривали повышенные штрафы [3. VI Æthelred 39; 3. II Cnut 52]. Судя по завещаниям, вдовы в позднесаксонский период были самыми богатыми наследницами. Однако в течение года после смерти супруга женщине не рекомендовалось вступать в новый брак. В противном случае она теряла все свое имущество в пользу отцовской родни [3. V Æthelred 21; 3. Cnut 73]. Семья молодой вдовы имела стимул как можно скорее снова выдать женщину замуж.

Институт брака в англосаксонском обществе на протяжении раннего Средневековья сохранял характер делового договора, несмотря на то, что претерпел определенные изменения. Еще из кентского и уэссекского права VII в. известно о существовании устного брачного соглашения, предполагавшего финансовые обязательства сторон. При этом жених был обязан уплатить выкуп родственникам избранницы, а само соглашение благодаря используемой лексике обыгрывалось как покупка-продажа невесты [3. Æthelberht 77; 3. Ine 31]. Из позднего англосаксонского законодательства подобная лексика исчезает. При Кнуде Великом (1017 – 1035) продажа невесты, равно как и принуждение к браку вдов и девушек, запрещается [3. II Cnut 74].

Симптоматично, что тексты англосаксонских брачных договоров, датируемые первой четвертью XI века, не упоминают выкуп, зато оговаривают весьма солидный утренний дар невесте, включающий земельные владения, рабов и скот: *«Здесь, в этом документе, оглашаются условия, о которых договорились Вульфрик и архиепископ [Вульфстан], когда он [Вульфрик] взял в жены сестру архиепископа. А именно, что он обещал ей землю в Орлетоне и Риббсфорде на время жизни, и обещал ей землю в Найтвике, которую он приобретет для нее у Уинчкомбской общины на срок трех поколений. И он отдал ей землю в Алтоне, чтобы она смогла отдать ее или подарить, кому захочет при жизни или после своей смерти. И он обещал ей 50 золотых манкузов и 30 человек, и 30 коней (Her swutelad on disum gewrite ymb da forwerda de Wulfric and se arcebisceop geworhtan da he begeat dæs arcebisceopes swuster him to wife. Ðæt is, ðæt he behet hyre ðæt land æt Ealretune and æt Ribbedforda hire dæg, and behet hire ðæt land æt Cnihtewican, ðæt he wolde hit hire begytan þreora manna dæg æt ðam hirede on Wincelcumbe, and sealed hyre ðæt land æt Eanulfintune to gyfenne and to sylleþne ðam ðe hire leofest wære; and behæt hire .L. mances goldes, and .XXX. manna and .XXX. horsa) [12.P.148-151].* Текст этого брачного контракта относится к началу правления короля Кнута и регламентирует размеры утреннего дара сестры влиятельного церковного иерарха архиепископа Вульфстана. По всей видимости, договор был составлен для того, чтобы обеспечить защиту имущественных интересов невесты. Договор заключался между женихом и представителем (опекуном) девушки, которым в данном случае выступал её брат.

Согласно *«Be wifmannes beweddunge»* (кон. X – нач. XI вв.), выкуп, уплачиваемый женихом, оставался одним из важных условий брачного соглашения. Одновременно, как и в королевских законах, здесь содержится идея доброго волеизъявления женщины при вступлении в брак [3.S.442-445]. Упоминание документом обязанности мужа чтить жену в соответствии с Божьими установлениями, а также упоминание о присутствии на брачной церемонии христианского священника демонстрируют растущее влияние Церкви на сферу брачного права и повседневную жизнь мирян [3.S.442-445].

Отдельные англосаксонские грамоты содержат сведения о судебных конфликтах, участницами которых были женщины. Материал англосаксонских хартий, датируемый ещё

VIII в., сохранил упоминание о земельных владениях представительниц знати. Самый ранний земельный конфликт с участием англосаксонских женщин фигурирует в хартии, составленной в середине VIII столетия. В документе идёт речь о земельной тяжбе аббатисы Хротвару с её не названной по имени матерью. На землях, о которых шла речь, находился семейный монастырь, унаследованный Хротвару от её бабки монахини Дунны и тетки Будж. Однако, поскольку Хротвару была ещё ребенком, когда стала наследницей земли, грамота, подтверждавшая это владение, находилась у её матери, замужней дамы. Когда Хротвару достигла совершеннолетия, её мать заявила, что грамота исчезла. Только при поддержке Церкви Хротвару удалось восстановить свои владельческие права [13.Р.468–470].

На основе анализа этой грамоты А.Ю. Золотарёв приходит к заключению, что ещё на заре англосаксонской эпохи женщины могли владеть земельным имуществом [8]. Хотелось бы уточнить, что речь здесь идёт о семейном монастыре, которые не были редкостью в англосаксонскую эпоху. Согласно грамоте, эти земли были королевским пожалованием Дунне с чётко определённой целью – для основания обители. Не удивительно, что наследнице Хротвару судьба игуменьи была уготована с раннего детства [13.Р.468–470]. Именно поэтому она становится владелицей земель своей бабки. Однако история тяжбы Хротвару не позволяет сказать, насколько широко была распространена практика пожалования бокленда представительницам знати, не дававших монашеских обетов и не планировавших строительство обители.

В англосаксонских документах X – XI вв. упоминания о судебных тяжбах, участницами которых были представительницы слабого пола, становятся более частыми. Если участницы ранних земельных конфликтов – это монахини, которые защищали монастырскую собственность, то в грамотах позднего англосаксонского периода в качестве тяжущихся сторон фигурируют мирянки, в числе которых вдовы, замужние дамы, иногда – девицы.

О правовой активности раннесредневековой английской вдовы, а также об ажиотаже, которым сопровождался дележ вдовьего наследства, красноречиво свидетельствует судебное разбирательство, произошедшее в графстве Херефордшир в период правления Кнута [12.Р. 150 – 153]. Из-за земельных владений судился человек по имени Эдвин со своей матерью, чье имя документ не сохранил. Благодаря поддержке заинтересованных лиц женщина уверенно выиграла тяжбу. В результате судебный спор завершился оглашением завещания. Все свое состояние херефордширская вдова отдала своей родственнице Леоффледе, не оставив сыну «ни единой вещи» (*næfre nan þing*) [12.Р.152].

Завещание другой вдовы по имени Этельгифу сохранило сведения о попытках родственников покойного отнять у нее наследство. Ради возвращения земель, принадлежавших супругу, женщине пришлось обратиться к самому королю, и только благодаря его вмешательству земельный конфликт был улажен [11.Р.151].

Англосаксонские аристократки судились с членами своей семьи, представителями сильного пола и даже с Церковью. При этом инициатором тяжбы могла оказаться как одна, так и другая сторона. Однако в отличие от мужчины они не имели возможности выступать в суде в качестве представителя другого лица и очень редко оставляли свою подпись в свидетельских списках документов. Как правило, это было прерогативой королей и настоятелей крупных монастырей, и то лишь в отдельные периоды англосаксонской истории.

В записях судебных тяжб и завещаний женщины также фигурируют как свидетели и сопричастники. Участницы земельных споров традиционно привлекали в качестве свидетелей своих многочисленных родственников и подруг. В высших кругах общества весьма эффективны могли оказаться попытки влияния женщин на исход разбирательства в качестве negociаторов. Решение суда, как правило, определялось личными связями тяжущихся сторон и не зависело от их пола [6].

Подводя итоги, отметим, что правовой статус англосаксонской женщины получил различные, порой диаметрально противоположные, оценки в зарубежной историографии.

Одни исследователи пишут об относительном равенстве полов в то время, по сравнению с нормандским периодом [5;9]. В последние десятилетия все чаще обращают внимание на гендерную депривацию и асимметрии в англосаксонском обществе и культуре [14;15;16]. На наш взгляд, рассматривая правовое положение англосаксонской женщины, возможно, не следует оценивать реалии раннесредневековой истории строго сквозь призму феминистских идей и современных представлений о гендерном равенстве. В средневековую эпоху статус женщины и мужчины не был идентичен уже в силу различия тех социальных ролей, которые они исполняли в обществе. Женское социокультурное пространство было связано со сферой семьи, мужское – со сферой публичности. И даже, если в публичной сфере мужчина имел больше прав и возможностей, правовые казусы демонстрируют, что в судебном процессе гендерный фактор не обязательно давал преимущества.

Англосаксонские свидетельства проливают свет на широкий набор прав, которыми пользовались аристократки. Они владели землей, участвовали в судебных разбирательствах, дарили, завещали, наследовали имущество.

Среди факторов, определявших правовой статус женщины, было её семейное положение. Англосаксонские законы и документы никогда не фиксируют эту особенность применительно к представителям сильного пола.

Строгие моральные нормы, предъявляемые женщине средневековым обществом в вопросах брачно-семейных отношений, находят прямое отражение в англосаксонском законодательстве. Их наличие было связано не только с влиянием христианской Церкви, но с особым отношением к женскому целомудрию в традиционной культуре германцев.

Библиографический список

1. Данилова Г. М. Проблемы генезиса феодализма у славян и германцев / Г.М. Данилова. – Петрозаводск: Изд-во «Карелия», 1974. – 231 с.
2. Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1977 / К. Ф. Савело. – 144 с.
3. Die Gesetze der Angelsachsen / hg. F. Liebermann. Bd. I. – Halle: Max Niemeyer, 1903. – 675 s.
4. The Anglo-Saxon Missionaries in Germany / ed. and trans. C. H. Talbot. New York: Sheed and Ward, 1954. – 234 p.
5. Stenton F. M. The Historical Bearing of Place-Name: the Place of Women in Anglo-Saxon Society / F. M. Stenton // Transactions of Royal Historical Society. 1943. Vol. 25. P. 1 – 13.
6. Болдырева И. И. Англосаксонские аристократки X—XI веков в земельных спорах / И.И. Болдырева // Научный диалог. – 2016. – № 11 (59). – С. 181–192.
7. Болдырева И.И. Женщина как наследница и завещательница в англосаксонской правовой практике IX – XI вв. / И.И. Болдырева // Клио. – 2014. – № 5. – С. 24 – 29.
8. Золотарёв А.Ю. Земельные тяжбы и обладание земельным имуществом в раннесредневековой Англии / А.Ю. Золотарёв // Электронный научно-образовательный журнал История. 2017. № 8 (62). С. 7.
9. Stenton D. M. The English Woman in History / D. M. Stenton. – London: Allen and Edwin; New York: Macmillan, 1957. – 363 p.
10. Anglo-Saxon Wills / ed. D. Whitelock. Cambridge: Cambridge University Press, 1930. – 244 p.
11. Anglo-Saxon Charters. Vol. 12: Charters of St. Albans / ed. J. Crick. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 302 p.
12. Anglo-Saxon Charters / ed. & trans. A. J. Robertson. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1956. – 555 p.
13. English historical documents / ed. D. Whitelock. Vol. 1. - London: Eyre & Spottiswood, 1955. - 863 p.
14. Cubitt C. Virginity and Misogyny in Tenth- and Eleventh-Century England / C. Cubitt // Gender and History. Vol. 12. № 1. 2000. – P. 1 – 32.
15. Lees C. A., Overing G. Double Agents: Women and Clerical Culture in Anglo-Saxon England / C.A. Lees, G. Overing. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. – 244 p.
16. Stafford P. Unification and Conquest: A Political and Social History of England in the Tenth and Eleventh Centuries / P. Stafford. – London: Hodder Education Publishers, 1989. – 232 p.

УДК 94(47). 084.6

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

И.М. Бухтоярова

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 2447832;

e-mail: imb1985@yandex.ru

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

З.Ю. Надточий

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 2447832;

e-mail: zoya_nadtochiy@mail.ru

Military Training Research Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu. Gagarin» (Voronezh)

Ph.D. in History, senior lecturer humanities and social and economic sciences chair

I.M. Bukhtoyarova

Russia, Voronezh,

tel. (473) 2447832;

e-mail: imb1985@yandex.ru

Military Training Research Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu. Gagarin» (Voronezh)

PhD in Political Science, Associate Professor of humanities and social and economic sciences chair

Z.Y. Nadtochii

Russia, Voronezh,

tel. (473) 244-78-32;

e-mail: zoya_nadtochiy@mail.ru

И.М. Бухтоярова, З.Ю. Надточий

ПРОЕКТ «ГОТЕНЛАНД»

Статья посвящена самым трагическим страницам истории нашей страны – Великой Отечественной войне. На примере Крымского полуострова рассмотрены планы Гитлера для захвата СССР. Наиболее проработанным был проект под названием «Готенланд», появившийся почти сразу после захвата нацистами полуострова Крым. В статье анализируются и несколько других проектов, которым не суждено было реализоваться.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, полуостров Крым, германизация, оккупация, нацизм, патриотизм, пропаганда

I.M. Bukhtoyarova, Z.Y. Nadtochii

PROJECT « THE GOTENLAND»

The article is devoted to the most tragic pages of the history of our country - the Great Patriotic War. On the example of the Crimean Peninsula, Hitler's plans for capturing the USSR were considered. The most developed was a project called "Gotenland", which appeared almost immediately after the Nazis seized the Crimea peninsula. The article analyzes several other projects that were not destined to be realized.

Key words: Great Patriotic War, Crimea peninsula, germanization, occupation, nazism, patriotism, propaganda

В изучении проблемы нацистской оккупации территорий Советского Союза до сих пор существует немало неизученных и дискуссионных вопросов. В частности, недостаточно изучен вопрос о планах Гитлера на территории Крымского полуострова.

Полуостров Крым во время Великой Отечественной войны являлся важным стратегическим и военно-политическим объектом. Война началась здесь 22 июня 1941 года, когда фашистские бомбардировщики совершили первые нападения на Севастополь. В первую же ночь было убито 14 и ранено 170 человек [3].

30 июня 1941 г. решением ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР и Совнаркома СССР был создан чрезвычайный орган власти – Государственный комитет обороны, сосредоточивший всю полноту власти в период войны. Для Германии захват Крыма означал возможность контролировать Черное и Азовское моря, приблизиться к нефтеносным районам Кавказа и делать постоянное политическое давление на Румынию, Турцию и Болгарию. Кроме того, полуостров был отличным плацдармом для базирования авиации. Поэтому захвату Крыма в планах немецкого командования отводилось особое место. Именно поэтому за эту территорию велись ожесточенные и кровопролитные бои.

В первые дни войны немцы атаковали крымский город Севастополь – базу советского Черноморского флота с воздуха. Главной задачей нападавших было нанесение удара по кораблям, береговым сооружениям и морской авиации. Кроме того, очень важным считалось минировать бухту и подходы к ней. Красная армия готовилась к нападению, самолеты немецко-фашистских захватчиков были отогнаны зенитной артиллерией и истребительной авиацией. Большую роль в этом сыграл нарком Военно-Морского Флота СССР адмирал Н.Г. Кузнецов, который быстро отреагировал на внезапное нападение и отдал приказ привести все флоты в высшую боевую готовность.

Наземная атака на Крымский полуостров началась 24 сентября 1941 г. После ликвидации Киевского котла, в который попали советские дивизии, немецкие войска почувствовали силу. Красная армия потеряла в этом районе более пятисот тысяч человек.

Гитлер назвал Крым непотопляемым советским авианосцем, от которого было кратчайшее расстояние до румынских нефтепромыслов в Плоешти. Для Германии они имели важное значение. Порт Севастополь не хотели уступать и союзники немцев – румыны. До Констанца советским боевым кораблям было несколько часов хода от Севастополя. Последний считался сильной военно-морской базой и не имел равных себе на Черном море.

Осенью 1941 г. большая часть полуострова была захвачена немецко-румынскими оккупантами, а к июлю 1942 г. и весь Крым. Однако героическая оборона Севастополя и Балаклавы вошла в историю как самая мужественная и кровопролитная. Данные события отражены как в литературе, так и в изобразительном искусстве (А.А. Дейнека «Оборона Севастополя», 1942 г.)

Немецкие войска, оккупировавшие территорию Крыма, разрушили огромную часть промышленных и гражданских объектов. Местное население подверглось пыткам и преследованиям, нацисты отличались особой жестокостью по отношению к ним.

В Крыму Гитлер собирался создать имперскую область под названием Готенланд («Страна готов»). «Едва ли где-либо на земле в течение столетий так удерживался немецкий народный дух, как в Крыму; готы являются тому живым примером», - заявил Гитлер 2 июля 1942 г. [2]. Как бы это парадоксально не звучало, но он искренне считал, что готская история сыграла определенную роль в формировании германского государства и даже нацистской идеологии!

Проекты по переустройству Крыма разрабатывали еще до начала войны с СССР. Гитлер лично занимался проектом зачистки и германизации полуострова. Однако был еще один проект главного нацистского идеолога А. Розенберга, согласно которому Крым должен был войти в состав Украины еще в начале 1941 г., где важная роль отводилась украинцам, настроенным против русских [Там же]. Однако этот проект был раскритикован другими идеологами нацизма, видевшими в украинцах славян, то есть людей «низшего сорта». Были опровергнуты и многие другие проекты по дальнейшей судьбе Крыма. В частности, о передаче полуострова в ведение турок и татар.

В мае 1941 г. Розенберг спроектировал новый план германизации Крыма. Теперь это была отдельная территория под названием «Таврия», которую следовало заселить немцами [2].

Продолжил обосновывать планы Гитлера и Розенберга относительно полуострова – генеральный комиссар округа – Альфред Эдуард Фрауэнфельд [1]. Он подготовил несколько докладов и меморандумов, посвященных Крыму, а так же читал лекции о роли готско-

германских элементов в истории Крыма. Переехав на полуостров, он стал горячим поклонником его природных и архитектурных памятников, усматривал его огромный потенциал, назвав «жемчужиной великой Германии» [6].

В июне 1942 г. разработан окончательный план по переустройству Крыма. Над проектом трудились весьма грамотные специалисты. Исходя из общей идеи германизации, полуостров планировали заселить южными тирольцами, проживавшими в северной Италии. Тирольцы решали сразу две проблемы: этнической «германизации» Крыма и спор с Италией по вопросу статуса Южного Тироля. Фрауэнфельд даже обратился к тирольцам с призывом оставить «свою родину во имя улучшения отношений между Германией и Италией». В качестве поощрения генеральный комиссар Таврии обещал отдать им в полное распоряжение Крымский полуостров. В своем меморандуме он говорил о преимуществах переселения на полуостров и расписал богатые крымские почвы, разнообразные виды растений, возможность выращивать табак, и даже производить цемент. В целом, он также отмечал хорошее состояние крымских поселений.

В этот период времени шла активная пропагандистская работа с местным русскоязычным и крымскотатарским населением. Применялись различные методы. Шло распространение информации через громкоговорители, стационарные и передвижные, установленные на машинах. Во многих кинотеатрах шел показ немецких пропагандистских фильмов. Печаталась пропагандистская литература. Больше внимание уделялось наглядным методам — плакатам и объявлениям, выпускавшимся обычно на немецком и русском языках, а иногда также и на крымскотатарском. Крайне важной составляющей пропагандистской работы были еженедельные газеты: русскоязычная «Голос Крыма», крымскотатарская «Азат Кърым» (Свободный Крым) и немецкая «Дойче Крим-Цайтунг» [5]. В каждой из них уделялось большое внимание антисоветским статьям с призывами к уничтожению «мирового еврейства» и большевистской власти.

Вся эта работа в самом начале производила сильное впечатление на русскоязычное и, особенно, крымскотатарское население. Немцы обещали скорое процветание после освобождения от большевистского диктата. В течение всего периода оккупации были открыты десятки церквей. Различными методами фашисты пытались привлечь местных жителей на свою сторону. Однако неудачная Керченско-Феодосийской операция 1941-1942 гг. повлекла за собой жестокое уничтожение мирных жителей. Так, в Багеровском рву состоялись массовые расстрелы. И таких примеров было множество. После этих событий верить в обещания немцев местные жители отказывались. Кроме того, о зверских преступлениях нацистов ярко демонстрировала советская пропаганда.

В период немецкой оккупации в Крыму действовало партизанское движение. Группы активных и небезразличных добровольцев стали создаваться с июля 1941 г. В течение всего периода, вплоть до освобождения, в боях с врагом участвовало шестьдесят два партизанских отряда, насчитывавших в своих рядах 12,5 тысячи бойцов [4]. Двести двадцать подпольных организаций и групп, объединявших около 2,5 тысячи борцов сопротивления, трудились на благо Родины. Партизаны-добровольцы нападали на оккупантов и их пособников, совершали диверсии на железных дорогах и других общественных местах. Во время операции по освобождению полуострова партизаны особенно активизировались, парализовали деятельность важнейших шоссе дорог, участвовали в боях за города и населенные пункты. Всего за годы войны ими было уничтожено порядка тридцати трех тысяч оккупантов. В оккупационный период партизаны также издавали и распространяли листовки, выходили газеты «Крымский партизан», «За Советский Крым», «Крымская правда», «За Родину» [7].

Существовали и некоторые сложности в период освобождения. Прежде всего это касается существующего многообразия национальностей Крыма. Речь идет о крымских татарах. Часть из них считали германские войска освободителями, пытались даже работать на них в полиции, в ротах самообороны, вступали во входящие в состав немецких вооруженных сил регулярные национальные («мусульманские», «тюркские») части. Однако

вторая часть крымских татар оказывала весомую помощь советским партизанам и подпольщикам.

Источники данного периода упоминают, что до лета 1943 г. крымские татары относились к партизанам весьма негативно. Их работа была связана с содействием в распаде партизанских отрядов, для чего предпринимались активные действия. Татары сознательно, находясь на высоких должностях, расхищали продовольственные склады подпольщиков, осуществляли сговоры. Хорошо изучив месторасположение партизанских отрядов, их территориальную близость, наводили на них немцев и сами участвовали в разгроме их баз. Потому до лета 1943 г. партизанское движение в Крыму было в значительной степени ограничено в действиях.

Немецко-фашистские захватчики строили на этом этапе довольно доброжелательные отношения с крымскими татарами. Они рассчитывали на дружескую помощь и поддержку со стороны их руководства, скорее даже на союз. За это им была обещана татарская автономия в Крыму. С течением времени, в процессе войны картина стала меняться. Применение насилия, репрессии со стороны немцев привели крымских татар к осознанию невозможности автономии в Крыму.

В настоящей статье мы рассмотрели длительный период оккупации крымского полуострова и планы гитлеровской Германии относительно данной территории. Дальнейшее существование Крыма было поставлено под угрозу и сформировано в несколько коварных планов. Однако в силу многих факторов, прежде всего стойкости и героизму русских солдат и офицеров, не один из «готических» проектов Гитлера не был полностью реализован. Весной 1944 г. территория Крыма была освобождена от немецко-фашистских оккупантов. Крым так и не стал Готенландом, а нацистам не удалось обосновать право Германии на владение крымской землей. А в результате блестящего успеха Крымской операции создались благоприятные условия для дальнейшего наступления Советской Армии на запад, для укрепления фронта и тыла Советской страны.

Библиографический список

1. Голос Крыма. 1942. № 6 (67). – С. 1.
2. **Кринко Е.Ф.** Кавказ в планах Альфреда Розенберга / Е.Ф. Кринко // Кавказский сборник. Т. 3 (35). М., Русская панорама, 2006. С. 107–121.
3. Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / под ред. Н.А. Аничкина. – М.: Яуза, 2017. – 400 с.
4. **Романько О.В.** Советское партизанское движение и крымско-татарское население в годы нацистской оккупации (1941-1944) / О.В. Романько // Мусульманский мир, 2016. №3. – С. 2-14.
5. **Рубцов Ю.** Трагедия в Крыму в мае 1942 года // Война и общество. Т. 1. С.101–126.
6. **Синицын Ф.Л.** Северное Причерноморье в захватнических планах Третьего рейха и его сателлитов (1940-1944 гг.) / Ф.Л. Синицын // Вестник РУДН, 2016. № 4. – С. 39-45.
7. **Халилев Л.А., Легеза Л.А.** Страницы военной истории Крыма: противостояние нацизму / Л.А. Халилев, Л.А. Легеза // Научный вестник Крыма, 2017. № 2(7). – С. 1-11.

УДК 94:46 «18»

*Курский государственный университет
Соискатель кафедры всеобщей истории
П.В. Востриков
Россия, г.Курск
Тел. 8-910-245-65-79
e-mail: Sortavala2015@inbox.ru*

*Kursk State University
Post-graduate of History Department
P.V. Vostrikov
Russia, Kursk
Tel. 8-910-275-65-79
e-mail:Sortavala2015@inbox.ru*

П.В. Востриков

УПАДОК ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ ВИРГИНИИ В ПЕРИОД, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В США (1825-1860 гг.)

В данной статье автор рассматривает положение штата Виргиния в тридцатипятилетний период, предшествующий Гражданской войне в США. В течение многих десятилетий представители колонии, а затем и штата Виргинии демонстрировали свои политические знания, таланты, проницательность. Они были лидерами американского народа – нового типа национальной общности, возникающей в мировой истории. К середине XIX в., однако, Виргиния, казалось, пребывала в состоянии упадка во многих отношениях: политическом, экономическом, социальном и культурном. У критиков она ассоциировалась с рабством, бедностью и провинциализмом. В восприятии южан Виргиния, напротив, была страной доблести и добродетели. Но ценности южного культурного типа не были совместимы с идеей прогресса, упрямая обращенность в прошлое стала во многом причиной такого положения, ностальгия, своеобразный романтизм блокировали развитие, но прошлое нельзя было законсервировать, несмотря на все усилия южных плантаторов.

Ключевые слова: социальное развитие, аграрная экономика, институт рабства, «виргинская династия», южный культурный тип

P.V. Vostrikov

DECLINE OF POLITICAL INFLUENCE OF VIRGINIA IN THE ANTEBELLUM PERIOD (1825-1860)

In this article the author researches into the state of Virginia in the thirty-five- year period which preceded the Civil War in the USA. During many decades the representatives of the colony and then the state of Virginia demonstrated their political knowledge, talents and shrewdness. They were the leaders of the American people, which was a new type of national unity, emerging in the world's history. In the middle of the 19th century, however, it seemed that Virginia was in the state of political, economic, social and cultural decline. The critically-minded associated it with slavery, poverty and provincialism. Southerners thought it to be the embodiment of virtue and goodness, though. But cultural values of the South were not compatible with the idea of progress. Looking back into the past in a stubborn way, nostalgia, a particular kind of Romanticism appeared to be the causes of such backwardness. But it was impossible to preserve the past unchanged despite all the efforts of the Southern planters.

Key words: social development, agrarian economy, slavery, “Virginian dynasty”, Southern cultural type.

Значение штата Виргиния в движении за независимость от Англии и формировании федерального правительства было огромным. Четыре президента США из первых пяти были виргинцами, каждый из которых занимал пост два срока подряд: кроме того, Джордж Вашингтон был главнокомандующим вооруженными силами, Томас Джефферсон – главным автором Декларации независимости, Джеймс Мэдисон – основным автором Конституции, Джеймс Монро являлся одним из инициаторов важнейшей внешнеполитической доктрины.

Политики из Виргинии преобладали в Конгрессе, Джон Маршалл возглавлял Верховный Суд. Выходцы из этого штата, Мерриуэзер Луис и Уильям Кларк были лидерами знаменитой экспедиции 1804-1806 гг. в исследовании Запада. С приобретением Луизианы, ранее в 1803 г., открывались перспективы освоения новых земель, и многие жители Виргинии срывались со своих не очень обжитых мест, население штата снижалось, с этим начинало снижаться и политическое влияние Виргинии. Далее, Стивен Остин, Эдвин Уаллер, Хейден Харрисон Эдвардс также были пионерами из Виргинии, которые положили начало исследованиям Техаса.

Джефферсон был наиболее влиятельным среди этих деятелей именно в качестве президента. Примечательно, что сам он разработал для себя дизайн могильного памятника, на котором можно прочесть эпитафию: «Здесь похоронен Томас Джефферсон, автор Декларации независимости, статута о свободе вероисповедания и основатель Виргинского университета» [23.P.274]. Это было проявлением скромности, что вызывала восхищение у потомков.

Избранный президентом в 1800 г., он выступил с идеей облегчения доступа представителям малоимущих слоев американцев к государственному земельному фонду, он говорил о необходимости бесплатного наделения каждого безземельного американца участком в 50 акров. Его политическая программа ставила целью соединение прямой и представительной демократии. На практике, однако, он придерживался более умеренного курса, проводя только те реформы, которые находили поддержку во всех слоях общества и одобрялись законодательными собраниями [7.P.81-82]. При Джефферсоне были отменены законы о натурализации, об иностранцах и измене, снизились налоги, ускорилась выплата национального долга, сокращен госаппарат, в 1808 г. был запрещен ввоз рабов в страну [3. С.180].

В джефферсоновский период произошли важные изменения в конституциях штатов, подразумевавших снижение, а то и отмену имущественного ценза. Преемники Джефферсона, Мэдисон и Монро, продолжили его политику в этом направлении, в итоге к концу 1820-х годов имущественные ограничения в подавляющем большинстве штатов (особенно новообразованных) перестали существовать [7.P.83].

В.В. Согрин рассматривал период 1800-1840 гг. как период развития американской демократии, когда демократия расширялась в интересах нижних белых слоев и, подводя итоги президентства Джефферсона отмечал: «Преобразования джефферсоновской демократии в сравнении с последовавшей за ней джексоновской демократией выглядят скромно. Другое дело, что без социально-экономических процессов, ускоренных джефферсоновской демократией, невозможно было бы говорить о демократии джексоновской» [7.P.81].

Президентство Джефферсона было отмечено, однако, некоторыми внешнеполитическими неудачами. На экономическое положение Америки повлияли некоторые обстоятельства наполеоновских войн. Так как американские корабли продолжали вести торговлю с Францией, британцы начали в 1805 г. захватывать американские суда. После победы адмирала Нельсона при Трафальгаре в 1806 г. Британия спровоцировала блокаду континентальной Европы, после этого Наполеон начал блокаду Британии, тем самым был нанесен ущерб торговым интересам Америки. И в декабре 1807 г. Конгресс принимает Закон об эмбарго, что накладывал запрет на всю зарубежную торговлю во внутренних американских водах. Он был направлен против Британии и Англии, но на деле имел глубокие отрицательные последствия для экономики США, особенно Новой Англии [2. P.69-71]. Закон об эмбарго нанес серьезный ущерб репутации Джефферсона. Сам он был потрясен и деморализован, он всегда имел обыкновение вести переписку со всеми желающими писать ему, это был колоссальный труд, и теперь он получал большое количество сообщений от яростных критиков введенного эмбарго. Уходя с поста он писал, что «ни один заключенный, освобождающийся от оков не чувствовал еще такого облегчения, какое испытываю я, стяхивая с себя оковы власти» [19.P.256-257].

После Джефферсона, партия федералистов, утрачивая свой политический вес, стремилась преобразовать себя в партию Национальных республиканцев, которая ставила целью на словах угодить потребностям многих, на деле происходило свертывание социальной базы. Президент Мэдисон подписал закон о Национальном банке, что проводил политику высоких протекционистских тарифов, дорогих проектов по поддержанию национальной индустрии и сети коммуникаций. В 1820-е годы уже наступило время активной массовой политики, что во многом противоречило новой финансовой стратегии. Дж. Монро (1817-1825 гг.) продолжал курс протекционизма, поддерживал финансистов и земельных спекулянтов. Такая активность, по мнению оппонентов Монро, приводила к сращиванию государства с бизнесом и массовой коррупции [7.С.91].

Роль штата Виргиния после завершения правления этой чреды президентов и других деятелей стала снижаться. Виргиния постепенно утрачивала свое преимущество в Конгрессе. Самым населенным штатом стал Нью-Йорк, Виргиния же, которая была самой населенной провинцией в колониальный период, перед Гражданской войной была только седьмым штатом по населению, а количество конгрессменов сократилось с двадцати трех до одиннадцати. Около миллиона человек покинули Виргинию в период между Американской революцией и Гражданской войной. От нее отделились территории, ставшие штатом Кентукки и частью Огайо [15.Р.66]. Впрочем, такой массовый исход способствовал распространению виргинского культурного типа, законодательства, политических идей по всей расширяющейся территории США.

Эндрю Джексон, жесткий и упрямый политик, став президентом в 1829 г. изменил представления о характере института президентства в стране. Представитель приграничного культурного типа, он познал много тягот, лишений, разочарований в жизни. Многие жители границы, бедные фермеры считали его своим, он был одним из них. Прямолинейный стиль его президентства отличался от мягкого управления представителей аристократии Виргинии и Новой Англии (двух Адамсов). Джексон принялся руководить с помощью «кухонного кабинета» и создал прецедент «дележа добычи», когда президенты назначают на ответственные федеральные должности своих сторонников [2.С.79].

После окончания Войны за независимость в 1783 г., темпы социального развития США стремительно ускорились, расширение территории США на Юг и на Запад стало выявлять и региональные особенности. В декабре 1811 г. президент Мэдисон принял Указ о строительстве канала Эри, (что вызвало бум экономического развития в северных штатах) и одновременно подписал Билль о предоставлении северным штатам дополнительных восемнадцати мест в Палате представителей, Нью-Йорк один получил десять мест [14].

Все сильнее нарастал антагонизм между Севером и Югом. Несколько десятилетий перед Гражданской войной имели решающее значение для формирования типа южной культуры, для которого было характерно создание особой мифологии [5.С.318-320]. Значительная часть виргинцев продолжала разделять идеалистические воззрения Т. Джефферсона на труд сельского труженика, как и его опасливое отношение к промышленности и городской коммерческой деятельности. Им недоставало буржуазного склада ума. Виргиния не поспевала в своем промышленном развитии за наиболее продвинутыми штатами, да, видимо, жизненная философия джентри и не допускала стремления к прогрессу. Напротив, их взоры были обращены в прошлое, то был для них «золотой век», еще не впусивший в себя механизацию отношений. Представители элиты зачитывались романами Вальтера Скотта и, в подражание его героям, участвовали в рыцарских турнирах, отстаивали свою честь на дуэлях, что были запрещены. Наибольшую популярность приобретали идеи южной провинциальности, а «южные кавалеры» воспринимали себя как потомки аристократов-роялистов, сражавшихся под знаменами Карла I во время Английской буржуазной революции. Система рабовладения оправдывалась не только с экономических позиций. Для нее находились основания и в этике, философии, религии и истории. С начала XIX столетия Юг начинает создавать свое видение истории, возникает осознание своего региона как уникального социокультурного феномена. Юг

выступает как обобщенное абстрактное понятие, соединенное с коллективным сознанием – это идея республики, созданная по античным образцам, это «Аркадия», в которой воплощен был пасторальный идеал. Этот иллюзорный образ после Гражданской войны получит название "Старого Юга" [5.С.321-323]. Интеллектуалы основали Историческое и философское общество Виргинии в Ричмонде, в 1831 г., стремясь сохранить наследие и память прошлого [24]. В 1834 г. был основан «Южный литературный вестник». Это издание пропагандировало идею создания южной литературы, придания более глубокого общественного значения писательской деятельности. Постепенно журнал стал яростным апологетом южных культурных и социальных институтов при непримиримом отношении к позиции северян. Такая чрезмерная приверженность идеологии отрицательно сказывалась на качестве многих произведений [5.Р.324].

При очевидном экономическом и политическом упадке, однако, культурная жизнь штата была отмечена развитием некоторых литературных форм. Этот процесс начался в конце двадцатых годов в Виргинии, когда основные течения английской литературы достигли южных плантаций. Романистики до этого времени в Виргинии не было. Она началась с появления Джона П. Кеннеди с его романом «Своллоу-барн», где он с юмором и симпатией описал быт виргинских плантаторов. За ним последовал Уильям Карузерс, в художественной форме изложивший восстание Н.Бэкона (с искажением исторических фактов) в романе «Кавалеры Виргинии, или джеймстаунский отшельник». Также он идеализировал кавалеров как главную политическую силу Юга в романе «Рыцари подковы», где основным событием послужила экспедиция губернатора А. Спотсвуда к склонам Голубого хребта в 1716 г. В романе представлены сцены жизни колониального Уильямсбурга. Джон Э. Кук занимался публицистикой и создавал художественные произведения, в своих новеллах изображал историю и современность штата Виргиния. Наиболее известным его произведением является роман 1854 г. «Виргинские комедианты» [20].

Чрезмерное использование земли для выращивания табака проводило к истощению почв. Табак был культурой, что определила общий характер экономики и общества Виргинии на протяжении почти двух столетий, но снижение его доли в общем аграрном производстве было долгим процессом, занимавшим десятилетия еще в дореволюционный период, но к началу XIX в. положение стало совсем удручающим. Производство табака перемещалось в западные районы США, сначала к подножиям гор в Виргинии и Северной Каролине, а затем в Кентукки и Теннесси. Между Революцией и Гражданской войной произошли фундаментальные изменения в сельском хозяйстве. В 1770-е гг. экспорт табака превышал экспорт хлопка в пять раз, а в 1850-е годы хлопок был уже в девять раз ценнее. В 1793 г. Эли Уитни изобрел волокноотделитель – машину для переработки хлопка. Подъему хлопка и распространению плантаций в штатах глубокого Юга: Алабаме, Джорджии, Миссисипи, Арканзасе, Южной Каролине, а вместе с этим и укреплению рабства во многом способствовала эта новая технология. Надежды северян, что рабство постепенно исчезнет, оказались тщетны [2.С.66].

В то же время многие фермы в Виргинии были поделены, другие заброшены и разрушены, впрочем, они пробуждали ностальгические чувства в среде писателей и художников. Жителям провинции могло казаться, что они остались жить в своем славном прошлом. Это происходило с самыми значительными владениями колониального периода, то были Уестовер Уильяма Берда, особняк Розвелл Пейдж – самое крупное строение подобного рода, Номини Холл Роберта Картера III, Маунт Вернон Вашингтона и Монтичелло Джефферсона. В 1832 г. Уильям Барри, главный почтмейстер США, совершил поездку к имению Джефферсона и отметил: «все запущено и разрушено». После смерти Джона Пейджа в 1808 г., друга Т. Джефферсона и губернатора Виргинии, его фамильный особняк Розвелл был необитаем в течение тридцати лет. Английский путешественник свидетельствовал: «Крысы прогрызли дыры в панелях, штукатурка осыпалась, крыша протекала, окна были разбиты, были и другие следы разрушения, причиненные вандалами». Окончательно этот

особняк был разрушен во время пожара в 1916 года [21.Р.69-70]. Зброшен оказался и Уильямсбург, бывшая столица бывшей колонии. Он стал тихим, ветшающим провинциальным местечком.

Знаменитый рассказ Эдгара По «Падение дома Ашероу» содержит в себе описание довольно мрачного пейзажа, среди которого находится старое поместье, в здании усадьбы имеется едва заметная трещина, которая рассекает его сверху донизу. В конце рассказа случилась буря, во время которой трещина расширяется, и дом с оглушительным грохотом разрушается. В этом произведении точное местонахождение дома не указано, но некоторые исследователи склонны видеть в рассказе определенную аллeгорию упадка Виргинии [21.Р.73].

Среди средних и низших слоев белого населения популярностью пользовались охота, рыбная ловля, ревайвелистские собрания. Были и суровые условия жизни: желтая лихорадка, холера, оспа, что уносили жизни сотен людей, высок был уровень детской смертности. И богатые, и бедные разделяли некоторые общие ценности: любили свою землю, не любили янки и афроамериканцев [18].

Интересно отметить, что Джефферсон вел долгую борьбу с 1776 по 1785 гг. с виргинской легислатурой по поводу отмены майората, то есть права на получение наследства старшим сыном в случае отсутствия завещания. Как писал В.Н. Плешков: «Земельные реформы Джефферсона, направленные на превращение аристократического общества в демократическое, оказали существенное влияние на трансформацию экономической жизни Виргинии. И не только Виргинии. Они стали неотъемлемой частью движения, которое охватило другие штаты и привело к уничтожению майората и первородства почти во всех штатах в течение 10 лет после подписания Декларации независимости» [6, с. 173-174]. В результате многие плантации, которые уже не переходили во владение одного лица полностью, претерпевали деление на многие участки. И плантаторы, владевшие от 5000 до 10000 акров земли, что было распространено в колониальный период, практически исчезли в Виргинии к 1830-м годам [12.Р.491]. Д.Бурстин пришел к выводу, что в этих демократических переменах заключается урок высочайшей иронии: «Начав Революцию и столь много сделав для ее победы, виргинская аристократия, по существу, совершила самоубийство. Бедствия войны, разрушения, произведенные в Виргинии британскими войсками, отделение церкви от государства, разрыв торговых связей и упадок культуры табака – все это внесло лепту в конец аристократии и ее институтов» [1.С.180-181].

В долине Шенандоа и в районе Пидмонта фермеры выращивали обильные урожаи кукурузы и пшеницы, разводили скот. Благодаря их усилиям, Виргиния сумела сохраниться как один из ведущих аграрных производителей Юга. Но такой экономический порядок, при котором бы более ускоренными темпами развивалась промышленность, была бы востребована рабочая сила в лице инженеров, механиков, прочих специалистов, а также обеспечивал бы приток иммигрантов, мог разрушить столь хрупкую и лелеемую систему взглядов, в которых преобладала идеализация прошлого.

Уже в 1820-1830-е годы в общественном сознании начинают проявляться представления о Юге как мире, обреченном на поражение, так как подобные ценности не совмещались с историческими реалиями. Конгрессмен из Виргинии Джеймс Мерсер Гарнетт печалился о текущем состоянии штата в 1827 г.: «Виргиния, бедная Виргиния представляет собой такое зрелище, что это достаточно пронзить сердце ее истинных друзей». Он писал об упадке хозяйств восточных графств. Это отмечали многие путешественники того периода, оказывающиеся в Виргинии. Знаменитый публицист, социолог и ландшафтный архитектор Фредерик Л. Олмстед, сравнивая Виргинию с Нью-Йорком, отмечал, что в северном штате имеется почтовое отделение на каждые 14 кв. мили, тогда как в Виргинии только одна почта на 47 кв. мили; 800 тыс. томов в общественных библиотеках Нью-Йорка и всего 30 тыс. - в Виргинии. Земля в Виргинии производила одну восьмую урожая от акра, получаемого на северо-востоке. А о быте виргинцев он писал: «Жители Виргинии зарабатывают очень мало

и они бедны...в домах все грязно и неряшливо... Нигде я не встречал томака Шекспира, пианино, ноты, гравюру, картину или лампу для чтения. Я не говорю здесь о тех, кого называют «бедными белыми». Большинство из них – рабовладельцы» [14].

Тем не менее, в Виргинии получают развитие многие амбициозные проекты по развитию инфраструктуры: здесь были построены каналы: Канал Великого мрачного болота, а также Канал рек Джеймс и Канавха, а также появились новые дороги. Петербург стал важным производственным центром, где половину всех тружеников составляли свободные негритянские мастера. Железные дороги появились в Виргинии в 1830е годы. Они связывали места добычи угля с прибрежными Атлантическими портами. Был прорублен тоннель сквозь склоны Голубого хребта. В Виргинии были обнаружены богатые залежи железной руды. Горное дело возникло здесь еще в колониальный период, со временем появилось около 80 цехов по выплавке чугуна, стали, были занято около 7 тыс. работников, большую часть из которых составляли рабы. Незаинтересованность в результатах своего труда, однако, означала слабость трудовой этики, поэтому Виргиния со временем отстала от Пенсильвании, Нью-Джерси и Огайо, где рабский труд практически не применялся [10.Р.194-202]. Экономическая необходимость, вступая в противостояние с причудливыми средневековыми идеалами, брала вверх, и развитие промышленной инфраструктуры в Виргинии заморозить было невозможно. К началу 1860-х годов экономика Виргинии была достаточно разнообразной. Она преуспевала и в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Транспортные артерии связывали ее с новыми рынками. Тем не менее, темпы экономического роста заметно отставали от положения на Севере.

Среди нового поколения виргинских политиков, чьи таланты и деятельность можно было бы назвать сопоставимыми с весом знаменитых отцов-основателей, представителей элиты Виргинии революционного поколения, особняком стоял лишь Джон Рэндольф из Роанока (1773-1833 гг.), отпрыск влиятельной виргинской фамилии. Для него было характерной чертой обращенность в прошлое, идеализация старых виргинских порядков, сопротивление переменам. Он был ярким сторонником прав штатов. Он был фигурой весьма своеобразной. Рэндольф появлялся в Конгрессе в высоких сапогах и с кнутом в руках, своих оппонентов он стремился уничижить длинными, презрительными речами, которые не были, однако, лишены некоторой красоты слога [21.Р.67].

Рэндольф яростно отстаивал привилегии восточных графств во время важного события во внутривиргинской жизни Виргинии – заседания Конвента в декабре 1829 г. Это было время назревших внутривиргинских противоречий. Западные графства штата, где не было рабовладения, требовали всеобщего избирательного права для белых. Представители плантаторской элиты восточных графств придерживались принципа так называемого федерального числа, когда при оценке представительства учитывалось 3/5 от количества рабов. В итоге дебатов был принят компромиссный вариант: в обе палаты выборы стали проходить на основе среднего арифметического между численностью белого мужского населения и федеральным числом [4.С.531-533]. Дебаты в ходе Конвента привели к пересмотру конституции 1776 г., в которой избирательными правами наделялись только богатые землевладельцы юго-восточной Виргинии, выходцы из которой сосредоточили власть в своих руках. Конституция, принятая в 1830 г., расширяла права жителей западных районов, но все равно не могла вполне удовлетворить их [13.Р.218]. К концу 1840-х годов большинство белых жителей Виргинии проживали, согласно переписи, в западных графствах, но они не были достаточно представлены в легислатуре штата, в которой по прежнему доминировали представители старой плантаторской элиты. Легислатура также избирала губернаторов и сенаторов. Политики западных районов сознавали, что они не имеют достаточных рычагов влияния в отстаивании своих интересов. Возникла необходимость в новых дебатах, которые привели к утверждению «Конституции реформ» 1851 г., которая наделяла избирательными правами всех белых мужчин.

Неудовлетворенность олигархическо-плантаторской структурой власти, определенной конституцией 1776 г. вылилась в конституционные дебаты на протяжении почти целого

столетия [13.Р.213-216]. (Были также приняты новые конституции в 1864, 1870, 1902 гг. В настоящее время действует конституция 1971 года).

Экономическое и социальное развитие западных графств в первой половине XIX в. приводило также к усилению различий и сфере сельского хозяйства, возможностях транспорта (в восточной части все реки Виргинии вели к Атлантике, в западных же графствах основной водной артерией была река Огайо), а главное – там не было рабства. Те восточные плантаторы, что переходили от табака к другим культурам, не требующим большого количества рабочих рук, продавали своих рабов, восточная Виргиния стала поставщиком невольников в штаты глубокого Юга, где преобладал хлопок. Были различия религиозные и культурные, они стали возникать еще в ходе колониального периода, в глубине Виргинии поначалу преобладали пресвитериане, там же бурно распространялись баптизм и методизм, в восточных графствах преобладала епископальная церковь[9].

Уильям Генри Гаррисон (1773-1841 гг.), девятый президент США, имел виргинское происхождение. Его отец, Бенджамин Гаррисон V, был знатным плантатором и политическим деятелем, он был спикером Палаты горожан, губернатором Виргинии и подписантом Декларации независимости. Уильям Гаррисон избрал карьеру военного, дослужился до генерала и прославился как национальный герой, разгромивший Текумсе (индейского вождя, поддерживаемого англичанами) и самих англичан в ходе англо-американской войны 1812-1814 гг. Политическая его деятельность была связана с Огайо, от этого штата он избирался членом Палаты представителей и Сената. Гаррисон был избран президентом в возрасте 68 лет в 1841 г., но во время инаугурационных мероприятий заболел воспалением легких и через месяц скончался. Это самый короткий период пребывания на посту президента США.

Его сменил представитель видной виргинской семьи, вице-президент, Джон Тайлер (1790-1862 гг.), т.е. он стал президентом не в результате выборов. Тайлер не оправдал ожиданий поддержавшей его партии вигов, которые хотели улучшить свое положение на Юге. Он часто избирал сторону демократической партии, наложил вето на многие законопроекты большинства членов Конгресса (вигов). Это привело к тому, что кабинет, назначенный еще Гаррисоном, вышел в отставку, но Тайлер продолжал политику поддержки демократов и до конца правления имел враждебные отношения с Конгрессом. Президентство Тайлера имело в конституционно-правовом поле большое значение, здесь институт президентства был усилен в противостоянии Конгрессу. Самым важным событием его пребывания на посту стала аннексия Техаса в 1845 г. Став президентом в результате смерти Гаррисона, Тайлер во многом не оправдал надежд, поддерживающих его людей (имела место даже попытка импичмента), а историки, как правило, не очень высоко оценивают деятельность Тайлера на посту президента. Это был «президент без партии» [21. Р. 234]. Например, Р. Сигер писал: «Он был смелым, принципиальным человеком, честным борцом за свои убеждения... Но он не был великим президентом, не был он и интеллектуалом. Кроме присоединения Техаса и подписания соглашения с Британией о морской границе, его администрацию следует признать неудачной с точки зрения современных критериев» [22.Р.13-16]. Джон Тайлер был последним представителем аристократии виргинского типа на посту президента США.

Перемены в экономической привели к снижению доли фермеров и роли плантаторов в политической жизни, усиливали дебаты по поводу проблемы рабства. Очевидно, голоса в пользу его сохранения брали вверх. 1 января 1831 г. идеи полной отмены рабства (аболиционизма) были впервые изложены Уильямом Ллойдом Гаррисоном (1805-1879 гг.) в газете «Освободитель» [17.Р.233-234]. Антирабовладельческое движение набирало силу на Севере. К 1840 г. в Штатах было уже около 200 таких сообществ, членами которых были 251 тыс. человек. Одним из важных методов их работы стала организация побегов рабов в северные штаты [7.С.80].

Как ответ на критические атаки с Севера, 1850-е годы были отмечены усилением пропаганды в пользу рабства в южных штатах. Наиболее ярким сторонником рабства был

видный политик из Южной Каролины, Джон Колдвелл Кэлхун (1782-1850 гг.). Он был главным идеологом рабовладельческой политики и лоббировал интересы южных плантаторов в федеральном правительстве. Он утверждал: «Мы, южане, не откажемся, не сможем отказаться от наших институтов. Чтобы поддерживать существующий порядок отношений между двумя расами, населяющими эту часть Союза, рабство является необходимым для мира и счастья обоих. Его нельзя изменить, не залив страну кровью или не искореняя одну или другую расу. Хорошо рабство или плохо, оно выросло вместе с нашими институтами и с нашим обществом, так тесно переплелось с ними, что его уничтожение привело бы к уничтожению нас как народа... Но я сам считаю его благом... Я взываю к фактам. Никогда ранее черная раса из центральной Африки, от начала истории и до наших дней, не достигала такого уровня цивилизации и материального, морального и интеллектуального состояния» [11]. Его идеи получили развитие и после его смерти для обоснования отделения Юга. Позднее лидером в отстаивании агрессивной позиции Юга стал виргинец Джордж Фицью (1806-1881 гг.). У него вышло две работы «Социология Юга» и «Каннибалы все! Или рабы без хозяев», где он стремился показать, что плантационное рабство Юга было более гуманной системой, чем промышленное производство Севера: «Хозяева обращаются со своими больными и беспомощными рабами хорошо, исходя не только из чувств доброты и привязанности, но и по мотивам экономического интереса. Хорошее обращение делает рабов более ценными... Но капиталист, действуя только ради своей прибыли, ничего не дает своим подчиненным. Он их только эксплуатирует» [16.Р.43-45]. У Фицью было множество сторонников, то были политики, журналисты, адвокаты, писатели, профессора. Из-за их деятельности расистская пропаганда, отстаивание своего жизненного уклада распространялась в сотнях книг и периодических изданий.

Мифология Юга начала складываться еще в колониальный период, но единство и однородность Юг обрел только непосредственно перед началом войны, объединяющую роль сыграла здесь общая угроза. Различия проявлялись не только между политической и социальным устройством штатов, имело значение и между «кавалерским» и «йоменским» фермерскими идеалами [5.С.323]. Постепенно южане подготавливали свое возможное отделение от северных штатов, они настраивались на ведение боевых действий, на отстаивание рабства с помощью оружия.

Виргинии предстояло сыграть значительную роль на стороне Конфедерации в этом конфликте. Ричмонд стал столицей отделившихся штатов, на территории Виргинии прошла большая часть боевых действий. Генерал Роберт Э. Ли, самый прославленный военачальник в то время, к которому президент А. Линкольн обратился с предложением возглавить армию Союза, предпочел воевать на стороне южан. Он, прежде всего, был виргинцем, поэтому с неохотой оставил свою должность в армии США, в которой прослужил тридцать два года. Это казалось донкихотством, как отмечал историк П. Джонсон, но выбора у Ли не было. Вот что писал генерал: «При всей моей преданности Союзу, чувстве долга и верности американского гражданина, я не смог решиться поднять руку на моих родственников, моих детей, мой дом» [19.Р.461].

Проблемы, выявленные на Конвенте 1829 г., не были решены достигнутыми договоренностями, а только больше усугублялись, что привело в 1863 г. отделению западной части Виргинии, Конгресс одобрил образование нового штата – Западной Виргинии.

Несмотря на то, что Виргиния играла наиболее значительную роль в формировании антиколониальной идеологии, образовании Соединенных Штатов, создании конституции и заметно влияла на общеполитическую и социальную жизнь первых трех десятилетий молодой республики, многие факторы, такие как истощение почвы от выращивания табака почти в течение двух столетий, массовая миграция на Запад, приверженность к архаичным формам хозяйствования и быта – способствовали снижению влияния этого штата в политической и других сферах. После Гражданской войны, политический и экономический упадок продолжался до конца столетия. В общественном сознании консервативных южан преобладал культ «Проигранного дела» – несмотря на поражение в войне, превозносились

различные «южные добродетели» – честь, храбрость, аристократизм. Однако само прошлое стало служить предметом гордости и отличительной чертой южного культурного типа. Такие особенности мировоззрения способствовали в дальнейшем, в конце XIX – XX вв., воплощению многих замечательных музейных проектов и развитию индустрии культурного и событийного туризма.

Библиографический список

1. **Бурстин Д.** Американцы. Колониальный опыт. М., 1993.
2. **Вард Г.** История США. М., 2009.
3. **Ефимов А.В.** Очерки истории США. М., 1955.
4. **Исаев С.А.** Джеймс Мэдисон. Политическая биография. М., 2006.
5. История литературы США. Т.2. Литература эпохи романтизма/под ред. Я.Н. Засурского М., 1999.
6. **Николаева А.Н.** Социокультурный портрет просвещенной элиты в Североамериканских колониях Великобритании накануне и в период войны за независимость. Дисс. к.и.н. Тамбов, 2014.
7. **Согрин В.В.** Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.
8. **Согрин В.В.** Энциклопедия истории США. М., 2018.
9. **Adams S.P.** Old Dominion, Industrial Commonwealth: Coal, Politics and Economy in Antebellum America. Baltimore, 2010. Available at: www.books.google.ru Дата обращения: 02.06.2019.
10. **Bradford S.S.** The Negro Ironworker in Antebellum Virginia//Journal of Southern History (May, 1959) Vol. 25, No. 2.
11. **Calhoun J.C.** Slavery a Positive Good. Available at: teachingamericanhistory.org Дата обращения: 15.06.2016.
12. **Cashin J.E.** Landscape and Memory in Antebellum Virginia//The Virginia Magazine of History and Biography, 109. (October 1994).
13. **Dabney V.** Virginia, The New Dominion, A History from 1607 to the Present. Charlottesville, 1971.
14. **Dunn S.** Dominion of Memories: Jefferson, Madison, and the Decline of Virginia. NY, 2007. Available at: www.books.google.by Дата обращения: 21.05.2019.
15. **Fischer D.H., Kelly J.C.** Away, I'm Bound Away, Virginia and the Westward Movement. Richmond, 1993.
16. **Fitzhugh G.** Cannibals all! or, Slaves without masters. Richmond, 1857.
17. **Garrison W.L.** The First Issue of Liberator (January 1, 1831)/The Cry for Justice. An Anthology of the Literature of Social Protest/ed.by Upton Sinclair. NY, 1915.
18. **Heinemann R.L., Kolp J.G., Shade W.G., Parent A.** Old Dominion, New Commonwealth: A History of Virginia, 1607-2007. Charlottesville, 2008. Available at: books.google.ru Дата обращения: 28.05.2019.
19. **Johnson P.** A History of the American People. NY, 1997.
20. **Parrington V.L.** Main Currents in American Thought. The Romantic Revolution in America, 1928. Available at: Xroads.virginia.edu Дата обращения: 01.06.2019.
21. **Rasmussen W. M.S., Tilton R. S.** Old Virginia. The Pursuit of a Pastoral Ideal. Charlottesville, 2003.
22. **Seager R.** And Tyler Too. A Biography of John and Julia Gardiner Tyler. NY, 1963.
23. Thomas Jefferson's Instructions Concerning his tombstone//Isaac R. Transformation of Virginia, 1740-1790. Chapel Hill, 1982.
24. **Wetzler J.** The Old Name is History//Richmond Magazine. Target Communications, 2018. Available at: www.richmondmagazineorg.com Дата обращения: 22.05.2019.

УДК 355/359

ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник В.В. Гагин

Научный сотрудник А.В. Князев

Россия, г. Воронеж, тел. 89092161403, 89081390737

e-mail: vrvio@yandex.ru, ak848@yandex.ru

«Air Force Academy prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» (Voronezh)

PhD in history, Senior Researcher

V.V. Gagin

Researcher A.V. Knyazev

Russia, Voronezh, tel. 89092161403, 89081390737

e-mail: vrvio@yandex.ru, ak848@yandex.ru

В.В. Гагин, А.В. Князев

ВВС ГЕРМАНИИ И ДОКТРИНА ЛЮФТВАФФЕ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. 1939-1940

Рейхсмаршал Герман Геринг, создавая доктрину Люфтваффе, исходил из стратегической концепции «молниеносной войны». В свою очередь, «Блицкриг» основывался на положениях «Тотальной войны», разработанной военными теоретиками фашистской Германии. Поставленная на службу преступной агрессивной политике и нацеленная на захват чужих территорий эта авантюристическая теория, хотя и опиралась на мощную научно-техническую базу и развитой военно-промышленный комплекс, была порочна по своей сути, т.к. нацеливала вермахт на выполнение несбыточных планов завоевания германским рейхом мирового господства. Понятие «Блицкриг» и огромные пространства России есть изначально взаимоисключающие понятия. В 1945 г. высокомерная недооценка немцами своего противника на Востоке привела к вполне закономерному краху, но в 1939-1940 гг. совместные быстрые стремительные операции Вермахта и Люфтваффе, когда авиация, как воздушная артиллерия, помогала продвижению бронетанковых войск, а танки, в свою очередь, помогали самолетам в их борьбе за господство в воздухе, захватывая вражеские аэродромы, привели к катастрофическим последствиям для целого ряда европейских стран – Польши, Норвегии, Бельгии, Голландии и Франции. Лишь островная Великобритания устояла, но это потребовало от метрополии предельного напряжения сил. Мощная экономика оккупированных развитых европейских государств добавилась к военной промышленности Германии, Австрии и Чехословакии, создав предпосылки к выполнению дальнейших агрессивных планов Гитлера.

Ключевые слова: воздушная доктрина, организация Люфтваффе, операция «Вейс», операция «Гельб», пикирующие бомбардировщики, парашютный десант, Нарвик, Битва за Британию, тотальная война, молниеносная война.

V.V. Gagin, A.V. Knyazev

GERMAN AIR FORCE AND LUFTWAFFE DOCTRINE AT THE FIRST STAGE OF THE SECOND WORLD WAR. 1939-1940

Reichsmarshal Hermann Goering, creating the Luftwaffe doctrine, proceeded from the strategic concept of a «blitzkrieg». In turn, «Blitzkrieg» was based on the provisions of the «Total War», developed by the military theorists of Nazi Germany. This adventurist theory, although it was based on a powerful scientific and technical base and a developed military-industrial complex, was flawed for its essence, because Wehrmacht aimed at fulfilling unrealizable plans to conquer German Reich of world domination. The concept of «Blitzkrieg» and the vast spaces of Russia are initially mutually exclusive concepts. In 1945, the arrogant underestimation of the Germans of their enemy in the East led to a completely natural collapse, but in 1939-1940 joint rapid operations, when aviation, like aerial artillery, helped advance armored forces, and tanks, in turn, helped planes in their struggle for air supremacy, seizure of aircraft, engaging in dangerous consequences for a number of countries of the countries – Poland, Norway, Belgium, Holland and France. The United Kingdom demands that this should be the utmost exertion of strength from the metropolis. Austria and Czechoslovakia created the basis for the implementation of further aggressive plans of Hitler.

Key words: aerial doctrine, organization of the Luftwaffe, Operation Weiss, Operation Gelb, dive bombers, parachute assault, Narvik, Battle of Britain, the same war, lightning war.

Война против Польши. План войны германского командования заключался в том, чтобы решительными концентрическими наступательными операциями, превосходящими силами, при одновременном максимальном разрушении всего военного и государственного тыла Польши действиями ВВС, в кратчайший срок разгромить вооруженные силы противника и занять его территорию.

К началу военных действий Германия закончила все необходимые по ее плану мероприятия для ведения войны. Польша не успела ни закончить полностью мобилизацию, ни сосредоточить и развернуть все свои вооруженные силы. Польские ВВС к началу войны насчитывали в строю: бомбардировщиков – 180, истребителей – 400, линейных (разведчиков и бомбардировщиков) – 320. Кроме того, имелось еще 800 учебных и тренировочных самолетов, в том числе и устаревшие боевые самолеты. В резерве состояло 400-500 самолетов всех назначений.

Германские ВВС, развернутые против Польши, насчитывали в строю: бомбардировщиков – 1100-1200 (в том числе до 200 пикирующих), истребителей – 600, разведчиков – 250. Нельзя не отметить, что подготовка летно-технического состава Люфтваффе была очень хороша – даже в сравнении с ВВС развитых стран Запада. Например, пилоты пикирующих бомбардировщиков Ю-87 «Штука» весьма умело использовали по назначению летно-тактические особенности этих машин [1.С.121].

Таким образом, германские ВВС были численно в два раза сильнее польских. Это численное превосходство было главным образом в составе бомбардировочной авиации, т.е. основного наступательного вида авиации. Качественно польские ВВС также значительно уступали германским. Основной польский истребитель «ПЗЛ-24» имел скорость около 430 км/час, в то время как германские истребители «Мессершмитт-109» обладали скоростью полета свыше 500 км/час. Некоторые германские бомбардировщики превосходили по скорости полета польский истребитель «ПЗЛ-24». Большинство частей польских ВВС (70 %) имели на вооружении самолеты устаревших типов. ПВО Польши насчитывала всего около 200 зенитных орудий среднего калибра и около 200 малокалиберных.

Таким образом, 900 польским боевым самолетам, уступавшим по своим качествам противнику, было противопоставлено 2000 современных немецких самолетов. Не могли сыграть какой-либо существенной роли и те 400 зенитных пушек, которыми располагала Польша для прикрытия 1500 км фронта и всего государственного тыла. Если к этому еще добавить неподготовленность польской сети оперативных аэродромов и недостатки в управлении авиацией, становится совершенно понятным то быстрое поражение, которое потерпела польская авиация, несмотря на отдельные примеры польской военной доблести в воздушных боях [2.С.20].

Первой и основной задачей, к решению которой стремилась немецкая авиация в этой войне, было быстрое завоевание господства в воздухе. Какими путями немцы этого добивались? Отвечая на этот вопрос, следует отметить особое значение первого массированного удара немецкой авиации по аэродромному расположению польской авиации. Это – одно из основных положений немецкой воздушной доктрины. Немцы считали, что такое нападение может дать возможность сразу же нанести решительное поражение авиации противника. Последующие удары по аэродромам и успешные воздушные бои должны были, по их представлениям, завершить в короткий срок поражение воздушного противника. В войне один на один с противником, во много раз более слабым, владеющим сравнительно небольшой государственной территорией и лишенным помощи извне, немецко-фашистская концепция борьбы за господство в воздухе могла дать и дала положительный результат.

Второй характерной чертой воздушной доктрины фашистской Германии, как показала война с Польшей, являлось стремление дезорганизовать работу железных дорог, занятых в начальный период войны перевозками по стратегическому сосредоточению и мобилизационными перевозками. Эти действия дополнялись ударами по крупным автоперевозкам противника к фронту. К решению этой задачи ВВС приступили с первых же

дней войны. Удары по коммуникациям немцы стремились распространить на большую глубину, и направлялись они главным образом по железнодорожным узлам. Цель этих действий – сорвать, дезорганизовать стратегическое сосредоточение вооруженных сил противника. Кроме того, удары по коммуникациям вносили серьезные затруднения в осуществление значительных перегруппировок. Немецкая авиация, действовавшая по железнодорожным станциям вблизи фронта, одновременно уничтожала материальные запасы, накопленные на них и необходимые для боевых действий и жизни войск [3.С.15-20].

Основные усилия немецкой авиации сначала были сосредоточены в зоне, более близкой к своим войскам. В дальнейшем глубина воздействия все более возрастала. Это свидетельствует о четкой увязке действий ВВС с операциями сухопутных сил. Вначале поражаются железные дороги – главные стратегические объекты, на которых в тот момент сосредоточены сухопутные армии противника, и разрушение которых сразу же обрывает приток на фронт новых сил, пополнений и материального обеспечения. Когда разбитые польские армии отходили, а из глубины страны на фронт были направлены резервы, германские ВВС соответственно углубили свои удары, чтобы задержать неприятельские резервы. Кроме того, в разные периоды различные железнодорожные направления становились главными объектами нападений, что можно объяснить различной провозной способностью отдельных магистралей и наличием фактических перевозок. Следует также обратить особое внимание на то, что действия немецких ВВС по железным дорогам дополнялись диверсиями парашютистов.

На опыте германо-польской войны особо выявилось значение взаимодействия мотомеханизированных соединений с авиацией в наступательных операциях. Танк, самолет и автомобиль обеспечивали быстроту продвижения в глубину расположения противника, что приводило к дезорганизации управления и питания польских войск, к дроблению их отдельных группировок, к задержанию подхода резервов и их поражению, к недопущению отхода войск под нажимом с фронта. Успешные действия германских мотомеханизированных соединений в значительной мере были достигнуты благодаря содействию авиации. Первой и важнейшей задачей, которую решала авиация в интересах мотомеханизированных войск, было завоевание и удержание господства в воздухе. Второй по своему объему и значению задачей являлась дезорганизация транспорта и уничтожение запасов горючего противника. Действия ВВС в глубине территории противника приводили к нарушению управления войсками, не допускали подвоза резервов, боеприпасов, питания. Пользуясь полной потерей управления польскими войсками, в глубокий тыл противника прорывались германские танковые соединения, за ними – моторизованные, которые находили там уже в достаточной мере подготовленную обстановку для своих действий [4.С. 230].

При этом Люфтваффе продолжали и в дальнейшем непрерывное содействие мотомеханизированным войскам. Как «летающая артиллерия», германская боевая авиация своими штурмовыми действиями осуществляла постоянную непосредственную поддержку наступающим танковым частям и подразделениям вермахта. Для выполнения этих задач немцы имели то, чем совершенно не располагали поляки, а именно – пикирующие бомбардировщики, способные с большой точностью сбрасывать бомбы даже калибром в 500 кг, и двухмоторные истребители, скоростные, достаточно маневренные, с сильным пулеметно-пушечным вооружением, которые были использованы в качестве штурмовиков. Кроме того, господствуя в воздухе, германская авиация была в состоянии обеспечить мотомеханизированные войска постоянной разведкой и транспортными перевозками. Транспортная авиация не раз доставляла мотомеханизированным войскам горючее, боеприпасы и прочее.

Зная, где находится противник, штурмуя и бомбардируя его позиции, задерживая его движение, дезорганизуя управление и перевозки, немецкая авиация препятствовала созданию нового организованного и устойчивого фронта обороны, что позволяло танковым и моторизованным соединениям легче разрывать польскую армию на отдельные группировки

и наносить им поражение. В этих условиях немцы решались на очень глубокие проникновения в расположение противника и тыловые аэродромы, благодаря своим мотомеханизированным соединениям. Таким образом, реализовывался один из главных тезисов «молниеносной» войны: «Танки воюют с авиацией противника» [5.С.137].

Кратко характеризуя воздушную доктрину фашистской Германии по опыту войны с Польшей в 1939 г., необходимо отметить следующее. В соответствии с доктриной «блицкрига» ВВС Германии стремились внезапным массовым нападением на аэродромное расположение более слабой авиации противника нанести ей решительное поражение, а последующими атаками аэродромов и воздушными боями в течение всего нескольких дней после начала войны окончательно добить авиацию противника и захватить господство в воздухе. Одновременно с завершением борьбы за господство в воздухе авиация действиями по коммуникациям стремилась нарушить стратегическое сосредоточение неприятельских вооруженных сил для того, чтобы стремительно наступающие германские армии и в первую очередь их подвижные войска имели возможность бить наземные войска противника по частям. Там, где возникала необходимость в этом, немецкая авиация приходила на помощь своим наземным войскам главным образом непосредственным боевым содействием с воздуха. Удары с воздуха по городам, диверсионные группы воздушных десантников и «пятая колонна» должны были нарушать государственное и военное управление, сеять панику в тылу и тем самым, в конечном счете, помогать своим наступающим наземным войскам в их стремлении разбить вооруженные силы противника и захватить его территорию. Данные доктринальные положения имеют много общего с современными положениями американского «глобального удара» [6.С.12].

Успешные боевые действия в Европе укрепили уверенность немецкого командования в правильности и превосходстве германской военной доктрины. Несовершенство последней показал лишь последующий ход Второй Мировой войны.

Война в Норвегии. В период с 9 апреля по 10 мая 1940 г. вооруженные силы Германии овладели Норвегией. Попытки союзнического командования поддержать норвежскую армию своими сухопутными, морскими и воздушными силами не дали положительных результатов.

Все виды ВВС Германии приняли участие в военных действиях в Норвегии. По данным зарубежной прессы, в этой операции участвовало 1300 боевых самолетов, из них около 1000 бомбардировщиков. Английские ВВС не смогли в достаточной мере поддержать действия союзнических войск и морского флота и прикрыть их от воздействия немецкой авиации. Это объясняется тем, что последняя была значительно сильнее английской авиации, а захват немцами датских и норвежских аэродромов позволил им находиться в достаточной близости к своим наземным и морским силам, в то время как ближайшие аэродромы английской авиации находились в 400-500 км от Юго-западной Норвегии.

Наступление немцев в Норвегии началось высадкой воздушных и морских десантов. Внезапность нападения позволила им высадить воздушные десанты на норвежских аэродромах, на которых ничего не было подготовлено для противодействия. На севере Норвегии, в Нарвике, где не было аэродромов, немцы использовали парашютные десанты.

Боевая авиация немцев прочно удерживала за собой господство в воздухе. Среди задач, выполняемых ею, следует отметить, прежде всего, воздушную разведку. Она в достаточной мере информировала германское командование о местонахождении английских морских сил и о союзнических морских перевозках. Крайне ограниченная воздушная разведка англичан, наоборот, не давала возможности английскому командованию не только своевременно вскрыть перевозки немецких войск и нанести по ним удар с воздуха, но и составить себе правильное представление о размерах перевозок и о составе высаженных немцами десантов. Поэтому английское командование недооценило вначале состав германских сил, направленных в Норвегию, и организовало свои первые контрудары недостаточными силами [7.С.53-56].

Основная задача германских ВВС в Норвегии заключалась в том, чтобы совместно с морскими силами отразить атаки английского флота, не позволить ему прервать немецкие

морские перевозки в Норвегию и в то же время воспрепятствовать морским перевозкам союзников. Усилиями главным образом воздушных сил немецкому командованию удалось нанести потери военным кораблям и морским транспортам противника, а также личному составу перевозимых войск. Кроме того, немецкая авиация разрушала портовые сооружения, в том числе причалы, там, где высаживались союзные войска. Задержки в морских перевозках союзников имели большое влияние на ход военных действий в Норвегии и их результаты. В то же время немецкая истребительная авиация, используя захваченные норвежские и датские аэродромы, смогла прикрыть от воздействия английской авиации свои морские перевозки, а также расположение своих войск, порты и аэродромы [8.С.123].

Война в Голландии, Бельгии и Франции. Германское командование планировало оккупировать Голландию и одновременно прорывом через Амьен к Ла-Маншу разорвать фронт вооруженных сил союзников, а потом окружить и уничтожить союзные войска в Бельгии. В последующем германское командование имело в виду вторгнуться из Бельгии во Францию в обход «линии Мажино». Наступление немецких войск, проводимое при значительном превосходстве в силах, успешно завершилось в короткий срок. 5 мая 1940 г. капитулировала голландская армия, а 28 мая – полумиллионная бельгийская армия; 4 июня немцы взяли порт Дюнкерк, через который эвакуировались союзные войска. Союзники были разбиты. Немцы овладели Голландией, Бельгией и частью Северной Франции. Во всех этих операциях большую роль сыграли военно-воздушные силы.

В боевых действиях приняло участие 5000 германских самолетов (3500 бомбардировщиков и 1500 истребителей) против примерно 1000 французских самолетов, 1000-1500 английских и 500 голландских и бельгийских. Следовательно, в численном составе действовавших самолетов Германия все же имела довольно значительное превосходство. Наступление немецких сухопутных вооруженных сил в Голландии и Бельгии, а в последующем и во Франции, в свою очередь обеспечивало все более и более возрастающее в ходе боевых действий превосходство немецкой авиации в воздухе. Когда в войну вступила Италия, это еще более изменило невыгодное соотношение сил для союзников.

Степень модернизации германских ВВС была намного выше союзной авиации. Только 600-800 французских самолетов, главным образом истребителей, были современными. В английских ВВС современных самолетов было не более 50 %. Подготовка летного состава была на достаточно высоком уровне к началу войны, как в Германии, так и во Франции и Англии.

К началу наступления немецкое командование располагало обстоятельными сведениями об аэродромах и расположении на них авиационных частей противника, а также о системе ПВО, оборонительных сооружениях, о местности для использования воздушных десантов и, наконец, о группировке англо-французских вооруженных сил. Наступление немцев началось действиями их бомбардировочной и истребительной авиации по всем основным аэродромам Голландии, Бельгии, а также Северной Франции. Затем в расположении союзников появились первые партии германских парашютистов. Одновременно германские войска перешли границу Голландии, Бельгии и Люксембурга. Нападение немецкой авиации на аэродромы этих стран распространилось на большую глубину (до 400 км). Противовоздушная оборона аэродромов союзников, особенно французских, была слабой. Немцы атаковали в первую очередь аэродромы, на которых располагались части, вооруженные новыми типами самолетов. Это внезапное массированное германское нападение оказалось эффективным: значительная часть самолетов противника была уничтожена или выведена из строя. Одновременно с нападением на аэродромы немцы бомбардировали авиационные склады. В результате соотношение воздушных сил стало еще более благоприятным для Германии.

В течение первых двух дней наступления в нескольких важных районах Голландии и Бельгии были выброшены немецкие парашютные десанты; они захватывали аэродромы, мосты, укрепления, нарушали управление союзного командования, вызывали панику в тылу,

овладевали станциями управления, системой шлюзов и дамб, и нарушали движение на дорогах [9.С.23].

В первые дни наступления немецкие ВВС подавляли воздушные силы союзников как действиями по аэродромам, так и воздушными боями; задерживали прибытие и развертывание новых союзных сил из Франции и Англии; оказывали непосредственное боевое содействие своим войскам, в первую очередь танковым соединениям; организовывали и выполняли высадки воздушных десантов, а также обеспечивали их; обслуживали все командные инстанции воздушной разведкой; принимали участие в ПВО своего тыла и войск. В процессе развития наступления немецкая авиация поддерживала действия сухопутных войск. Она наносила удары по коммуникациям и путям отступления союзных войск, а также бомбардировала аэродромы, верфи.

Немцы развивали свое наступление крупными бронетанковыми соединениями, которые не давали возможности союзным войскам своевременно и организованно отойти и подготовить новые промежуточные рубежи обороны. Отход к Дюнкерку союзных войск и их эвакуация выполнялись под ожесточенными атаками германских ВВС, нанесших войскам и транспортам союзников значительные потери.

За время боев в Бельгии и Северной Франции французское командование организовало оборонительный фронт по р. Сомма, каналу между реками Уаза и Эн. 3 июня 1940 г. немецкая боевая авиация крупными силами произвела нападение на французские аэродромы, а 5 июня немецкие войска начали прорыв этого фронта. Наступление началось мощной артиллерийской подготовкой, дополненной действиями крупных соединений бомбардировочной авиации. После авиационной подготовки прорыва германская авиация продолжала налеты на аэродромы и начала действия по резервам союзников. Одновременно она производила бомбардировку многочисленных аэродромов на восточном и юго-восточном побережьях Англии.

6 июня французская оборона была прорвана по всему фронту. Немецкая авиация в это время выполняла главным образом задачи непосредственного взаимодействия с подвижными войсками, продолжая и действия по аэродромам союзников.

В дальнейшем немецкая авиация действовала главным образом по отходящим войскам, бомбардировала порты и транспортные суда у побережья Ла-Манша. 14 июня крупные силы немецкой авиации совершили налеты на «линию Мажино», где еще продолжали упорное сопротивление французские войска. 23 июня французское правительство капитулировало. С окончанием войны во Франции германские ВВС начали систематические действия против Англии. Объектами бомбардировок были аэродромы, порты, нефтехранилища, заводы, всевозможные склады, морские транспорты, а также жилые кварталы ряда городов [10.С.24-28].

Битва за Британию. Налеты на Англию в 1940 г. осуществлялись днем под прикрытием истребительной авиации в больших группировках. Эффективность этих налетов была значительной, но и потери немцев были большими.

В сентябре воздушная война между Англией и Германией усилилась. Германские ВВС проводили систематические, целеустремленные бомбардировки аэродромов, расположенных главным образом в южной и юго-восточной части Англии. Эти действия осуществлялись днем скоростными бомбардировщиками «Дорнье-215» и пикирующими бомбардировщиками под прикрытием сильных нарядов истребительной авиации. Немцам удалось нанести урон английской истребительной авиации, отеснить ее базирование вглубь Англии, и этим в некоторой степени была ослаблена оборона южного и юго-западного побережий Британских островов.

Наряду с действиями по аэродромам немецкая авиация начала сильные ночные бомбардировки Лондона. Главными объектами этих налетов были доки и портовые сооружения, а также авиационные и другие военные заводы, нефтехранилища, газовые заводы, электростанции и различные склады Лондонского промышленного района. Во время этих налетов подвергались бомбардировке также и жилые кварталы. В налетах, часто

продолжавшихся почти в течение всей ночи, принимало участие от 200 до 700 самолетов. Фугасные и зажигательные бомбы, сбрасываемые в больших количествах, произвели значительные разрушения и в некоторой степени дезорганизовали жизнь Лондонского района, являющегося сосредоточением большого числа важных военно-промышленных объектов, запасов топлива и продовольствия, а также административных органов управления [11.С.43-51].

В последующие месяцы ухудшение погоды ослабило напряжение боевой работы ВВС обеих сторон, но не остановило их действий. Немецкая бомбардировочная авиация стала распространять свое воздействие и на другие важные объекты и районы Англии. В марте 1941 г. против Англии действовало уже около 6000 германских самолетов – три воздушных флота.

В своих операциях немцы чередовали тактику многих мелких налетов с тактикой сосредоточенных массовых налетов. В массовых одновременных нападениях на отдельные города принимало участие до 500 самолетов [12.С.2-9].

Опыт войны в Западной Европе в 1940 г. вновь подтвердил, как одно из основных положений воздушной доктрины фашистской Германии, стремление к решению задачи захвата и удержания господства в воздухе в первые дни войны. С этой целью немцы вновь прибегли к внезапному массовому нападению на аэродромное расположение авиации противника как к начальному акту войны или предпринимаемого большого наступления. Готовясь к вторжению в Англию осенью 1940 г., немцы предприняли в широких масштабах воздушную операцию по подавлению ВВС и ПВО Англии. Но к осени 1940 г. англичане успели мобилизовать значительные силы, увеличить состав своей авиации, зенитной артиллерии, расширить аэродромную сеть, использовать радиолокационные установки и т.д. Битва за Англию затянулась до наступления совершенно неблагоприятной для морских десантных операций погоды, действия авиации почти исключались. Решительного результата немецкая авиация не достигла. Благоприятные метеорологические условия для продолжения борьбы за господство в воздухе и для осуществления вторжения в Англию наступили весной 1941 г., но обстановка к этому времени была уже иной: немецкое командование готовило силы к вероломному нападению на Советский Союз [13.С.36-48].

Так же как и в войне с Польшей и Норвегией, немецкая авиация в операциях в Бельгии и Франции стремилась к решению задачи задержки и дезорганизации сосредоточения вооруженных сил противника к фронту борьбы наземных сил. Это осуществлялось: в войне с Польшей – главным образом действиями по железным дорогам; в войне с Норвегией – путем воздействия на морские перевозки из Англии. Затем, в ходе наступления на Францию – путем систематической бомбардировки преимущественно железнодорожных узлов. Во всех этих случаях объекты воздействия авиации были разные, но конечная цель была одна и та же – дезорганизовать выдвижение крупных сил из глубины к району сражения наземных войск.

Успех нападения немецких ВВС на аэродромное расположение авиации союзников в мае 1940 г. объясняется тем, что аэродромная сеть союзников была достаточно полно вскрыта немецкой воздушной и агентурной разведкой, немцы располагали превосходящими силами, и само нападение носило массовый внезапный характер, а противник был слаб и в известной мере беспечен. Достигнутое немцами значительное превосходство в воздухе сыграло большую роль в поражении Голландии, Бельгии и Франции. Оно позволило немецкой авиации оказать действенную помощь своим наступающим наземным войскам и в первую очередь танковым. Немецкая авиация выполнила задачу прикрытия своих войск с воздуха, так как действия союзной авиации по немецким войскам хоть и имели место, но в таких размерах, что они не могли оказать существенного влияния на ход событий. Немецкая авиация, изначально обладая превосходством в воздухе, наращивала его в ходе наступления и, располагая значительно более сильным составом, имела возможность своими атаками французских и английских войск нарушать, задерживать их выдвижение в Бельгию, а в последующем, при наступлении во Франции, препятствовать перегруппировкам и планомерному отходу противника. Наконец, атакуя сильным составом войска союзников,

она наносила им потери и, что имело еще большее значение, усиливала их деморализацию [14.С.79-86].

Третье из основных положений немецкой воздушной доктрины, так ярко выявившееся в войне в Западной Европе – это бомбардировка городов, и не только железнодорожных станций, промышленных или административных объектов, но и жилых кварталов. Цель этих бомбардировок в первую очередь состояла в том, чтобы вызвать панику среди мирного населения, повлиять на моральное состояние солдат и офицеров, дезорганизовать жизнь городов. Эти воздушные нападения предпринимались в интересах ведущегося или готовящегося наступления наземных войск, что вполне соответствовало положениям доктрины итальянского генерала Дуэ [15.С.14-18].

Широкое использование немцами в войне с Голландией, Бельгией и Францией воздушно-десантных войск (ВДВ) со всей очевидностью показало роль, место и основные задачи, отводимые им немецким командованием. Люфтваффе не только помогали ВДВ, доставляя их в район боевых действий и доставляя им по воздуху все необходимое для жизни и боя. Германская авиация кроме того систематически поддерживала их огнем и разведкой с воздуха. Воздушно-десантные войска предназначались для содействия наступлению подвижных войск с целью обеспечения их быстрого продвижения [16.С.7-12].

В зависимости от складывавшейся обстановки, германские ВВС действовали по различным объектам фронта и тыла противника. Как только возникала серьезная необходимость, авиация приходила на помощь своим наземным войскам. Для непосредственного взаимодействия с войсками в бою немцы использовали главным образом пикирующие бомбардировщики «Ю-87» и двухмоторные пушечные истребители «Мессершмитт-110» в качестве штурмовиков. Особое внимание уделялось содействию в продвижении танковых соединений [17.С.125-131].

Таким образом, основные черты немецкой воздушной доктрины совершенно отчетливо выявились в кампаниях первого периода Второй Мировой войны. Германская воздушная доктрина предусматривала использование ВВС в скоротечной войне для содействия стремительному наступлению наземных войск против слабого противника, на которого внезапно нападают и которому не дают времени и возможности подняться на ноги после первого сильного удара.

Библиографический список

1. История войн и военного искусства. Учебник для высших военных учебных заведений. М.: Воениздат, 1970. – 560 с.
2. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1967. – 624 с.
3. Рудель Г.У. Пилот «Штуки». Мемуары аса Люфтваффе. 1939-1945 / Г.У. Рудель. Пер. с англ. Л.А. Игоревского.– М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 285 с.
4. Всемирная история авиации / Авторы-сост. Г. Соболева, Ю. Рычкова. – М.: Вече, 2002. – 512 с.
5. Перов В., Растренин О. Штурмовики Красной Армии. Т.1. – М.: Авико Пресс, 2001. – 176 с.
6. Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями / Сост. М.Ю. Рагинский. – М.: Юридическая литература, 1970. – 352 с.
7. Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы. 1940-1945 / Пер. с англ. Е.А. Каца. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 415 с. – (За линией фронта. Мемуары).
8. История войн и военного искусства. Учебник для высших военных учебных заведений. М.: Воениздат, 1970. – 560 с.

9. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1967. – 624 с.
10. **Nesbit R.C.** Battle of Britain. Sutton Publishing. – 2000. – 260 pp.
11. **Whaley J.** The Power and the Glory. Aircraft Illustrated. November 2000. – 92 pp.
12. **Zatkovic M.** Frantiskuv double aneb Cesi nad Temzi. Revi № 94. Prosinec 2013. – 56 pp.
13. **Tomas Andrew.** High Flyers. FLYPAST. February 2017. – 122 pp.
14. **Зефирова М.В.** Штурмовая авиация Люфтваффе. М.: АСТ, 2001. – 480 с.
15. **Ли Эшер.** Воздушная мощь. Перевод с англ. М.: Иностранная литература. 1958 – 268 с.
16. **Ailsby Christopher.** SS: Peklo na Vychodni fronte. Praha, Svojtka and Co. – 2016. – 192 pp.
17. **Anderson Thomas.** Historie nemeckeho tankoveho vojska. 1939-1942. Praha, Grada. – 2017. – 304 pp.

УДК 355.4(468):324

ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник В.В. Гагин

*Младший научный сотрудник Г.В. Трухачева
Россия, г. Воронеж, тел. 89092161403, 89507714588
e-mail: vrvio@yandex.ru, alinia07@mail.ru*

«Air Force Academy prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» (Voronezh)

*PhD in history, Senior Researcher
V.V. Gagin*

*Junior Researcher G.V. Trukhacheva
Russia, Voronezh, tel. 89092161403, 89507714588
e-mail: vrvio@yandex.ru, alinia07@mail.ru*

В.В. Гагин, Г.В. Трухачева

**ЖЕЛАЕМОЕ ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ. ИТОГИ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВОЗДУШНЫХ СИЛ США
ПО МНЕНИЮ ГЕНЕРАЛА КАРЛА СПААТСА**

Стратегические воздушные силы США (СВС США) к концу Второй Мировой войны представляли собой внушительную силу и сражались со всеми тремя государствами оси Рим – Берлин – Токио. Наряду с действительными достижениями в борьбе с фашизмом, СВС США имеют на своем счету и весьма сомнительные заслуги: ковровые бомбардировки сотен германских городов и, прежде всего, Дрездена, в котором заживо сгорело более 150 тыс. человек населения и беженцев – это на европейском театре военных действий (ТВД). Такая же печальная картина и на тихоокеанском – Токио и десятки других японских городов были сожжены дотла. Интересно, что генерал Кертис Лемэй, разработавший технологию уничтожения японских городов, в основном состоявших из бамбуково-бумажных строений, с помощью зажигательных бомб, прокомментировал свою деятельность в том смысле, что если бы США не победили в той войне, быть ему не национальным героем, а военным преступником. И действительно, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки стали просто трагическим финальным аккордом на фоне обугленной пустыни вместо десятков крупных промышленных центров. В 1946 г. генерал Карл Спаатс, подводя итоги американских бомбардировок, граничащих с преступлением перед человечеством, был озабочен лишь недостаточной мощностью американских стратегических воздушных сил.

Ключевые слова: доктрина Дуэ, блицкриг, стратегические воздушные силы, бомбардировщик, антигитлеровская коалиция, атомная бомба.

V.V. Gagin, G.V. Trukhacheva

**DESIRED FOR REAL. RESULTS OF THE MILITARY ACTIVITY AND PROSPECTS
FOR THE DEVELOPMENT OF THE USA STRATEGIC AIR FORCES IN THE OPINION
OF GENERAL KARL SPAATS**

By the end of the Second World War, the US strategic air force (SAC USAF) was an impressive force and fought all three states on the Rome – Berlin – Tokyo axis. Along with the actual achievements in the fight against fascism, SAC USAF has in its account very dubious merit: carpet bombing of hundreds of German cities and, above all, Dresden, in which more than 150 thousand people died and burned alive – this is in the European military theater action. The same sad picture in the Pacific – Tokyo and dozens of other Japanese cities were burned to the ground. Interestingly, General Curtis Lemey, who developed the technology for the destruction of Japanese cities, mainly consisting of bamboo-paper buildings, using incendiary bombs, commented on his activities in the sense that if the United States had not won the war, he would not be a national hero, as a war criminal. Indeed, the atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki were simply the tragic final chord against the background of a charred desert instead of dozens of large industrial centers. In 1946, General Karl Spaats, summing up the results of the American bombardment bordering on the crime of humanity, was only concerned about the insufficient power of the US Strategic Air Force.

Key words: Douet Doctrine, blitzkrieg, Strategic Air Force, SAC, bomber, anti-Hitler coalition, atomic bomb.

В журнале «Фореин Аффейрс» (апрель 1946 г.) была помещена статья генерала Карла Спаатса под названием «Стратегические воздушные силы» [1].

Генерал Спаатс, который, как известно, командовал во Вторую Мировую войну стратегическими воздушными силами (SAC) США в Европе, а затем на Тихом океане, являлся крупным американским авторитетом по вопросам авиационной стратегии. Его статья и сейчас представляет большой интерес (не только для историков, но и для современного исследования генезиса понятия «Глобальный удар»), так как она отражает взгляды, распространенные тогда в США, о роли и значении стратегической авиации в современной войне [2].

Статья начинается с утверждения, что «Вторая Мировая война могла бы закончиться с иным результатом, если бы наши противники поняли роль стратегических воздушных сил и смогли бы правильно их использовать». Военный переводчик и аналитик подполковник В. Чаликов на страницах журнала «Военная мысль» – органа Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, в свое время отмечал, что это гиперболическое преувеличение роли и значения стратегической авиации красной нитью проходит сквозь всю статью генерала Спаатса [3].

В первой части своей статьи американский автор рекомендовал вспомнить обстановку в 1942 г., «когда страны оси достигли апогея своих завоеваний». Он считал, что перспективы для союзников были тогда мрачны и что необходимо было отыскать новый инструмент для ведения войны, который мог бы решить ее исход в пользу антигитлеровской коалиции. И таким новым инструментом войны генерал Спаатс считал стратегические воздушные силы.

Нет нужды доказывать непредвзятому читателю, что в это время, в 1942 г., германские вооруженные силы были прочно скованы на советско-германском фронте и в значительной мере обескровлены решительными оборонительными, а затем и наступательными действиями Красной Армии [4]. Общеизвестно также, что именно РККА явилась тем «инструментом», который привел Германию к краху. Что же касается стратегической авиации США и Англии, то, как признает сам генерал, в 1942 г. она была только в процессе развертывания, ее влияние на военные события было незначительно, и только гораздо позже она приступила к операциям на Западе [5].

Дополнительным веским аргументом может послужить признание У. Черчилля: «Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника» [6].

Таким образом, генерала Спаатса еще в 1946 г. можно было вполне обоснованно обвинить в фальсификации истории Второй Мировой войны.

Вторая часть статьи была озаглавлена «Крах германской стратегии в 1940 г.». Спаатс утверждал, что «эффективность стратегической авиации может быть доказана негативным путем на примере исторических ошибок Германии в 1940 г.». В статье подробно разбирается вопрос о действиях германской авиации в 1940-1941 гг. «После Дюнкерка, – пишет автор, – Гитлер находился накануне осуществления своей цели – достижения господства в Европе. Какой путь он изберет для нанесения удара? Франция была повержена. Испания была дружественной. Две обученные немецкие парашютные дивизии были наготове, чтобы приземлиться в Гибралтаре и закупорить для английского флота проход через западные ворота Средиземного моря. С другой стороны, по ту сторону Ла-Манша находилась Англия, потерявшая всю свою полевую артиллерию в Бельгии. Охрана узкой водной полосы была полностью возложена на английский военно-морской флот и некоторое количество истребителей. Гитлер сделал выбор: отложил наступление на Гибралтар и совершил попытку одолеть Англию с воздуха. Немцы имели превосходство в воздухе на европейском континенте; они обладали также, по сравнению с Англией, количественным преимуществом в воздушных силах, однако они не могли завоевать господство в воздухе. Немецкие истребители были использованы для непосредственной поддержки бомбардировщиков. Англичане в качестве сюрприза имели радиолокационные установки и пушечные

истребители «Спитфайр». Английские воздушные силы превосходили немецкие в тактико-техническом отношении.

Немцы могли бы завоевать господство в воздухе, если бы их истребители были использованы для общей поддержки (имеется в виду борьба за господство в воздухе), а не для непосредственной поддержки бомбардировщиков, или если бы их бомбардировщики могли точно и эффективно бомбить аэродромы, или, наконец, если бы все их военно-воздушные силы были направлены против Англии».

Многие современные обозреватели считают главной причиной неудачи Люфтваффе в битве за Англию английскую военную хитрость: находясь в глубоком кризисе, Королевские ВВС приступили к бомбардировке немецких городов и спровоцировали германские ВВС переключиться на ответные атаки крупных промышленных центров Британии. Тем самым внимание «орлов Геринга» было отвлечено от весьма успешных бомбардировок английских военных аэродромов – первой и главной задачи Люфтваффе согласно доктрине воздушного «Блицкрига» [7].

«Немцы придерживались тех устарелых взглядов, – пишет генерал Спаатс, – что воздушные силы должны ограничиться поддержкой подвижных наземных соединений и что они не могут выполнять самостоятельной миссии. Эта тактическая концепция была успешно применена против Польши и Франции. Бомбардировка Англии, с другой стороны, была стратегической задачей, для успешного осуществления которой немцам необходимо было завоевать господство в воздухе. Немцы пренебрегли этой абсолютной необходимостью. Во-первых, они не построили тяжелых бомбардировщиков, которые могли бы быть так вооружены, чтобы находиться в относительной безопасности». Это не совсем так – немцы за годы войны построили около 1400 тяжелых бомбардировщиков Хе 177. Другое дело, что после смерти генерала В. Вефера в Германии не нашлось по-настоящему волевого и дальновидного авиационного военачальника, способного эффективно лоббировать интересы стратегической авиации [8]. Легко вооруженные Ю-88, Хе-111, До-17 уступали по силе огня английским пушечным истребителям. «Их сбивали целыми эскадрильями». Во-вторых, германские истребители по численности превосходили «харрикейны» и «спитфайры». Их целью должно было быть уничтожение английских истребителей. Вместо этого они прикрывали недостаточно вооруженные бомбардировщики, т.е. вели оборонительные действия, которые никогда не смогут привести к овладению господством в воздухе.

С исторической точки зрения, неудача Германии в молниеносной войне демонстрировала неправильный взгляд на стратегическую бомбардировку. Недостаточность вооружения бомбардировщиков и неспособность их к точному бомбометанию; использование истребителей для непосредственной поддержки бомбардировщиков, вместо их общей поддержки – вот главные просчеты рейхсмаршала Геринга. Германия обладала техническими возможностями и могла строить тяжелые бомбардировщики перед войной и в первые годы войны. Четырехмоторный Фокке-Вульф 200 находился в производстве, но был использован для борьбы с торговыми кораблями. Самолет Хе-177 был неудачным [9]. «Если бы немцы построили тяжелые, хорошо вооруженные бомбардировщики и использовали свои истребители для того, чтобы установить господство в воздухе, они могли бы принудить Англию сдаться».

Изложенные в 1946 г. взгляды генерала Спаатса о причинах провала гитлеровской стратегии «молниеносной войны» вызывают серьезные возражения. Во-первых, немцам в 1940-1941 гг. так и не удалось разгромить Англию с воздуха, несмотря на ожесточенные бомбардировки английских промышленных центров. Отсюда следует вывод, что, очевидно, невозможно при помощи одной лишь авиации решить подобную задачу, для окончательной победы в современной войне необходимо взаимодействие всех видов и родов мощных и сбалансированных вооруженных сил. Во-вторых, несомненно, что именно благодаря военной мощи Советского Союза гитлеровская Германия не двинула свои войска против Британских островов. Влиятельная английская газета «Таймс» писала 20 сентября 1942 г.: «В 1941 г. Гитлер бросил свои войска на Россию, потому что не отважился двинуть их против

Британских островов, пока у него в тылу была большая, бдительная, непобежденная армия». Вместо этого признания генерал Спаатс ограничился сообщением, что немцы оперировали против Англии небольшими силами своей боевой авиации, большая же часть ее сил сохранялась для будущего советско-германского фронта. Все это предопределило неудачу немцев в 1940-1941 гг. При этом даже заклятый враг Советского Союза У. Черчилль, поздравляя И.В. Сталина и Красную Армию с днем 23 февраля, писал: «Красная Армия празднует свою двадцать седьмую годовщину с триумфом, который вызвал безграничное восхищение ее союзников и который решил участь германского милитаризма. Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы...» [10].

Таким образом, в основном правильно подчеркивая роль хорошо вооруженных тяжелых бомбардировщиков и роль истребителей в борьбе за господство в воздухе, американский авиационный генерал, однако, допускает симптоматичную односторонность при оценке роли стратегической авиации в войне в духе доктрины Дуэ [11].

Третья часть статьи имеет заголовок «Стратегическая концепция: идея и оружие». Генерал Спаатс довольно подробно излагает здесь основное значение стратегической авиации: «Стратегическая бомбардировка является самостоятельной воздушной кампанией, имеющей решающее значение и направленной против жизненно важных центров врага по производству оружия» [12].

Автор указывает, что стратегическая бомбардировка является первым средством в истории, которое способно остановить «механическое сердце вражеской промышленности», парализовать военную мощь противника и лишить его возможности к сопротивлению из-за уничтожения его средств борьбы [13]. Здесь Спаатс явно переоценивает возможности и заслуги не только стратегической авиации США, но и вклада союзников в победу над Германией вообще: проще говоря – англо-американцы бомбили-бомбили, громили-громили, пока наши солдаты Егоров и Кантария не пришли пешком в Берлин, и не водрузили Красное знамя над Рейхстагом.

Говоря об английской авиации, генерал Спаатс считает, что ее руководители понимали значение стратегической авиации в начале войны, но не имели средств осуществить стратегическую бомбардировку. Дневные налеты английской авиации на германские промышленные объекты в 1940 г. сопровождались огромными потерями. Поэтому английские воздушные силы перешли к ночным бомбардировкам.

«Американские военно-воздушные силы изучали проблему стратегических бомбардировок, начиная с тридцатых годов», – пишет генерал Спаатс. Здесь заслуженный американский военный авиатор задним числом выдает желаемое за действительное, ибо фирма Боинг по заказу ВВС США в то время только-только скопировала рекордный советский цельнометаллический самолет «Страна Советов», приземлившийся в Сиэтле! Так в США появился первый цельнометаллический бомбардировщик-моноплан YB-9, и только гораздо позже разработка американской воздушной стратегии стала исходить из создания и серийного производства самолета Боинг B-17 «Фортресс», предназначенного для точного дневного бомбометания. Идея осуществления такого бомбометания днем была встречена с законным недоверием, исходя из неудачного опыта Германии в 1940 г. и английского опыта бомбардировок немецких объектов [14]. Время показало, что даже наличие на «крепостях» прицелов «Норден», в то время самых передовых в мире, не позволяет в реальных боевых условиях такую задачу решать эффективно.

В январе 1943 г. Объединенный комитет начальников штабов США и Англии санкционировал дневные бомбардировки и дал директиву «разрушить немецкую военно-промышленную и экономическую систему и подорвать моральный дух немецкого населения до такой степени, когда способность Германии к вооруженному сопротивлению неизбежно ослабнет». Стратегической авиации, как пишет американский генерал, была дана возможность действовать [15].

Четвертая часть статьи Спаатса была посвящена вопросу об итогах действий американской стратегической авиации в минувшую войну 1939-1945 гг.

В самый напряженный период 1944 г. под контролем американского авиационного командования, по данным генерала Спаатса, находилось около 80000 самолетов всех типов, из них свыше половины – боевые самолеты. Тяжелые бомбардировщики Б-17 и Б-24 и истребители дальнего действия (П-51, П-47 и П-38), начиная с осени 1943 г., осуществляли стратегическую бомбардировку в Европе. Бомбардировщики Б-29 «Суперфортресс» в сопровождении истребителей П-51 действовали против Японии. ВВС США, которые имели в 1940 г. небольшое количество людей, расширили свой личный состав до 2,3 млн. человек в 1944 г.

Карл Спаатс подчеркивал, что необходимо было время не только для создания и организации массированной бомбардировочной авиации, способной осуществлять стратегические бомбардировки, для подготовки личного состава, но и для сооружения баз на операционных направлениях и организации системы снабжения. Американские военно-воздушные силы нуждались в базах, разбросанных по всему миру, и поэтому весьма серьезной была проблема их снабжения. Базы в Англии должны были быть сооружены в 1942 г., несмотря на развернувшуюся подводную войну, мешавшую морской доставке стратегических грузов из Америки. Операции в Северной Африке истощили силы 8-й воздушной армии, как в самолетах, так и в личном составе, но привели несколько позже к созданию второй стратегической базы в Италии. Активизация 15-й воздушной армии в Италии в ноябре 1943 г. сделала возможной координацию воздушных бомбардировок немецких объектов с двух театров, что соответствует принципу массовости. На Тихом океане базы для бомбардировщиков Б-29 были вначале в Китае, а затем передвинуты на Марианские острова и остров Окинава.

Наконец, необходимо было завоевать господство в воздухе – это обязательное предварительное условие для осуществления стратегических бомбардировок. Достигнув господства в воздухе, стратегические воздушные силы приступили к выполнению двойной задачи: 1) систематическому разрушению транспорта и системы связи врага и 2) разрушению заводов синтетического бензина и других объектов, необходимых для продолжения сопротивления.

Уроки, полученные в воздушной войне против Германии, были использованы в борьбе против Японии. «Суперфортрессы» приступили к небольшим налетам на военные предприятия Японии летом 1944 г.; интенсивность этих атак возросла в ноябре 1944 г. Массовые налеты 12-й воздушной армии начались с 9 марта 1945 г. и продолжались до капитуляции Японии [16].

В следующей пятой части статьи приводятся некоторые высказывания немецких руководителей о результатах бомбардировки Германии.

Генерал К. Спаатс приводит высказывания бывшего немецкого генерал-лейтенанта Линнарца, Мессершмитта и Шпеера, которые он резюмирует в одной фразе: «Воздушные силы союзников были решающей силой в войне в Западной Европе». Даже если высокопоставленные немцы написали такое – битым генералам верить – последнее дело. Тем более, если знать, какие льстивые речи обращал к И.В. Сталину У. Черчилль ради успешного проведения операции «Оверлорд», намекая ему о неоценимой помощи Красной Армии. И как чуть ли не мольбы и стоны обращали к СССР англо-американцы, потерпев тяжелое поражение в Арденнах, признавая, что без помощи советских войск Эйзенхауэр не справится с катастрофической ситуацией. Великодушный Советский Союз не стал припоминать нерадивым союзникам двухлетнюю отсрочку открытия Второго фронта и просто помог, ускорив сроки наступления в Восточной Пруссии [17].

В 1946 г., как видно из его статьи, генерал Спаатс был склонен приписать стратегической авиации США и Англии решающее значение в разгроме Германии и Японии. Он и в данном случае грешил против истины. Героические усилия РККА в ее единоборстве с врагом, при невероятной затяжке открытия Второго фронта, вот что позволило одержать

победу над Германией. Разгром Германии predetermined также и капитуляцию Японии. При том, что бывшими союзниками замалчивается такая важная заслуга СССР, как полное исключение из боевых действий на тихоокеанском ТВД миллионной Квантунской армии, угрожавшей все четыре года войны вторжением в Советский Союз [18].

Генерал Спаатс также значительно преувеличивает и эффективность воздушных бомбардировок объектов и предприятий немецкой промышленности. В доказательство приведем некоторые данные о работе немецкой промышленности и производстве вооружения во время войны по официальным материалам Управления стратегических бомбардировок США [19].

Годы	Сброшено бомб над странами «оси» в Европе (в тоннах)	Экономические показатели				
		Выплавка стали в Германии и оккупированных странах (в тыс. т)	Производство авиационного бензина (в тыс. т)	Производство самолетов и планеров		Производство танков
				Количество	Вес планеров	
1940	13500	–	966	10826	–	1459
1941	37100	31819	910	11776	67146	3245
1942	50400	32126	1472	15576	95774	4137
1943	206200	34644	1917	25527	141610	5996
1944	1201500	28501	1105	39807	174938	8344

Как видно из таблицы, несмотря на огромное количество бомб, сброшенных на Германию в 1944 г., производство самолетов и танков увеличилось по сравнению с 1943 г. Выплавка стали и производство авиационного бензина сократились, однако это не создало угрожающего положения. Надо учесть также, что сокращение производства в некоторых отраслях промышленности нельзя приписать только разрушениям от воздушных налетов, так как действовали и многие другие факторы, в частности, потери в людской силе на советско-германском фронте, нарушение инфраструктуры из-за потери территории и источников сырья в результате продвижения Красной Армии на Запад. По исчислению американцев в 1944 г. только 10-12 % всех вновь произведенных станков шло на пополнение убыли парка станков в промышленности, из них часть шла на замену изношенных станков.

Разумеется, бомбардировки немецких промышленных центров причинили ущерб Германии, и если бы не бомбардировки, то она смогла бы производить несколько большее количество вооружения. По самым оптимальным и оптимистическим расчетам, которые были произведены американцами и опубликованы Управлением стратегических бомбардировок США, потери немцев из-за воздушных бомбардировок составили во второй половине 1943 г. 5 %, в первой половине 1944 г. – 10 %, во второй половине 1944 г. – 15 % от возможного выпуска вооружения [20].

Приведенные данные, таким образом, опровергают мнение, что стратегические бомбардировки якобы уничтожили способность Германии сопротивляться; они показывают, что стратегические воздушные силы США и Англии играли лишь вспомогательную роль в войне против Германии.

Заключительная часть статьи называется «Уроки из действий стратегических воздушных сил». Генерал Спаатс считает необходимым извлечь пять основных уроков из опыта применения стратегической авиации во Второй Мировой войне и эти выводы, в основном, представляются вполне оправданными и логичными.

1. Американские ВВС благодаря своим союзникам имели в своем распоряжении 4,5 года для подготовки к военным операциям. Трудно предположить, что в будущем подобное благоприятное положение может повториться.

2. Авиация имеет преимущество перед наземными и морскими силами, так как она не зависит от традиционной линии фронта и может наносить удары непосредственно в «сердце» врага.

3. Безусловным требованием в минувшей войне явилось установление господства в воздухе, что избавило от недопустимых потерь. Стратегическое наступление было бы невозможно без истребителей дальнего действия.

4. Ошибки врага, который, подготавливая агрессию, не создал стратегической авиации, способной решать самостоятельные задачи, принесли пользу американским ВВС. В будущем нельзя рассчитывать на подобные ошибки противника.

5. Лишь обстоятельства, связанные со временем, не позволили в войну 1939-1945 гг. стратегическим воздушным силам США победить противника без наземных войск; однако эти воздушные силы явились основой успеха в Европе. Япония была ослаблена действиями воздушных сил, оперировавших с баз, захваченных координированными усилиями наземных, морских и воздушных сил.

Свою статью генерал Спаатс заканчивает следующим, более чем спорным с точки зрения отечественной военной мысли, утверждением: «Исход войны, возможно в отдаленном будущем, будет, вероятно, решен авиацией, прежде чем наземные силы окажутся способными войти в соприкосновение с врагом и развернуть большое сражение. Это важнейший военный урок современной истории».

Подведем краткий итог. В статье имеется ряд интересных мыслей и выводов, однако основная установка статьи, весьма максималистская, отвергающая жизненно важное взаимодействие стратегической авиации и других родов войск, была не принята официальной военной доктриной Пентагона [21]. Как известно, и сегодня Министерство обороны США стремится развивать как воздушные, так и наземные и морские вооруженные силы.

Библиографический список

1. Strategic air Power. Fulfillment of a Concept. By general Carl Spaatz. Foreign Affairs, april 1946, Vol. 24, №3, p. 385 – 399.
2. **Эктон Дж.М.** Серебряная пуля? Правильные вопросы о «неядерном быстром глобальном ударе». М.: Центр Карнеги. – 2014. – 228 с.
3. **Чаликов В.** О роли стратегической авиации. Военная мысль. №9, 1946. – 92 с.
4. **Гагин В.В.** 4-й воздушный флот люфтваффе и авиация стран-сателлитов в период битвы за Воронеж (июнь – сентябрь 1942 г.). Вторая мировая война и современность: Материалы международной научной конференции / под ред. проф. С.И. Филоненко. – Воронеж: Изд.-полиграфический центр ВГПУ, 2015. – 388 с.
5. **Freeman R.A.** B-17 Fortress At War. London, Ian Allan Ltd. – 1979. – 192 p.
6. Личное, секретное и строго доверительное послание от г-на Черчилля маршалу Сталину №326. 27 сентября 1944 г. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Том 1. М.: Госполитиздат, 1957. – С. 260.
7. **Hooton E.R.** Luftwaffe at War; Gathering Storm 1933-39: Volume 1. London: Chervron/Ian Allen, 2007. – 236 p.
8. **Griehl M.** Heinkel Combat Aircraft. Arms and Armour. – 1992. – 106 p.
9. **Филатова Н.** О самолетостроении в Чехословакии в период Второй Мировой войны. Воронежскому Русскому Военно-историческому обществу – 20 лет. Материалы 3-й международной конференции ВРВИО. 28 октября 2018 г. Воронеж: ИЛДВА, 2018. – 132 с.
10. Личное послание для маршала Сталина от г-на Черчилля №410. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Том 1. М.: Госполитиздат, 1957. – С. 310.
11. **Заяц В.** Эволюция концепций строительства и боевого применения ВВС США // Военно-воздушные силы // ЗВО. №1. 2003. – URL: <http://commi.narod.ru/txt/2002/0105.htm> (дата обращения: 21.02.2015).

12. **Соколов А.** Состояние и перспективы развития военно-воздушных сил США // Зарубежное военное обозрение. – 2015. – Май (т. 818, № 05). – С. 61-70.
13. American Idol Flying Fortress. Fly Past. June 2010. 50 p.
14. **Шпеер Альберт.** Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхминистра военной промышленности. – М.:2005. – С. 463-464.
15. **Longmate Norman.** The Bombers: The RAF Offensive against Germany 1939-1945, pp.309-312.
16. **Caidin Martin.** A Torch to the Enemy: The Fire Raid on Tokyo. Bantam War Books, 1960. Pp. 36-46.
17. **Веракса Е.** Воздушные операции стратегической авиации США и Англии в Западной Европе в 1943-1945 гг. // Военно-исторический журнал. 1976. №8. С. 73-78.
18. Квантунская армия (японская) // БСЭ / под ред. Б.А. Введенского. 2-е изд. Т.20. М.: Большая Советская энциклопедия. 1953. – С. 462.
19. The United States Strategic Bombing Survey. The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy. Overall, Economic Effects Division, October 31, 1945. – 184 p.
20. Spector Ronald. Eagle Against the Sun. New York: Vintage Books, 1985. P. 503.
21. What the Air Force Believes in. The full text of the Air Force Manual 1-2. Air Doctrine. 1 April, 1955. Air Force, January, 1956, pp. 72-76.

УДК 93

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории войн и военного искусства
В. И. Дуров
тел. +7(920)-423-47-64
e-mail: wiktov_durov@mail.ru
Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
курсант М.М. Филоненко

Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)
PhD in history, Associate Professor of the History of Wars and Military Art Department
V. I. Durov
tel. +7(920)-423-47-64
e-mail: wiktov_durov@mail.ru
Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)
cadet M. M. Filonenko

В.И. Дуров, М.М. Филоненко

**ТАКТИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО А.В. СУВОРОВА В БОРЬБЕ
С ПОЛЬСКИМИ КОНФЕДЕРАТАМИ**

В статье рассматривается развитие полководческого искусства А.В. Суворова на примере действий против польских вооруженных сил в последней трети XIX в. Авторы опровергают устоявшееся в зарубежной историографии представление о жестокости российского полководца.

Ключевые слова: А.В. Суворов, военное искусство, Российская империя, Польша, XVIII век, тактика.

V. Durov, M. Filonenko

**A.V. SUVOROV'S TACTICAL SKILLS IN THE FIGHT WITH POLISH
CONFEDERATES**

The article discusses the development of A.V. Suvorov's military skill on the example of actions against the Polish armed forces in the last third of the XIX century. The authors refute the notion established in foreign historiography about the cruelty of the Russian general.

Key words: A.V. Suvorov, military art, Russian Empire, Poland, XVIII century, tactics

Жизненный путь и профессиональная деятельность прославленного российского полководца Александра Васильевича Суворова имеют богатую библиографию (более 2,5 тыс. работ!). «География» А.В. Суворова также широка: от р. По в Италии на западе до Урала на востоке, от Финляндии на севере до Болгарии на юге. На этой огромной территории будущий российский генералиссимус встречался с самыми разными противниками: пруссаками, турками, поляками, крымскими татарами, ногайцами, французами и другими. Наибольшую известность и изученность имеют действия Суворова против турок и крымских татар, французов, меньшее количество литературы посвящено другим.

Но верно ли называть неприятелем полководца весь народ: пруссаков, турок, поляков? Видимо, здесь кроется одно из объяснений политизированных «белых пятен» полководческого искусства А.В. Суворова. Ведь в советские годы его участие в подавлении народных выступлений стыдливо опускалось.

Это относится в первую очередь к подавлению пугачевского бунта (хотя прямого участия он в нем не принимал, что и спасло его репутацию), но косвенное отношение имело и к событиям в Польше с последующими ее разделами. Если в дореволюционной историографии вились специальные исследования, например, о действиях против польских конфедератов, то в советские годы ощущалось замалчивание под всякого рода предлогами.

Выделяется два основных подхода к событиям в Польше в конце XVIII в.

Первый подход, который характерен для имперской и части современной российской историографии, отстаивает оборонительно-превентивные меры против Польши и подчеркивает выгоды завершения процесса объединения русских, украинских и белорусских земель. Так, профессор Николаевской академии генерального штаба П.А. Гейсман в обширном сообщении показывает Польшу как государство столетиями настроенное антироссийски. Он ставит в заслугу А.В. Суворову покорение Польши и слияние ее с Россией. Таким образом, с его точки зрения, была устранена опасность «братоубийственного умерщвления русского народа» с одной стороны, и восстановлена прямая связь с Западом, что способствовало дальнейшему развитию Российской империи, с другой стороны [1.С.85–133]. В классическом биографическом исследовании А. Петрушевского «Генералиссимус князь Суворов» беды Польши показаны чередой решений польских королей и действий шляхты, приведших страну к краху. Последним стало принятие конституции с правом для *liberum veto*, парализующего деятельность представительного органа Польши – сейма. В результате «польское дворянство добивалось и добилося такого объема прав, который перешагнул пределы свободы и сделался своеволием», от чего страдал польский народ [2. С.76–77]. В конечном итоге, польская государственность ослабела до такой степени, что страна стала лакомым кусочком для соседних держав. Россия первоначально пыталась сохранить независимость Польши, при этом вводя ее в фарватер политики С.-Петербурга, а затем выступила на защиту украинского и белорусского народа. Сходные позиции занимают современные историки А.П. Богданов и В.С. Лопатин, отмечая также важность защиты прав православных и протестантов в католической Польше [3.С.107–108; 4.С. 43].

Второй подход в основном представлен советской историографией. Признавая угнетение польской шляхтой украинского и белорусского народа, ссылки С.-Петербурга на этот факт объяснялись как «маскировавший захватнические цели» российских верхов повод для действий. Слабость Польши использовалась Россией, Пруссией и Австрией для расширения своих территорий [5.С.53–56; 6.С.29–30].

Цель данной работы – не оценка участия России в событиях 1768–1795 гг., т.е. периода трех разделов Польши. На наш взгляд, необходимо рассматривать деятельность А.В. Суворова, прежде всего, как военного, давшего присягу государю и исполняющему свой долг, т.е. вне политики. Конечно, нельзя забывать дворянское происхождение Александра Васильевича. Он был человек своего времени, но ему были чужды политические интриги. Суворов всегда в первую очередь боролся не с населением (которое, кстати, им часто защищалось), но армией противника, ее руководителями, организацией. Как настоящий российский офицер он был горячим патриотом Отечества. Не будем забывать, что из честолюбивых (в хорошем смысле) мотивов Суворов стремился на любой боевой участок, чтобы проявить себя и выделиться [5.С.58–59].

В настоящей статье анализируются особенности полководческого искусства А.В. Суворова в кампаниях в Польше в 1768–1772 гг. и в 1794–1795 гг.

Главными источниками для исследования стал сборник документов «А.В. Суворов» из серии «Русские полководцы», изданный в 1949–1952 гг. под редакцией Г.П. Мещерякова. В нем содержатся рапорты, диспозиции, донесения, реляции и письма «польского» периода жизни русского полководца.

В росте полководческого искусства А.В. Суворова кампания против польских конфедератов 1768–1772 гг. занимает особое место. Она стала для полководца второй школой, достаточно более поучительной, чем Семилетняя война. Здесь с более высоких служебных позиций он смог проявить инициативу в широких масштабах, свободнее

проверять свои взгляды на принципы военного искусства. Все способствовало развитию его дарований.

В Польше Суворов столкнулся с малой войной, войной против мятежников. Однако не стоит недооценивать его противников. Польские конфедераты, хорошо знавшие местность, действовали методами партизанской борьбы, представляя серьезную силу. Более того, они нашли поддержку у Турции, Франции и Папы Римского. Даже, казалось бы, страны одного лагеря: Австрия и Пруссия, для ослабления России тайно помогали конфедератам.

Русская главная армия была сосредоточена в то время против Турции, поэтому в Польше находился отряд в 13000-15000 человек под началом генерала Веймарна. Польские конфедераты эффективно использовали неумение русских вести борьбу с партизанами, а также благодаря опыту французского генерала Дюмурье разбивали расплывчатые российские отряды. К этому моменту прибыл в Польшу со своим отрядом бригадир Суворов. Изучив на месте обстановку, он пришел к выводу о необходимости быстрых и решительных действий, считал для достижения целей предоставлять подчиненным инициативу.

Решение А.В. Суворова, однако, встретило сопротивление со стороны Веймарна, который старался детально регламентировать деятельность подчиненных, не допуская малейшего отклонения от разработанного им плана. На этой почве между ним и Суворовым часто возникали споры.

Именно в Польше впервые прославился Суворов своими быстрыми маршами, преодолев 850 км за 30 суток. В первой кампании Суворов провел блестящие победы под Брестом, Орехово, Ландсронею, у Замостье и Столовичей, взял Краков. Но были у него и неудачи. Суворову не удалось с первого раза взять Ландскрону. За первую польскую кампанию ему был пожалован чин генерал-майора и ордена Святой Анны, Святого Георгия III-й степени и Святого Александра Невского.

Через 20 лет А.В. Суворов опять командирует в Польшу. Влияние Французской буржуазной революции распространялось по Европе, а казни монарших особ Людовика XVI и Марии-Антуанеты вызвали неприятие Екатерины II. Дух Революции проникал в просторы ее Империи, охватив уже польскую буржуазию, которая требовала уравнивания в правах со шляхтой и реформирования страны. Сейм пошел на принятие конституции. Поставленный российской императрицей королем Станислав Понятовский поклялся в верности народу. Аристократия не желала принимать нововведения, народ взбунтовался. Польша вспыхнула революция, которую поддерживала Франция. По главе мятежных войск, принявших форму регулярной армии, встал Тадеуш Костюшко. В 1793 г. Пруссия и Россия решают начать раздел Польши. Против таких попыток польский народ ведет Т. Костюшко. Он смог завоевать уважение не только среди народа, но и у своих врагов. Восстание началось в Кракове и перекинулось на всю страну. Расквартированные в Варшаве русские войска были застигнуты врасплох. Во время страстной недели в апреле 1794 г. 500 безоружных российских солдат были перебиты в церкви во время причастия. Позднее события в Варшаве назовут «кровавая резня страстной недели». Из 8000 человек русского гарнизона было убито 2000, и столько же было взято в плен.

Общее руководство борьбой против восстания было поручено фельдмаршалу П.А. Румянцеву-Задунайскому. Герой русско-турецкой войны 1768–1774 гг. обратился с А.В. Суворову. В письме Суворову П.А. Румянцев отмечает, что «ничто значащий неприятель час от часу дерзче и хитрее» становится. Ссылаясь на славу полководца, автор письма предлагает возглавить тому борьбу с восстанием и продолжает: «ваше имя одно... подействует в духе неприятеля и тамошних обывателей больше, нежели многие тысячи» [7. С.343–344].

В этот раз придет уже состоявшийся прославленный полководец. Во второй своей польской кампании Суворов предпримет метод последовательного сосредоточения сил для разгрома противника по частям, в чем опередит Бонапарта на несколько лет. В августе-сентябре 1794 г. войска великого полководца продвинулись к Варшаве, пройдя по польским землям и выигрывая сражения у деревни Дивин, у Кобриня, у Кручицы, под Брестом и под

Кобылкой. Разбить самого Костюшко Суворову не удалось. Его разгромил под Мацеевицами Ферзен. Последним оплотом польского бунта стала Варшава и Прага. Прага была предместьем столицы Польши и находящаяся на правом берегу реки Вислы. Без взятия Праги обойтись было нельзя.

При штурме Праги открытой атаки русских поляки не ждали. Поляки хотели разрушить мост через реку, рассчитывая этим задержать вступление русских в Варшаву. Русские солдаты, помнили кровавую расправу над соотечественниками со стороны мятежников и желали мести. В такой обстановке польские мятежники не могли быть помилованы. Понимая охватившее чувство солдат и желая предотвратить жестокое отношение к населению, А.В. Суворов отдал приказ поджечь пост через Вислу. Таким образом, на время дорога в Варшаву была отрезана. Это дало возможность остудить пыл солдат.

Чин фельдмаршала был дарован императрицей в ознаменование победы А.В. Суворова под Прагой. На два года полководец остался в чине генерал-губернатора Польши и много сил положил на восстановление страны без кровопролития. Суворов оставил без изменений местную систему самоуправления, шляхетские собрания и магистраты. Противники Суворова при дворе были возмущены таким либерализмом. Императрица, уверенная в порядочности фельдмаршала, не обращала на эти инсинуации никакого внимания.

В действиях А.В. Суворова в Польше в обеих кампаниях следует выделить три блока прямым образом отражавших его тактику: экономический, политический, и, конечно же, военный. Рассмотрим их ниже.

В первой кампании Суворов искал новые, совершенные средства и формы борьбы с мятежниками, особенностью которых являлось то, что в зависимости от ситуации, они могли как бы растворяться, исчезать, а затем вновь внезапно появляться.

К политическим методам борьбы с польским бунтом в 1768–1772 гг. относится стремление лишить конфедератов поддержки у населения. Суворов стремился выстроить дружественные отношения с местным населением, причем не только с представителями украинского и белорусского этноса, но и с коренными поляками. Без их поддержки разгромить вооруженные силы противника полностью было крайне затруднительно.

Основными формами боевых действий в Польши являлись действия в поле, блокирование важных районов и штурм и осада крепостей (Краков и Прага, прежде всего).

Важными тактическими приемами являлись разведка и соблюдение военной тайны, удар, преследование и обязательная тренировка войск в перерывах между боевыми действиями.

А.В. Суворов внимательно подходил к анализу противника, старался объективно оценивать свои силы. Он понимал, что конфедераты прекрасно знали ТВД и превосходили русские воска в подвижности, однако уступали в боевой подготовке, дисциплинированности и организованности. Полководец решил комбинировать действия постоянных гарнизонов и подвижных отрядов, чтобы использовать свои преимущества и свести к минимуму случайности. Для лишения партизанских отрядов конфедератов источников поддержки среди населения, Суворов избрал тактику овладения определенной местностью с целью лишения их районов снабжения и моральной помощи. В отличие от Веймарна, который действию шаблона требовал от русских войск в любых случаях только наступления, Суворов, напротив, понимал, что формы борьбы должны быть более гибкими и разнообразными. Он предлагал сочетать оборону важных пунктов с наступательными действиями. Так, в письме 18 февраля 1770 г. из Люблина Александр Васильевич писал: «ежели же разбивать, то надобно и землю сохранять, последнее мудрее, а без того не окончательно» [6.С.218]. Важным стало внедрение обязательности добиваться постоянной связи и взаимодействия между русскими отрядами на соседних участках. При малейшем изменении обстановки могла смениться дислокация не только крупных, но и небольших гарнизонов, чего Суворову удавалось добиться у Веймарна.

Усилия Суворова привели к принятию главным командованием в Польше решения о разделе театра военных действий на ряд участков, начальникам которых полагалось: 1) оборонять важнейшие районы, имеющие стратегическое или экономическое значение и способных стать базой для отрядов противника; 2) уничтожать подвижными отрядами отдельные группы вторгшегося противника. Такая организация отвечала обстановке и задачам русских войск и скоро дала плоды.

Большое значение придавалось разведке. Для ее проведения использовалась как агентурная сеть, так и войсковая разведка. В своих реляциях Суворов обращал внимание подчиненных на то, какой вред оказывают донесения, преувеличивающие силы противника. Строго следил он за соблюдением военной тайны. Ведь среди населения было много платных и идейных агентов мятежников, информация уходила и через генералитет и офицерский состав, которые находились в тесных связях с польскими помещиками.

Российский полководец справедливо отмечал зависимость экономики и хода вооруженной борьбы. В своих письмах Суворов неоднократно проводил мысль, что «первое искусство начальника состоит, чтобы у сопротивных отнимать субсистенцию (т.е. снабжение)» [6.С.411]. Это было важное теоретическое положение русского полководца. Для лишения противника возможности воссоздавать отряды после поражения от русской армии или набирать новых рекрутов, Суворов решил нанести удар по источникам доходов конфедератов: соляным копям в местечках Величка и Бохны. Русские войска занимали районы солеварения, оставляя сильные гарнизоны. Следующий шаг – закрытие таможенных мест. О последних Суворов писал, что они «есть великою покормкою бунтовщицкой генеральности, по оной получают сии близко миллиона польских злотых» [6.С.438]. Предпринятые меры лишили польских бунтарей соляных и таможенных доходов, вынудив их шире прибегать к обложению населения денежными налогами, сбор которых часто превращался в простой грабеж населения, снижая тем самым моральную поддержку бунтарей среди населения.

Полководец требовал не прекращать заниматься боевой подготовкой в войсках, показывая на исторических примерах необходимость обучения войск как до войны, так и в ее ходе. Командиру полка следовало лично руководить боевой подготовкой. Если же он этого систематически не делал, то полк быстро терял свои боевые качества (например, как случилось с Суздальским полком после ухода Суворова). Ценным являются следующие слова полководца: «хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, током тщетны они, ежели не будут истекать от искусства, которое возрастает от испытаниев при внушениях и затверждениях каждому должности его» [6.С.270].

В Польше начинает ярко проявляться будущая приверженность полководца удару, холодному оружию пехоты и конницы. Основы его тактики проявились в «Приказе А.В. Суворова об обучении солдат и о тактике действий против конфедератов», который был подготовлен в июне 1770 г. В документе ярко видно, что Александр Васильевич был противником чрезмерного увлечения огневым боем, во время которого противник, выяснив обстановку, при невыгодном для себя раскладе быстро ретировался с поля. Прицельная стрельба сохранялась за егерями с высокой экономией патронов. Остальным следовало действовать холодным оружием: «ломать возмутителей штыками, кавалерии... лучше палаш и копье». Бывшая прежде установка на быстрое заряжение и скорую стрельбу вызывала сильнейшую критику. Опровергая поговорку «робкого духа», что «пуля виноватого найдет», Суворов обращался к историческому примеру с применением глубокого строя, при котором последние шеренги вели беглый огонь без прицеливания через головы. В результате даже жесткого огня, но мало действенного, не наносящего урона противника, последний ободрялся, «из робкого становится смелым и в мгновение ока в опасность ввергает». Артиллерии же в полевом сражении предписывалось «стрелять редко, но весьма цельно». Если же мятежники сами имели орудия, то следовало их отнять атакой пехоты или кавалерии [6.С.270–271].

В Польше полководец использовал различные построения. Часто войска применяли следующий боевой порядок: в первой линии – пехота, артиллерия в середине; вторая линия была из конницы; позади артиллерии располагался пехотный резерв, позади второй линии был особый резерв, формируемый из пехоты и кавалерии; казаки находились по крыльям и с тыла [6.С.39].

Упорядоченная суворовская система прослеживается в кампании 1794–1795 гг. Теперь нам предстает талант полководца закаленный во многих боевых действиях. В Польше Суворов пишет приказы, подчиненные создают выжимки из его наследия (например, инструкция П.С. Потемкина от 22 августа 1794 г.). При форсированном марше, когда воска проходили 30–50 км в сутки, полководец успевал вести с ними боевую подготовку. Он готовил своих «чудо-богатырей» к действиям против мобильного противника, прекрасно знавшего местность и опиравшегося на поддержку местного населения. Особый упор в подготовке делался на отработку умения быстро и организованно перестраиваться из походного в боевой порядок, действовать штыком и прицельным огнем («умножает гибель неприятеля и отвращает в действии лишнюю трату патронов»), не бояться окружения, неотступно преследовать разбитого врага. Во время обучения полководец большое значение придавал отработке навыков перекрестного огня артиллерии, проведению штурмов колоннами. Требовал, не мешкая, при захвате крепостной вражеской артиллерии разворачивать ее в крепость и «палить из оной по неприятелю, сколько потребно будет» [7. С.352–353].

Тактика Суворова в этой кампании имела ряд революционных новинок. Так, в бою при Крупчинах Суворов, как считают некоторые историки, опередил французов в массированном применении артиллерии для подготовки атаки [7. С. XV]. Здесь же отличился русский штык. В реляции о сражении полководец писал: «Нигде так не блистало холодное ружье, как при Крупчице» [7.С.373]. Большое внимание полководец уделял обеспеченности действий. Так, по причине необходимости обеспечения безопасности тыла, русские войска вынуждены были задержаться под Брестом. Суворов рассматривал сложившуюся ситуацию как неизбежно зло, вызванное необходимостью.

Отдельное место в тактических действиях Суворова занимают осада и штурм крепостей. Например, укрепления Праги, хотя и уступали Измаилу по высоте стен и ширине рва, но имели три рада земляных и долговременных укреплений. Пригодился опыт штурма Измаила. Большое значение придавалось быстроте и решительности: «работать быстро, скоро, храбро, по-русски!». В приказе А.В. Суворова по войскам перед штурмом Праги значилось, что приближаться к крепости следует с соблюдением тишины, приблизившись с рвами бросать туда фашины, взбираться по насыпи с опорой на лестницы. Не стрелять, но атаковать врага штыком. Противника, просящего пощады, щадить. Безоружных людей не убивать и с бабами не воевать, детей не трогать. Суворов так завершал приказ: «Строго уповаю: операцию вести быстро... Принуждать к сдаче и дотоле не отдыхать, доколе все мятежники взяты не будут». «Кого из нас убьют, – царство небесное, живим – слава! слава! слава!» [7.С.398].

В ходе подготовки к штурму применена была демонстрация с целью достижения внезапности. Для этого перед крепостью развернули батареи, коим предписывалось вести огонь для отвлечения сил противника. Штурм осуществлялся по опыту Измаила семью колоннами. Начальники каждой колонны предоставлялась частная инициатива. Благодаря тщательной проработки плана штурма бой продолжался не более трех часов. Полководец никогда не забывал своих подчиненных. Все его донесения содержат обязательное указание на отличившихся офицеров. В рапорте Румянцеву Суворов со свойственной ему эмоциональностью сообщал: «храбрые войска, коими я имею честь командовать, превосходят всякое одобрение. Редко видел я толь блистательной победы, дело сие подобно измаильскому» [7.С.413].

Эффективность от внедренных Суворовым методов подтвердили их правильность. Поэтому полководец активно старался внедрить их в боевую практику. «Основательные

правила есть то, писал Суворов, что мы не столько к поражению просто мятежников, что есть только пустое партизанство, но для успокоения земли» [6.С.429].

Польские кампании оказали сильное воздействие на совершенствование военного искусства как в Российской империи, так и в других странах. Быстрота маршей, решительность действий, широкая инициатива, предоставляемая подчиненным, частые штыковые атаки в сомкнутых боевых порядках, роль в атаках прицельного огня егерей, неотступное преследование разбитого противника – все это важные элементы нового военного искусства, взятые на вооружение многими армиями мира лишь по прошествии многих лет.

Библиографический список

1. **Гейсман П.А.** Падение Польши и Суворов // Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии генерального штаба. – СПб, 1900. – С. 85–134.
2. **Петрушевский А.** Генералиссимус князь Суворов / А. Петрушевский. – Т. I. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. – 486 с.
3. **Богданов А.П.** Суворов / А.П. Богданов. – М.: Вече, 2014. – 448 с.
4. **Лопатин В.С.** Суворов / В.С. Лопатин. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 447 с.
5. **Осипов К.** Суворов / К. Осипов. – М.: Журнально-газетное объединение, 1938. – 386 с.
6. **Суворов А.В.** Документы. Т. I / Под ред. Г.П. Мещерякова. – М.: Воениздат, 1949. – 789 с.
7. **Суворов А.В.** Документы. Т. III. 1791–1798 / Под ред. Г.П. Мещерякова. – М.: Воениздат, 1952. – 674 с.

УДК 94(47+57)«16»

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки
Т.В. Жиброва
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 279-30-52;
e-mail: tashazhibrova@rambler.ru.

Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
PhD in History, Associate Professor of Philosophy and Humanities Study Chair
T.V. Zhibrova
Russia, Voronezh, tel. (473) 279-30-52;
e-mail: tashazhibrova@rambler.ru.

Т.В. Жиброва

БАНИ, КВАСНЫЕ ИЗБЫ, КАБАКИ И ТАМОЖНИ В СТРУКТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА МЕСТАХ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ЮЖНОРУССКИХ УЕЗДОВ XVII В.

Статья посвящена проблеме осуществления государственного управления на местах, связанного со сбором пошлин и оброчных статей с разных источников дохода, к которым можно отнести бани, квасные избы и кабаки, которые нередко находились в ведении одного и того же должностного лица – таможенного и питейного откупщика или верного таможенного головы. Автор анализирует местные и законодательные инициативы, относящиеся к обозначенному хронологическому периоду, приводит данные по югу России, используя опубликованные и архивные источники.

Ключевые слова: таможенные книги, пошлины, Воронежский уезд, таможенный голова, юг России, кабак.

T.V. Zhibrova

BATHS, LEAVENED HOUSES, TAVERNS AND CUSTOMS IN THE STRUCTURE OF STATE GOVERNANCE ON THE EXAMPLE OF MATERIALS OF THE SOUTHERN RUSSIAN DISTRICTS OF THE XVII CENTURY

The article is devoted to the problem of the implementation of public administration in the field, associated with the collection of tax duties and duties from different sources of income, which can be attributed to the baths, leavened huts and taverns, which were often under the jurisdiction of the same official – customs and drinking buyer or faithful customs head. The author analyzes local and legislative initiatives related to the designated chronological period, provides data on the South of Russia, using published and archival sources.

Key words: customs books, duties, Voronezh County, customs head, South of Russia, tavern.

Проблема государственного управления на местах не потеряла своей актуальности. Современное реформирование, опираясь на существующий исторический опыт и стремясь к новаторству, по-прежнему находится под пристальным вниманием общественности. Многие аспекты проблем давно вышли из области сугубо исторических, эти же вопросы обсуждают молодые юристы, политологи и социологи [1.С.111-117]. В этой связи обращение к региональному материалу следует считать оправданным, так как именно на местах все принятые «сверху», в столице решения, обкатывались, преломлялись под углом прежних сложившихся традиций и находили свое решение.

Применительно к югу России в семнадцатом столетии отметим, что в это время в структуре государственного управления на местах происходили важные изменения, связанные со стремлением упрочить законодательные аспекты сбора государственных «денег» различного рода с местных жителей, упорядочить их и поставить под строгий контроль.

Население юга России традиционно помимо несения военной службы и земледелия активно занималось разными промыслами, которые приносили ему по всей вероятности ощутимую выгоду [2.С.30]. Это были поездки на Дон за солью, оружием, лошадьми, добыча пушнины в лесах, рыболовство, бортничество и др. Рядом со многими городами находились так называемые «ухожья», богатые природными ресурсами, которыми местные жители активно пользовались. В свою очередь предприимчивые провинциалы могли построить квасные избы, бани, мельницы, стать откупщиками таможенных и питейных сборов, что также приносило им немалый доход [3.С.136]. Судя по всему, в глазах государства, именно таможенные сборы должны были быть строго структурированы. В каждом уезде находилась таможенная изба с целовальниками, дьячками и таможенным головой, который как раз наряду с взиманием таможенных пошлин, мог осуществлять и другие сборы. Нередко на таможенный административный аппарат на юге России возлагали получение питейной прибыли, сусленный, квасный и банный «доходы». Совмещение сборов различных пошлин в пределах аппарата одного местного учреждения можно считать зависящим от местных условий и традиций [4.С.14].

В южных уездах России могло происходить совмещение сборов таможенных пошлин и питейной прибыли, то есть работы таможи и кабака (кружечного двора). Голова местной таможи, таким образом, являлся одновременно головой кабака, позднее кружечного двора [5].

Во всех изученных документах, касающихся воронежской, курской, белгородской и др. таможенных изб, есть указание на совмещение этих двух должностей (см. таблицу).

Алфавитные списки таможенных и кабацких голов южнорусских городов XVII в.

Антипов А.	курсский таможенный и кабацкий голова 1649 г.
Антипов Л.	посадский человек, в 1640 г. подавал челобитную с просьбой взять на откуп белгородскую таможду и кружечный двор.
Анисимов П.	откупщик воронежской таможи и кабака 1633/1634 гг.
Аристов И.	крестьянин боярина Ивана Никитича Романова, откупщик таможи и кабака г. Курска в 1636-1637 гг., был откупщиком таможенных и кабацких пошлин в Лебедянском уезде в 1645- 1646 гг.
Беседин К.	курсский верный таможенный и кабацкий голова 1641 г.
Бечевин И.	голова гостиной сотни, откупщик, орловский таможенный и кабацкий голова 1668 г.
Болдырев Л.	орловский таможенный и кабацкий голова 1674 г.
Боранников М.	орловский таможенный и кабацкий голова 1686-1687 гг.
Бунин П.	курсский верный таможенный и кабацкий голова 1626 г.
Бухтеев М.	откупщик курской таможи и кабака 1640 г.
Варварин Я.	орловский таможенный и кабацкий голова 1680-1681 гг.
Веневитинов Д.	воронежский посадский человек, воронежский таможенный и кабацкий голова 1619/1620 г., курский верный таможенный и кабацкий голова по царскому указу в 1629 -1630 гг.
Владимиров Ф.	елецкий таможенный и кабацкий голова 1617-1618 гг.
Волков Т.	откупщик, елецкий таможенный и кабацкий голова 1621 -1626 гг.
Востриков Т.	сын боярский, урывский таможенный и кабацкий голова 1690-1691 гг.
Гаврилов Н.	московский торговый человек, воронежский верный голова таможенной избы и кабака в 1617/1618 гг. – январь 1619 г.
Голдин О.	товарищ воронежского таможенного и кабацкого откупщика 1639/1641 гг.

	С. Михайлова.
Горбун М.	посадский человек, откупщик таможенных и питейных сборов в Осколе в 1635-1636 гг.
Горденин Н.	ларечный голова при воронежском таможенном и кабацком голове 1683/1684 гг. К.М. Масалитинове.
Городин А.	откупщик таможенной избы в Белгороде в 1640 г.
Горожанкин А.	воронежский верный таможенный и кабацкий голова 1638/1639 гг.
Горожанкин С.Л.	сын боярский, воронежский верный таможенный и кабацкий голова 1661/1662 гг.
Григорьев А.	крестьянин боярина Ивана Николаевича Романова Калужского уезда села Спасского, откупщик воронежской таможни и кабака 1634/1635 гг.
Григорьев Ф.	кадашовец, откупщик оскольской таможни и кабака 1626-1627 гг.
Гулевский М.	елецкий верный таможенный и кабацкий голова 1652 г., был поставлен на правож за недобор.
Дмитриев Ф.	сын боярский, голова воронежской таможни и кружечного двора в 1669/1670 гг.
Дружин А.	москвич Басманной слободы, таможенный и кабацкий голова в Орлове городке «за крестным целованьем» в 1697-1698 гг.
Дурнев О.	сын боярский, кабацкий и таможенный голова в Курске 1626-1627 гг.
Евсеев И.	крестьянин Н.И. Романова, таможенный и кабацкий голова в Орлове городке в 1641 г.
Елизарьев Л.	откупщик воронежской таможни и кабака 1665-1668 гг.
Забелин Е.Г.	елецкий верный таможенный и кабацкий голова 1648 -1649 гг.
Золотарев Г.	таможенный и кабацкий голова в Орлове городке в 1696-1697 гг.
Кожухов Ф.	житель Ельца, таможенный и кабацкий голова в Ливнах в 1648-1649 гг.
Кочапин Т.	воронежский верный таможенный и кабацкий голова 1656/ 1657 гг.
Курасов Л.	драгун, орловский таможенный и кабацкий голова, откупщик 1679-1680 гг.
Кухтин Г.	житель Курска, белгородский таможенный голова 1647 года.
Лосев А.	воронежский таможенный и кабацкий голова 1673/1674 гг.
Лахтионов А.	сын боярский, курский верный таможенный и кабацкий голова 1619 г.
Лиморов М.	курский верный таможенный и кабацкий голова 1623 г.
Лихобритов С.	воронежский верный таможенный и кабацкий голова 1654-1655 гг.
Лунев А.	сын боярский, голова белокогодской таможни и кружечного двора в 1695-1696 гг., воронежский таможенный и кабацкий голова 1698-1699 гг.
Мартюшов С.	выборный воронежский таможенный и кабацкий голова 1699-1700 гг.
Масалитинов К. М.	посадский человек, выборный воронежский таможенный и кабацкий голова 1683/1684 гг.
Маслов И.	орловский верный таможенный и кабацкий голова в 1652-1653 гг.
Москвитин И.	товарищ А. Григорьева, откупщика воронежской таможни и кабака 1634/1635 гг.
Митрофанов П.	сын боярский, воронежский верный таможенный и кабацкий голова 1657/1658 гг.
Михайлов С.	крестьянин Ивана Никитича Романова, откупщик воронежских таможенных и кабацких сборов на два года 1639-1641 гг.
Михайлов П.	крестьянин Лебедянского уезда Больших Студенок, откупщик таможенных и кабацких сборов 1644-1645 гг.
Михнев А.	сын боярский, воронежский верный таможенный и кабацкий голова

	1679/1680 гг.
Михнев И.	сын боярский, голова воронежской таможи и кружечного двора в 1664/1665 гг.
Михнев Т.	верный голова воронежской таможи и кабака 1632/1633 гг.
Масалитин И.	пушкарь, верный таможенный и кабацкий голова на Валуйках 1639-1640 гг.
Новиков М.	сын боярский, воронежский выборный таможенный и кабацкий голова 1681/1682 гг.
Олтухов Ф. М.	крестьянин боярина Ивана Никитича Романова села Спасского, откупщик таможенной избы и кабака в Курске в 1635 -1636 гг.
Онтипков Е.	посадский человек, ливенский откупщик таможенной избы и кабака 1637-1638 гг.
Онтипкин М.	откупщик таможенной избы и кабака на Валуйках в 1643 -1645 гг.
Осминин С.	воронежский верный таможенный и кабацкий голова 1652-1653 гг.
Офонасьев К.	сын боярский, курский выборный таможенный голова в 1634-1635 гг.
Офремов И.	крестьянин И.Б. Черкасского, откупщик воронежской таможи и кабака в 1524-1625 гг.
Павлов Л.	воронежский верный таможенный и кабацкий голова 1655/1656 гг.
Павлов Худяк (Филат)	сын боярский, верный голова воронежской таможи и кружечного двора в 1644/1645 гг.
Паринов (Пареного) С. Н.	сын боярский, воронежский верный таможенный и кабацкий голова 1643-1644 гг.
Пареной (Пареного) И. М.	сын боярский, верный голова воронежской таможи и кружечного двора в 1651-1652 гг.
Пареный М.	сын боярский, воронежский верный таможенный и кабацкий голова 1648-1649 гг.
Пареный Я.	сын боярский, верный голова воронежской таможи и кружечного двора в 1662-1663 гг.
Ребинин И.	пеший стрелец, верный таможенный и кабацкий голова на Валуйках в 1663-1664 гг.
Ребрудовов Ф.	откупщик таможенной избы и кабака в Ливнах 1640-1642 гг.
Семенищев И.	откупщик таможи и кабака в Орлове городке в 1667-1668 гг.
Стрельников Г.	сын боярский, оскольский верный таможенный и кабацкий голова 1651 г.
Тимофеев А.	орловский верный таможенный и кабацкий голова 1663-1664 гг.
Ушаков Т.	орловский верный таможенный и кабацкий голова в 1693-1694 гг.
Федоров И.	крестьянин Новодевичьего монастыря, откупщик воронежской таможи и кабака 1635/1636 гг.
Хромой И.	елецкий выборный таможенный и кабацкий голова 1628 г.
Шиловский А.Г.	сын боярский, воронежский верный таможенный и кабацкий голова 1636/1637 гг.
Шиловский Л.	воронежский верный таможенный и кабацкий голова 1675/1676 гг.
Шишкин	сын боярский, воронежский верный таможенный и кабацкий голова

И.П.	1641/1642 гг.
Шишкин Л.П.	сын боярский, воронежский верный таможенный и кабацкий голова 1659-1660 гг., в 1657г. занимал должность осадного головы.
Щепкин Ф.	верный таможенный и кабацкий голова Орлова городка в 1689-1690 гг.
Юршин И.	крестьянин боярина князя Ивана Борисовича Черкасского Марьины слободы, откупщик ливенской кабацкой и таможенной прибыли и банного дохода с декабря 1636 по декабрь 1637 года.

В некоторых городах, например, в Ливнах, Ельце, могло происходить совмещение таможенных и питейных сборов с другими, предположим, банными или квасными. Так, в 1636-1637 гг. ливенские таможенные и кабацкие головы И. Юршин и сменивший его Е. Онтипов собирали вместе с таможенными и питейными деньгами еще и доходы с бани [6. Д. 74.Л.101]. В Ельце в 1640 г. на откупе у головы тяглеца Конюшенной слободы М. Белоглаза находились таможня, кабак, баня и мельничий доход [6.Д.127.Л.62-70].

В Воронежском уезде таможенные и кабацкие сборы на протяжении всего столетия находились в руках одного головы. Банные доходы взимались здесь по оброчным книгам. В первой трети XVII столетия в Воронеже насчитывалось три бани, оброк с которых уплачивался в съезжей избе воронежскому воеводе [7.С.20].

Отдельная от кружечного двора квасная изба, судя по всему, была построена только в конце XVII столетия. Как упоминается в приходной книге за 1696 г., построил квасную избу в 1691 г. посадский человек из г. Переяславля-Рязанского А. Гусев [8]. В год он платил по 16 алтын 4 деньги.

Рассмотрим, на каких основаниях осуществляли свою деятельность южнорусские таможни и кабаки (кружечные дворы). Сбор таможенных пошлин до принятия Торгового устава 1653 года происходил по уставным грамотам, которые присылались воеводам при открытии таможни в качестве инструкции по сбору налогов с продаж. В большинстве архивных документов, связанных с деятельностью таможенной избы и кружечного двора, содержатся обязательные ссылки на присланную ранее уставную грамоту и на грамоты из Разрядного приказа. Помимо уставной грамоты головы руководствовались распоряжениями из столицы, содержащиеся в многочисленных наказных грамотах. Общей формулировкой для всех подобных документов можно считать наказ головам *«смотреть вправду»* и *«не корыстовать»*.

С принятием Торгового устава 1653 г. сбор таможенных пошлин стал осуществляться по уставной грамоте и по новому уставу, а после выхода в 1667г. Новоторгового устава – по его статьям. В Новоторговом уставе подтверждалась замена всех мелких сборов на единую рублевую пошлину. В нем также довольно подробно были изложены правила таможенного контроля – тщательный досмотр провозимого имущества торговца [9.С.303-328]. В уставе были детализированы правила внутренней торговли, основанные на торговом уставе 1653 года. Организация торговли и таможенной службы изымалась из ведения воевод. Подробно рассматривались вопросы о сроках и порядке уплаты пошлин, их размерах и унификации.

Основные положения Новоторгового устава действовали практически до отмены таможенных пошлин в 1753 году, а ряд статей – до введения таможенного устава Петра I в 1724 г.

Законодательные документы второй половины XVII столетия касались, в основном, более жесткого контроля над таможенными и кабацкими сборами. С 1668 года по особому указу таможенные и питейные книги с отчетом о собранных пошлинах стали посылать в столицу не один, а два раза в год: в феврале и августе. Указывалось, что голова должен сначала отчитаться в своей службе местному воеводе в городской съезжей избе, а потом ехать в Москву для отчета в соответствующем приказе.

Отдельно следует рассмотреть законодательные аспекты взаимоотношений таможенного и кабацкого головы и воеводы. 17 мая 1676 года был издан именной указ Федора Алексеевича «Об изъятии из ведомства воевод таможенных и кабацких голов и

целовальников» [9.С.303-328]. Таможенные и кабацкие служители с этого момента отчитывались в своих действиях только перед Москвой. Указ должен был остановить злоупотребления воевод, которые нередко присваивали себе часть таможенных и питейных сборов.

В 1677 году 28 февраля был обнародован новый именной указ с боярским приговором [10.С.90-92]. Он содержал требование к московским чиновникам быстрее проверять привозимую головами в столицу таможенную документацию. Эта мера была вызвана челобитными таможенных голов «о напрасной волоките», которая доставляла им массу лишних хлопот и денежных затрат. Процедура поездки в столицу и предъявления там собранных за год денежных сборов и сборных книг была очень сложной и затратной. Так, например, воронежский верный голова Ф. Павлов в 1644 г., отправившись для отчета в Москву, был вынужден подать челобитную: *«вели указ учинить, чтоб нам на Москве голодную смертью не помереть»* [11.Л.2].

Были введены новые требования и для самих таможенных и кружечного двора голов. Они должны были теперь записывать всю отчетность сначала в так называемые «черные книги», то есть черновики, которые заверялись местным старостой и мирскими людьми. Наблюдение за работой таможенников, таким образом, возлагались на земского старосту, который был обязан вместе со всем миром, знакомиться с таможенным учетом сбора пошлин и не допускать недоборов. Целью такого распоряжения, по всей видимости, было стремление ввести на местах круговую поруку, и тем самым еще более сократить число возможных злоупотреблений.

С 1680-х гг. сбор таможенных и кабацких доходов был сосредоточен в приказе Большой казны, куда были переданы пошлинные сборы [9.С.366-367].

В 1680 г. в Воронеж была прислана грамота из приказа Большой казны за приписью дьяка Дмитрия Стефанова. Документ был составлен на имя воеводы М. Вырубова и привезен сыном боярским М. Истоминым. В грамоте говорилось о том, что с 18 ноября 1680 г. *«воронежской таможенной пошлиной збор и кружечного двора питейную прибыль»* будут вестись в приказе Большие казны. На тот момент у сборов находился выборный таможенный голова Е.Климов. Собранная сумма (1122 рубля 7 алтын 2 деньги) была выслана в Москву с целовальниками, а голова отчитался в своей работе перед воронежским земским старостой и выборными людьми [11.Л.3-4].

11 июля 1681 года был обнародован новый именной указ с боярским приговором, получивший название «О мерах к отвращению убытка казне, происходящего от недобора пошлин с товаров, об отмене таможенных откупов и о поручении сего сбора верным головам и целовальникам» [9.С.29-331]. По этому документу в России снова была запрещена отдача таможенных и питейных пошлин на откуп. Для борьбы с возможными злоупотреблениями таможенных голов в августе 1683 г. в южнорусские города по памяти из приказа Большой казны были присланы новые таможенные медные «заорленные», то есть узаконенные меры.

В 90-е гг. XVII столетия законодательство о таможенных и питейных сборах выходило на новый виток своего развития, связанного, прежде всего, с деятельностью молодого реформатора. Уже 30 января 1699 года для сбора пошлин Петр I ввел бурмистров [12.С.598-600]. Избиравшиеся из торгового и посадского населения управляющие таможенными назывались теперь не таможенными головами, а по городской реформе 1699 года таможенными бурмистрами, а позже в некоторых таможенных — директорами или обер-инспекторами. В документах XVIII века появляются новые названия должностей: «приеморасходчик», «писчик», «копиист», «канцелярист» и «подканцелярист», «забухгалтер» и просто «таможенный выборный».

С учреждением царским указом Бурмистерской палаты (Ратуши) в Москве и земских изб в городах под контроль земских бурмистров перешли те дела, которые раньше находились в ведении приказа Большой казны, в частности, обеспечение сбора таможенных пошлин. Таким образом, таможенное управление было полностью освобождено от вмешательства воевод и передано таможенным бурмистрам. На местах это выражалось в

том, что собранные в каком-либо городе пошлины, минуя воевод, поступали в земскую избу или провинциальный магистрат, а оттуда отправлялись в Москву в Бурмистерскую палату, несколько позже — в государственную Ревизион-коллегию.

Таким образом, проанализировав местную и законодательную инициативы в области разного рода денежных откупных сборов на протяжении XVII столетия, можно сделать определенные выводы. Во-первых, для южных уездов России обычной практикой было их совмещение в рамках одного аппарата и под контролем одного таможенного и кабацкого головы. Во-вторых, таможенные и кабацкие сборы могли собираться вместе с другими, более мелкими пошлинами: «банными», «квасными» деньгами и пр. Особой заботой государственной политики было обеспечение контроля над деятельностью таможенного и кабацкого административного аппарата.

Библиографический список

1. **Нагорнова А.Ю.** Профессиональная подготовка будущих специалистов различного профиля / А.Ю. Нагорнова, В.В. Пивень, Г.И. Рогалева и др.; коллективная монография. – Ульяновск, 2019.
2. **Жиброва Т.В.** Воронежский уезд в годы русско-турецкой войны 1676-1681 гг. (по материалам таможенного и кружечного двора / Т.В. Жиброва // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2019. – № 1(18). – С. 30-36.
3. **Жиброва Т.В.** К вопросу об источниках комплектования таможенного и кабацкого административного аппарата Воронежского уезда в XVII веке / Т.В. Жиброва // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2019. - Т. 19. - № 2. – С. 136-140.
4. **Жиброва Т.В.** «В таможенную и кабацкую питущую избу»: основные расходные статьи Воронежского «местного бюджета» (по материалам таможенных и кабацких книг 1620 г.) / Т.В. Жиброва // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2019. – № 2 (19). – С. 14-20.
5. **Жиброва Т.В.** Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII веке. – Воронеж: Истоки, 2011. – 211 с.
6. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. Приказн. ст.
7. «Дозорная книга 1615 года». Список с Воронежских книг письма и дозору Григорья Киреевского с товарищи лета 7123 году // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. - Т. II. - Воронежские писцовые книги. – Воронеж, 1891.
8. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 1 Д. 84. Л. 5.
9. Полное собрание законов Российской империи. - Спб., 1830. - Т. 2.
10. Памятники русского права. – Вып. 7. – М., 1963.
11. ГАВО. Ф. И-182. Оп.2. Д. 121.
12. Полное собрание законов Российской империи. - Спб., 1830. - Т. 3.

УДК 092

*Воронежский институт Министерства Внутренних
Дел России
Преподаватель кафедры социально-гуманитарных
дисциплин
Е.А. Зверков
e-mail: zverkovphd@yandex.ru*

*Voronezh Institute of Russian Ministry of Internal
Affairs.
Lecturer of the Department of socio-humanitarian
Disciplines.
E.A. Zverkov
e-mail: zverkovphd@yandex.ru*

Е.А. Зверков

**А.С. МОИСЕЕВ – РЕВОЛЮЦИЯ ВСЕРЬЁЗ. К СТОЛЕТИЮ ГИБЕЛИ
ОРГАНИЗАТОРА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВОРОНЕЖЕ**

Статья посвящена политической деятельности большевика А.С. Моисеева летом-осенью 1917 года – с момента его приезда в город до организации Октябрьской революции.

Ключевые слова: А.С. Моисеев, Воронеж, 1917, краеведение.

Е.А. Zverkov

**A.S. MOISEEV – REVOLUTION IN EARNEST. TO THE CENTURY
ANNIVERSARY OF THE DEATH OF ORGANIZER OF THE OCTOBER REVOLUTION
IN VORONEZH**

The article is devoted to political activities of the Bolshevik A.S. Moiseev by summer-autumn of 1917 – the period of time since his arrival to the city until the organizing of the October revolution.

Key word: A.S. Moiseev, Voronezh, 1917, regional studies.

История – исключительно личностный феномен. Вместе с тем, споры о роли личности и масс в истории, о соотношении в ней объективного и субъективного по-прежнему являются предметом ожесточённых споров историков и философов. Данная ситуация не выглядит удивительной – поиск закономерностей истории затруднён наличием в ней тех харизматичных фигур, которые в силу своей энергии, таланта или личного обаяния способны ускорять, или, наоборот, сдерживать социально-исторические процессы.

Это одинаково справедливо как для фигур общегосударственного масштаба, так и регионального. Одна из таких фигур – Алексей Сергеевич Моисеев, один из организаторов Октябрьской революции в Воронеже. Имя Моисеева небезызвестно в городе – когда-то без упоминания о нём не обходился почти не один труд по истории 1917 года в Воронеже. В 1967 году его именем была названа одна из городских улиц. В годы Советской власти о нём писали часто и охотно. После перестройки интерес к Моисееву почти пропал. Это и неудивительно – изрядно надоевшее восхваление Октября отправило в отставку бывших героев социалистической революции. Было пересмотрено и само отношение к ним – а герои ли? Свежий взгляд был предложен и в отношении личности Моисеева [1].

Биография А.С. Моисеева и его трагическая смерть от рук банды Шкуро хорошо известна. В данной работе внимание сосредоточено на первых месяцах пребывания Моисеева в Воронеже и его роли в политических процессах города в июле-октябре 1917 г.

Версий о причинах приезда Моисеева в город три. Согласно первой из них, описанной А. Шеховой в работе «Председатель ревкома», Моисеев прибыл в город в июле «с партийным поручением» [2.С.104].

Н.Н. Рабичев, в свою очередь, связал его прибытие в Воронеж с июльским политическим кризисом в Петрограде, после которого последовали гонения на большевиков: «Вскоре после 3-5 июля мы совершенно неожиданно для себя получили крупное подкрепление. В связи со следствием, проводившимся в Петрограде о событиях 3-5 июля, на некоторое время пришлось исчезнуть из Петрограда В.И. Невскому... (одному из первых руководителей большевистского Военного комитета в Петрограде – Авт.) тов. Моисееву и тов. И. Жилину» [3.С.36]. По словам же И.Я. Врачёва, Моисеев был отправлен в губернские города центральным комитетом межрайонцев. Здесь он выступил на партийном митинге и привлёк к себе внимание большевиков, страдавших от недостатка хороших ораторов. Если верить Врачёву, на следующий день после его выступления Н.Н. Кардашёв и И.Я. Врачёв предложили Моисееву присоединиться к партийной группе воронежских большевиков. Вскоре он был избран в члены партии и чуть позже – в депутаты Совета РСКД.

Прибыв город, А.С. Моисеев активно включился в партийную работу, став редактором местной большевистской прессы. Вскоре с его помощью большевикам удалось наладить стабильную печатную агитацию.

Приезд столичного революционера внёс существенные коррективы во внутрипартийный расклад сил. Интересно, что Моисеев, по всей видимости, был межрайонцем, т.е. придерживался линии Л.Д. Троцкого, а не В.И. Ленина. Таковы, по крайней мере, были свидетельства Н.Н. Рабичева [4.С.82] и И.Я. Врачёва, открыто назвавшего его троцкистом в статье «Памяти товарища А.С. Моисеева», опубликованной в газете «Воронежская коммуна» 6 ноября 1919 г.

Позднее И.Я. Врачёв, один из активных деятелей большевистской партии, написал, что некоторые партийные коллеги укоряли Моисеева в карьеризме. Действительно, слишком быстро он поднимался по политической лестнице губернии. Уже 14 августа он заменил Чуева на посту заместителя председателя во вновь сформированном Президиуме Совета РСКД [5]. Возглавил Президиум, к слову, эсер М.Л. Коган-Бернштейн [6.Л.61].

Последующий этап деятельности Моисеева определил широко известный конфликт между генералом Л.Г. Корниловым и главой Временного правительства А.Ф. Керенским. Выступление Корнилова не на шутку взволновало воронежских социалистов, опасавшихся своевольного и жёсткого генерала, поэтому, в целях противодействия возможному союзнику Корнилова, атаману А.М. Каледину, 28 августа был создан т.н. «Комитет 5-ти», сосредоточивший, по факту, как военную, так и гражданскую власть городе. В данный комитет, как представитель Воронежского Совета РСКД, вошёл и А.С. Моисеев [7]. Опасаясь контрреволюции справа, со стороны военных, эсеры охотно пошли на союз с большевиками, однако именно последние получили от этой кампании максимальную выгоду, реабилитировавшись после июльской катастрофы.

Вскоре после окончания корниловской эпопеи рухнуло и хрупкое межпартийное перемирие. Сразу после стабилизации ситуации, в «Воронежском телеграфе» появилась статья, в которой, для успокоения населения и снижения общего впечатления от пережитых событий, выступление Каледина было названо «фантастической сказкой», искусственно раздутой в целях политических спекуляций. Подобная квалификация вызвала негодование А.С. Моисеева, который 21 сентября выпустил обращение к жителям города, в котором категорически не согласился с подобной характеристикой [8]. Недовольство Моисеева вполне понятно — корниловский мятеж помог большевикам перетянуть на свою сторону большинство солдат гарнизона, а последние дни августа привели к резкому улучшению положения большевиков – как в провинции, так и в столице. Как отметил небезызвестный французский советолог Н. Верт, «большевики были главными героями дня, так как их лидеры были выпущены из тюрьмы или смогли выйти из подполья, куда их загнали после ‘июльских дней’» [9.С.105].

Моисеева вполне можно назвать наиболее агрессивным социалистом Воронежа того времени. Эсеры представляли собой для него исключительно политических противников. Для эсеров, напротив, большевики были хоть и «заблудшие», но всё же представители

социалистического цеха. Помимо социалистического братства, о котором эсер К.С. Буревой напоминал большевикам на одном из заседаний Совета, снисходительно относиться к коммунистам эсеров заставлял страх угрозы справа — со стороны казаков или военных. Та же проблема страха, как известно, мучила и их лидера А.Ф. Керенского. С этим же была связана и та готовность, с которой эсеры пошли на сотрудничество с большевиками в период возможного выступления Каледина. Так, давая в своей печати негативную оценку работе государственной Думы и её бывшим лидерам — Гучкову и Родзянко, эсеры с тревогой отмечали встречи указанных политиков с казачеством, расценивая это как «прощупывание почвы» на случай борьбы с левыми. В данном случае эсеры опасались создания контрреволюционного блока из либералов и казаков. «Пока внутренним врагом признаются анархисты и большевики», отмечали «Известия Воронежского Совета», «но затем, по привычке, чуть ли не машинально строгие меры можно будет применять и к другим!»[10]. Таким образом, левобольшевистское крыло, в лице, прежде всего, Моисеева, считавшее противником № 1 именно социалистов, а не военных, получало психологическую инициативу.

Довольно быстро вокруг Моисеева объединились разделявшие его позиции лидеры воронежской большевистской группы – И.Я. Врачёв, И.А. Чуев. Во многом, именно их организаторские способности и стали залогом успешного переворота.

Моисеев стал настоящим лидером данной группы и отказался принять решение воронежского губкома большевиков о необходимости повременить с выступлением. Н.Н. Кардашёв, формальный председатель воронежского губкома, считал выступление преждевременным и отмечал, что «Воронеж не решает, но напортить преждевременным выступлением может» [3.С.75]. О недопустимости вооружённого мятежа говорил и первый председатель воронежского горкома большевиков С.Д. Турчанинов. В знак своего несогласия с перспективой вооружённого конфликта С.Д. Турчанинов покинул партию незадолго до переворота [11.Л.16].

В решении об организации переворота Моисеева поддержал 19-летний Иван Врачёв. Договорившись с пятым пулемётным полком о передаче части оружия рабочей дружине, выступившей под руководством левого эсера М.А. Чернышёва в поддержку большевиков, Моисеев, от имени председателя Исполкома Воронежского Совета Арсения Михайлова, вызвал к Дому народных организаций (ныне - проспект Революции, 22) автомобиль, на котором рабочим и было доставлено оружие [12.С.89].

Именно Моисеев открыто поднял вопрос о восстании на ночном собрании ревкома пятого пулемётного полка 29 октября. Действуя обособленно от воронежского губкома большевиков, своими действиями он поставил последних перед свершившимся фактом, в результате чего даже Н.Н. Кардашёв был «не прямым организатором переворота, а скорее его очевидцем» [3.С.66].

Роль Моисеева не осталась незамеченной – городской голова, эсер Н.Г. Андреев, полностью возложил на него всю ответственность за переворот [13.С.201]. Предельно жёстко в его адрес высказался и на тот момент уже экс-главред «Воронежского телеграфа», член партии народных социалистов (в будущем советский педагог-академик) Н.В. Чехов: «Это настоящий, подлинный контрреволюционер. Он выступил, чтобы...отнять у нас все завоевания революции...свободу печати и слова...неприкосновенность личности и жилища» [1].

Моисеев не отрицал своей роли в перевороте: на заседании гор. Думы он открыто заявил, что по личной инициативе пошёл против решения большевистского губкома. При этом он предостерег эсеров и военных от каких-либо «фраз и выступлений», намекнув на жёсткие ответные меры. Думцы в ответ бросили реплику, что это прямая угроза [14.Л.84].

На заседании Совета, в свою очередь, Моисеев объявил переворот превентивной мерой, заявив о якобы существовавших планах начальника 8-й запасной пехотной бригады полковника Вознесенского расстрелять из артиллерии 5 пулемётный полк, и об освобождённых в тюрьме местах, намекая, что они готовились для большевиков.

Переворот сделал А.С. Моисеева одной из ключевых политических фигур города.

Следующим шагом в карьерной лестнице Моисеев могли стать выборы в Учредительное собрание. Приходя к власти, большевики вовсе не отрицали необходимости созыва Учредительного собрания, а потому приняли самое деятельное участие в выборах. Итог выборов оказался провальным – крестьянская губерния не оказала поддержки пролетарской партии. Да и в самом Воронеже успех праздновали кадеты, набравшие 50,3% голосов [15, с. 142]. Как итог - 9,57% голосов. В итоге от Воронежской губернии прошли всего двое кандидатов – В.И. Невский и председатель губкома Н.Н. Кардашёв [16.С.125, 135]. А.С. Моисеев, хотя и был заявлен в списке большевистской партии, вследствие низкого процента набранных голосов попасть в состав Учредительного собрания не смог [17]. Это, впрочем, не помешало ему занять ведущие позиции в выстраиваемой большевиками новой административной структуре, которой, правда, ещё несколько месяцев предстояло сосуществовать с органами власти Временного правительства.

Таким образом, за четыре неполных месяца пребывания в Воронеже А.С. Моисеев смог стать одним из ведущих политиков губернии, а его личная решимость и энергия сделали возможным осуществление и успешное завершение Октябрьской революции в городе. Значительную роль ему принадлежала и в строительстве новой власти. А.С. Моисеев отметился как настойчивый, жёсткий, но вовсе не жестокий политик. Именно это, пожалуй, предопределило участие горожан, в том числе именитых, в сборе подписей белогвардейскому генералу Шкуро, захватившему город в 1919 году, о помиловании Моисеева. Моисеев, якобы признанный неким «гимназистом» при попытке покинуть город по чужим документам, содержался на первом этаже гостиницы «Гранд Отель» [18.Л.73].

Будущий фашистский пособник С.В. Вакар (как, кстати, и его патрон А.Г. Шкуро, успевший, по свидетельству того же Вакара, поработать во Франции наездником в цирке [19. С.183]) описывал Моисеева как «весьма интеллигентного человека, в то же время идейного коммуниста, какого я никогда в жизни ещё не встречал и больше не встречу» [19.С.100]. По словам Вакара, Моисеев считал, что «идеи коммунизма нужно проводить чистыми руками, без крови», а потому неоднократно спасал людей от ЧК. Поэтому, когда Моисеев был арестован, его жене удалось собрать под петицией с просьбой о его освобождении более чем 300 подписей, «начиная с генералов и наиболее авторитетных жителей Воронежа» [19.С. 100], а также «артистов, врачей, педагогов» [18.Л.74 об.]. По свидетельству Н.М. Фёдорова, собиравшего в 1967 году материалы о последних днях жизни Моисеева, отказались ставить свои подписи под предлогом опасений репрессий со стороны Шкуро воронежские рабочие.

Шкуро, впрочем, петицию проигнорировал. Единственной поблажкой в свете этих просьб стала замена способа казни – повешение было заменено расстрелом, хотя версия о повешении продолжала существовать и позднее. В частности, её привёл в своих воспоминаниях, не указав источника, Н.Н. Рабичев. По сохранившимся свидетельствам, Моисеев смог сохранить мужество и самообладание до самой смерти.

Алексей Моисеев был расстрелян бандитами Шкуро 12 октября 1919 года около пяти часов вечера. К тому моменту ему исполнилось 32 года. По наиболее распространённой версии, это произошло во дворе гостиницы. По другой, Моисеева отвезли к «Холодильнику» (около современной площади «Застава»), где убили выстрелами в спину [18.Л.76 об.]. По некоторым сведениям, спустя двое суток после убийства, когда жене Моисеева всё же разрешили забрать тело для захоронения, у него были отрублены голова и одна рука.

Не слишком трепетно отнеслись к памяти организатора воронежского Октября и местные большевики – могила председателя губисполкома впоследствии была уничтожена вместе с остальными погребениями Новомитрофановского кладбища.

Библиографический список

1. **Тимофеев А.** Рыцарь, он же убийца. / А. Тимофеев // Воронежский курьер. – 1997. – 6 ноября.
2. **Шехова А.** Председатель ревкома // Гвардейцы революции: сборник статей. — Воронеж: Центр.-черноз. книжн. изд-во, 1967. — С. 102-112.
3. **Рабичев Н.Н.** Октябрьские дни в Воронеже / Н.Н. Рабичев. — Воронеж: Коммуна, 1934. — 78 с.
4. **Севастьянова Т.М.** Первые большевистские газеты в Воронеже / Т.М. Севастьянова. – Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1959. — 90 с.
5. Воронежский телеграф. — 1917. — № 179.
6. ГА ВО. — Ф. Р-2393. — Оп. 1. — Д. 3.
7. Воронеж в тревожные дни // Воронежский телеграф. — 1917. — 31 августа.
8. Из обращения члена Воронежского революционного распорядительного комитета большевика А.С. Моисеева к гражданам по поводу клеветнической статьи «Воронежского телеграфа» о якобы неправильной деятельности комитета в борьбе с Калединым // Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917-1918 гг. (Сборник документов и материалов). — Воронеж, 1957. — С. 143-144.
9. **Верт Н.** История советского государства, 1900-1991 / Н. Верт. – 2-е изд., испр. – Москва: Прогресс-Академия, 1995. – 542 с.
10. М.П. Поход на революцию // Известия Воронежского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. — 1917. — № 4.
11. ГАОПИ ВО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 471.
12. Воспоминания начальника воронежской боевой рабочей дружины // Два архивных документа / [сост. и авт. вступ. ст. Н.И. Третьяков, науч. ред. А.Н. Акиншин]. — Москва: Издательство Олега Пахмутова, 2014. — С. 83-119.
13. **Попов П.А.** Воронеж. История города в названиях улиц / П.А. Попов. – 2-е изд. — Воронеж: «Кварта», 2003. — 532 с.
14. ГАОПИ ВО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 460.
15. **Лавыгин Б.М.** 1917 год в Воронежской губернии / Б.М. Лавыгин. – Воронеж : 1928. — 178 с.
16. 1917 год в документах материалах. Всероссийское Учредительное Собрание / под ред. М.Н. Покровского и А.Я. Яковлева. — Москва, Ленинград: государственное издательство, 1930. — 220 с.
17. Воронежский телеграф. — 1917. — № 200.
18. ГА ВО. — Ф. 288. — Оп. 1. — Д. 2.
19. **Вакар С.** Наша генерация, рождённая в конце прошлого столетия. Москва, 2000.

УДК 433

*Елецкий государственный университет имени
И.А. Бунина
магистр 2 курса, институт истории и культуры
И. Ю. Зубарев
Россия, г. Елец,
тел. 89202717643;
e-mail: iwan.zubarew2016@gmail.com*

*Yelets State University named after
I.A. Bunin
Master of 2 courses, Institute of history and culture
I. Y. Zubarev.
Russia, Elets,
tel. 89202717643;
e-mail: iwan.zubarew2016@gmail.com*

И.Ю. Зубарев

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ АНАРХИСТСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена рассмотрению крестьянского и аграрного вопроса в трудах русских мыслителей анархизма конца XIX – начала XX века П.А. Кропоткина и М.А. Бакунина. В статье демонстрируются взгляды идеологов анархизма на проблему владения крестьянами землей, на устройство крестьянских общин. Также поднимается вопрос о значении и роли крестьянства в «грядущей» социалистической революции.

Ключевые слова: анархизм, крестьянская община, М. А. Бакунин, П.А. Кропоткин, народники.

I.U. Zubarev

THE PEASANT QUESTION IN RUSSIAN ANARCHIST THOUGHT OF THE LATE XIX- EARLY XX CENTURY

The article is devoted to the consideration of the peasant and agrarian issue in the works of Russian thinkers of anarchism of the late XIX - early XX centuries: Kropotkin and Bakunin. The article demonstrates the views of the ideologists of anarchism on the problem of land ownership by peasants, on the structure of peasant communities. The question also arises of the significance and role of the peasantry in the "coming" socialist revolution.

Key words: anarchism, peasant community, M. A. Bakunin, P. A. Kropotkin, populists.

Крестьянский вопрос - ключевой вопрос для всех политических сил и революционных групп Российской империи конца XIX – начала XX века. Причиной данного выступал тот факт, что в рассматриваемое время крестьянство составляло большую часть населения страны, оставаясь при этом по-прежнему наименее социально защищенным. Реформа отмены крепостного права Александра II хоть и была важным шагом на пути уравнивания в правах беднейшей части населения России, однако не решала основные ее проблемы. А именно: крестьяне, не смотря на мнимую свободу, оставались прикованными к земельным участкам своих бывших господ; социальное положение и интеграция в новое общество бывших крестьян проходило затруднительно, что увеличивало количество городской бедноты. В связи с этим, в конце XIX века именно крестьянство казалось революционерам именно той социальной группой, основой которой суждено встать во главе революции. Однако бурные события начала XX столетия в России поставили во главу революционного движения пролетариат, а крестьянство стало лишь его вспомогательной силой. Вместе с тем сам «крестьянский вопрос» по прежнему оставался предметом острых споров и противоречий в рядах социалистов как в начале XX века, так и после Октябрьской революции 1917 г.

© Зубарев И.Ю., 2019

В рамках данной статьи обратим внимание на рассмотрение крестьянского вопроса в трудах русского анархо-движения рассматриваемого периода. Отметим, что взгляд на устройство крестьянства и его роль в социалистической революции анархистов произрастал из народнического движения второй половины XIX столетия. Народники, будучи первыми русскими социалистами, пытались построить социализм, опираясь именно на крестьянское население. Еще В. И. Ленин, определял народников, как строителей идеологии крестьянской демократии. По его мнению, народничество представляло собой выражение «революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное уничтожение помещичьего землевладения» [1]. Основоположник идеологии «общинного социализма» А. И. Герцен считал, что именно крестьянская община должна стать главной революционной ячейкой будущей социалистической революции. Именно «общинный, крестьянский социализм» Герцена лег в основу народнической теории в России второй половины XIX века. Описывая свою теорию, А.И. Герцен писал: «Мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, – и идет вместе с рабочей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм» [2.С.236].

Причиной того, что первые русские социалисты большое внимание уделяли именно крестьянству, было: в первую очередь его численный коэффициент, по отношению к другим сословиям; его социальная незащищенность; слабое развитие капитализма, и как следствие неразвитость рабочего класса. Так же, народническая идеология подчеркивала самобытность русского крестьянства. В своих трудах А. И. Герцен и основоположник реформитского крыла народников П.Л. Лавров подчеркивали социалистический характер русского крестьянина. С этим мнением будет согласен и основоположник русской анархистской мысли М. А. Бакунин.

Следующим шагом на пути вовлечения крестьянства в социальную революцию, стало «хождение в народ», инициатором которого стали П. Л. Лавров, Н. В. Чайковский, а так же анархисты П.А. Кропоткин и М. А. Бакунин. Целью данного являлось: образование и вовлечение в политическую борьбу крестьянства и низких слоев населения. Здесь народники разделились. Умеренное крыло, во главе с П.Л. Лавровым считало крестьянство не готовым к революционной борьбе. Поэтому основную цель движения он видел в пробуждении революционера внутри крестьянина, за счет пропагандистской и агитационной деятельности. По убеждению П.Л. Лаврова, социальная революция в России приведет к замене частной собственности на коллективную, к развитию коллективных форм обработки земли, к общинному пользованию продуктами сельскохозяйственного труда, к преобразованию сельской мирской сходки «в основной политический элемент русского общественного строя». Теория «хождения в народ» П. Л. Лаврова стала крупным идейным и общественным явлением в российской истории второй половины XIX века [2.С.238]. В то же время радикальное, революционное крыло народников во главе с П.Н. Ткачевым выступали за вооруженный переворот. А после, уже революционеры сверху вовлекут народ в социальную борьбу.

Однако все программы народнического движения на практике провалились. Крестьянство видело в пришедших агитаторах-интеллигентов враждебный для себя элемент, что привело к массовым доносам со стороны крестьянства и массовым арестам. В результате этого, царское правительство организовало следствие о «Делах о пропаганде» и в 1877 году все это вылилось в печально известный «процесс 193-х» [2.С.237].

Как уже, было написано выше, инициаторами «хождения в народ» были и первые русские анархисты, такие как М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин. Остановимся в начале на первой фигуре. М.А.Бакунин, являясь первым видным русским теоретиком анархизма, имел тесные отношения с народниками, а «бакунинский анархизм» оказывал на них своё достаточно определенное влияние и на П.Л. Лаврова в том числе. Философские и политические взгляды М.А. Бакунина начали формироваться во время пребывания в кружке

Станкевича, участником которого он стал в 1835 году. В этот период он знакомится с А.И.Герценом, П.Л. Лавровым. Именно в этом кружке он занялся изучением немецкой философии.

Он увлекается романтизмом Канта, идеализмом Фихте, и, наконец, гегелевским диалектизмом. Видимо, из этих философских концепций и выделялась его собственная концепция о справедливом мироустройстве и сближении интеллигенции с крестьянством. Большое влияние на молодого М. А. Бакунина оказывал Гегель, в частности, в письме к сестрам, в мае 1937 г, он писал: «Гегель, дает мне совершенно новую жизнь. Я целиком поглощен им». Герцен, описывая Бакунина тех лет, писал, что тот был полностью поглощен им, социальными идеями немецкого философа, и, что «нет параграфа во всех частях Логики, Эстетики, Энциклопедии, который не был бы причиной отчаянных споров нескольких ночей» [4]. Идеализм Гегеля и концепция о движении истории и прогресса к идеалу стали составной частью не только философских взглядов М.А. Бакунина, но и социалистической философско-экономической мысли в целом. Еще родоначальник социалистической экономической системы Ф. Энгельс писал о Гегеле: «Впервые он (Гегель) представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, движения, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития» [3.С.30].

В 1840 году М. А. Бакунин уезжает в Германию. Именно здесь, на фоне подъема социалистического революционного движения и рождается Бакунин-политик, Бакунин-анархист. В Германии, в ходе политической борьбы он формирует свою политическую концепцию, политический идеал. В 1842 году под псевдонимом Жюль Элизар он издает политическую статью «Реакция в Германии. Отрывок, составленный французом» Уже в этой работе прослеживается радикальная социалистическая направленность политической мысли молодого М.А. Бакунина. В данной статье, рассматривая социальную и политическую ситуацию в Германии, он выделял бедственное положение городских и крестьянских масс и подчеркивал их революционный настрой. М. А. Бакунин, в частности рассуждал: «Народ (здесь имеется в виду городская беднота и крестьянство) – бедный класс, составляющий большинство человечества <...> который до сих пор по своему рождению и положению осужден на неимущее состояние, на невежество, а потому и на фактическое рабство, — этот класс, принимает везде угрожающее положение, начинает подсчитывать ряды своих врагов и требовать практического приложения своих прав» [3.С.52]. На вооружение Бакунин взял лозунг Великой французской буржуазной революции «Свобода, равенство и братство!», под которым он понимал полное уничтожение государства и господствующего социального строя. Именно в этой, своей первой политической работе он выдвинул разрушение, как цель политической борьбы: «Страсть к разрушению есть творческая страсть!» [3.С.53].

После начала своей политической деятельности, М. А. Бакунин решает остаться в Германии и не возвращаться в России. Об этом он извещает семью в письмах от 1843 года. Однако, он не оставляет без внимания политические процессы на родине, будущее России он передает в руки народа. В статье от 1845 года, он выдвинул тезис, о том, что будущее Российской империи в ее народе, который, развивается и выживает, «вопреки злой воли правительства». Именно в крестьянских бунтах он видел начало революции. В 1840-х на территории Российской империи происходят крестьянские выступления и с каждым годом в народные движения вливаются большее количество крестьян. Так, за один 1848 г. произошло 161 массовое "неповиновение" крестьян в 34 губерниях [4]. Бакунин поддержал эти выступления, заявив, что бунтующее крестьянство и есть солдаты революции: «наши солдаты – это сам народ, освободившийся от иллюзий» [4].

М. А. Бакунин резко выступает против крепостного права, считая это настоящим рабством. В «Письмах из тюрьмы» от 1852 года, будучи осужденным за участия в восстании в Германии, он так характеризует дворянскую власть в России: «В своих отношениях с крестьянами помещик выступает одновременно в качестве судьи и заинтересованной стороны: он судит без права апелляции и сам выполняет свои приговоры» [4]. Реформу 1861

года М. А. Бакунин встретил с подозрением, а точнее, он вообще посчитал ее обманом. По мнению революционера, крестьяне так и не были освобождены, они были вынуждены выплачивать помещику не только деньги за часть земли, которую они обрабатывали поколениями, но и платить за возможность работать. Бакунин полагал, что Александр II и его окружение создали лишь видимость освобождения, провели лишь видимость земельной реформы, оставив русского крестьянина в той же пожизненной долговой яме перед помещиком. В «Речи к конгрессу» 1868 г., в которой он рассказывал о судьбе славянских народов и царского деспотизма над ними, он заявил, что царь вынужден был создать видимость свободы для крестьянства, дабы сохранить империю [5.С.103]. Он считал, что с той реформой, которая была проведена, помещик сможет ограбить крестьянина в два, или даже в три раза больше. М. А. Бакунин произнес: «Несмотря на эту свободу, о которой так много кричали в Европе, русский народ до сих пор прикреплен к земле, и русский крестьянин, сделавшийся собственником своей земли, вместе с тем окончательно разорен и почти умирает с голоду. Чтобы собрать оброки и покрыть недоимки, которые он не в состоянии платить, продают орудия его труда и даже его скот; у него нет более семян для посева, нет возможности обрабатывать землю. Вот то счастье, которым наградил его великодушный Александр II» [5.С.103].

В этой же речи М.А. Бакунин выделил положительное свойство реформы, а именно пробуждение крестьянства и осознания деспотичной власти царя. Это, по его мнению, должно было стать сигналом к готовности Всероссийского крестьянского движения, возглавить которое должна была организованная революционная молодежь. М.А. Бакунин продолжал верить в революционный дух русского крестьянства и именно поэтому стал одним из авторов «хождения в народ».

Что же предлагала крестьянам политическая доктрина М. А. Бакунина? Свою идеологию, основанную на прудонизме, материализме, гегелевском диалектизме он назвал «социальным анархизмом», за общинный коллективный характер ее еще называют «общинным анархизмом». Основной тезис - «государство – это насилие». При этом заменить государственную систему он предлагал обществом свободных общин, союзов, ассоциаций, которые бы самостоятельно распределяли средства и продукты производства. В работе «Народное дело», в которой он объявил свою политическую программу, он заявил: «Земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками — земледельческим общинам. Капиталы и все орудия труда работникам — рабочим ассоциациям» [5.С.97]. Из этого следовало, что по М. А. Бакунину крестьянский вопрос разрешался созданием свободной крестьянской общины, которая бы и распределяла землю. Проведённый нами анализ его работ показывает, что он выделил три основных признака, которые послужат «основой будущего общинного развития»: 1. широкое распространение убеждения, что земля принадлежит народу; уважение к общине — самому стойкому строю сельской жизни, к тому же сохранившегося в виде обычаев и традиций; общинное самоуправление, как «источник грядущей свободы». Устройство жизни по общинному образцу «составляет политическую и социальную связь русского народа, и ему русский народ обязан той энергией, с которой он смог сопротивляться соединенным силам царей, бюрократии, дворянства и духовенства» [6. С.800]. Крестьянская община стала бы основой нового социального строя, а за ней бы развились и прочие свободные объединенные федерации. Однако главная роль крестьянства по М. А. Бакунину – это его бунтарский воинственный дух, который бы поставил ее во главе революции

Похожих взглядов придерживался и еще один мировой идеолог анархизма – Петр Алексеевич Кропоткин (1842 – 1921 гг.). Свои политические взгляды он формирует в ходе своей военной и научной службы в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1862 году, Кропоткин в составе казачьего корпуса отправляется в Сибирь, где и наблюдает за царящим правительственным и дворянским произволом. В своих письмах брату он подмечает неэффективность и неумелость действий царской администрации. Например, он обращает внимание на неумело и устарело выполненную административную работу при установлении

барок на реке Лене: «... работа сделана наскоро, ради дешевизны, неразумное насильственное привлечение крестьян для снятия севших на мель барок в самое ценное время пахоты и сева» [7]. Также он пишет о сопереживании крестьянским бунтам в Польше и Сербии: «Теперь я начинаю жалеть, Саша, что уехал сюда [в Сибирь], когда читаю, что в Сербии готов подниматься народ, везде по дворам оружие, и беспрестанно читаешь, что вот-вот, весной, вероятно, пойдет потасовка. В Сербии нужны руки, и я охотно бы поскакал туда» [7]. Однако, в то же время, в этом же письме, П. А. Кропоткин высказывается о том, что самое главное для нынешнего революционного общества – это просветительская деятельность: «... по-моему, самое честное, самое нужное в настоящее время, — это учить и воспитывать народ».

К крестьянской реформе Александра II П. А. Кропоткин, как и М. А. Бакунин отнесся отрицательно. Считая, что она лишь формально освободила крестьянство и не дала в собственность средство производство – землю. Говоря об аграрной ситуации в России, Кропоткин подмечал, что она схожа с предреволюционной Францией: «наделы так малы, земля местами так неплодородна, а подати, налоги так велики, что больше трех четвертей крестьян доведены до самой ужасной нищеты. Хлеба не хватает, и достаточно одного неурожайного года, чтоб голод свирепствовал в целых губерниях, унося многочисленные жертвы» [8]. Он также подмечал и революционный настрой крестьянства, полная, что оно только и ждет нужного времени. Толчком для массового крестьянского выступления должны были стать революционные политические события: «во Франции и России аграрное событие – вопрос дня» [8].

Что же предлагал русскому крестьянству П. А. Кропоткин? Кропоткинский анархизм получил название «анархо-коммунизм» и стал ведущим крылом анархо-движения в России в начале XX века. Основная политическая идея П. А. Кропоткина – это союз свободных общин, коммун основанных на взаимопомощи. Он, опираясь на эволюционное учение Дарвина, полагал, что все человеческое общество основано на принципах взаимопомощи, так оно развивалось и существовало, государство – лишь инструмент подавления и помеха для развития общества. Основные черты анархо-коммунизма: децентрализация; свобода от государственной власти и частной собственности; равенство для всех (равные возможности) взаимопомощь (так как к эгоизму человека толкает государственная система). Именно на взаимопомощи и солидарности должны были развиваться будущие крестьянские общины.

Таким образом, земля должна была стать общинной, но и в то же время правом обладать ей должен был иметь тот, кто мог и хотел бы ее обрабатывать. Сельские и ремесленные рабочие, по теории Кропоткина должны были бы объединиться в коллективные хозяйства и союзы. Ремесленные городские союзы помогали бы крестьянским общинам, а крестьяне поставляли бы в город продукцию – именно так выглядел бы принцип общинной взаимопомощи по П. А. Кропоткину. В результате сложились бы более сложные смешанные общины. Однако оставался вопрос, связанный с революционной экспроприацией которым П. А. Кропоткин так же занимался.

Отметим, что условно крестьянскую прослойку анархо-коммунисты разделяли на семь категорий: безземельные крестьяне; земледельческие рабочие, имевшие малый клочок земли, недостающий, чтобы прокормится и из-за чего вынужденные работать наемными рабочими; мелкие собственники, не имевшие наемную рабочую силу; фермеры, обрабатывающие землю им не принадлежащую; фермеры, обрабатывающие арендованную землю силой наемных рабочих; средние собственники, обрабатывающие землю сами и наемных рабочих; собственники, имевшие в частной собственности [9]. «Паразитами» являлись члены седьмой прослойки, которые не обрабатывали самостоятельно землю, а следовательно, не имели права на ее владение. Экспроприацию предлагалось провести лишь у этой прослойки. Хозяйственники шестой категории, то есть, те, кто обрабатывает землю самостоятельно и с наемными работниками вынуждены будут отказаться от части земли и оставить лишь тот участок, который они смогут обрабатывать самостоятельно. Остальные

крестьяне, обрабатывающие свою землю самостоятельно, без обширного применения наемного труда являлись пролетариатом.

Однако П. А. Кропоткин понимал, что заставить собственников на общинную систему будет проблематично. Для этого, и нужна была революционная интеллигенция, чтобы просвещать и образовывать народ, дабы убрать из него религию и веру в царя. А это являлось главным сдерживающим фактором, стоящим между старой моралью, и новой, социалистической: «Единственное возражение, которое мы встретили с их стороны, касаясь не сущности наших принципов, а их практического применения. — «Все это верно и было бы осуществимо, говорили они, если бы крестьяне могли сговориться!» Так поможем же им сговориться! Будем пропагандировать наши идеи, распространять прокламации, облегчать сношение между деревнями, а в день революции пойдем сражаться с ними, за них. День этот гораздо ближе, чем это предполагают» [9].

Подчеркнем, что после революций 1917 года и раздела земли, П.А. Кропоткин отказался от политической борьбы и отправился дорабатывать свою политическую идеологию, признавая, что некоторые вопросы следует решить по иному. Ведь, справедливые крестьянские коммуны П.А. Кропоткина были основаны, в первую очередь, на «мистической» всеобщей взаимопомощи при будущем справедливом социальном строе.

Таким образом, подводя в конце данной статьи итоги, можно выделить следующие основные тезисы решения крестьянского вопроса в трудах русских мыслителей анархизма конца XIX – начала XX века: М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина:

- земля без выкупа отдается крестьянам-собственникам;
- создание полностью свободных крестьянских общин;
- уничтожение крестьянских хозяйств, использующих для обработки земли наемный труд;
- ставка на крестьянство, как на передовой революционный класс.

В заключение подчеркнем, что проблема передела земли и крестьянских хозяйств стала одной из причин распри между анархистами и большевиками после Октябрьской революции 1917 года. А споры по этим вопросам привели к массовым вооруженным выступлениям и стали значительной частью истории Гражданской войны.

Библиографический список.

1. Ленин В. И. «О народничестве». [Электронный ресурс] - <https://leninism.su/works/60-tom-22/2513-o-narodnichestve.html>
2. Матюхин А. В. Теория «хождения в народ» П. Л. Лаврова. // Концептуал. Сборник научных трудов кафедры Философии и истории. Московский финансово-промышленный университет «Синергия». – 2016. – С. 228-238.
3. Пирумова Н. М. Бакунин / Н. М. Пирумова // М.: ЖЗЛ., «Молодая гвардия», 1970. – 432с.
4. Социальная доктрина М. А. Бакунина. [Электронный ресурс] - <http://inufa.org/content/view/240/>
5. Бакунин М. А. Избранные сочинения. В 5 т. Т.3. Федерализм, социализм и антитеологизм. / М. А. Бакунин. – М.: «Голос труда», 1920. – 216 с.
6. Горявин А. Н. М. А. Бакунин о менталитет русского крестьянства. // Менталитет россиянина: история проблемы Материалы 17-й Всероссийской заочной научной конференции. - 2000. - С. 31-35.
7. Переписка Петра и Александра Кропоткиных. Том 2. 1862-1871. — М.-Л.: Academia, 1933. — 270 с.
8. Кропоткин П.А. Речи бунтовщика: Глава 12. Земельный вопрос. – [Электронный ресурс]. - <http://kropotkin.site/kropotkin-rechi-buntovshhika-zemelnyj-vopros>
9. Пьер Бенар. Кропоткин и Аграрный вопрос. [Электронный ресурс] - <http://kropotkin.site/kropotkin-i-agrarnyj-vopros>

УДК 338.22

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
Кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
И.В. Zubov
Россия, г. Воронеж, т. (473) 240-15-51;
e-mail: goscha.zuboff@yandex.ru
Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
курсант 4 курса факультета РЭБ В.С. Лимонов
Россия, г. Воронеж, т. (473) 240-15-51;
e-mail: goscha.zuboff@yandex.ru

Military Training and Scientific Center of the Air Force "Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarina" (Voronezh)
Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer,
Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines I.V. Zubov
Russia, Voronezh, t. (473) 240-15-51;
e-mail: goscha.zuboff@yandex.ru
Military Training and Scientific Center of the Air Force "Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarina" (Voronezh)
4-year cadet of the faculty of electronic warfare
V.S. Limonov
Russia, Voronezh, t. (473) 240-15-51;
e-mail: goscha.zuboff@yandex.ru

И.В. Zubov, V.S. Limonov

**К ВОПРОСУ ОБ ИНИЦИИРОВАННИИ ПРЕЗИДЕНТОМ ФРАНЦИИ ДЕ ГОЛЛЕМ
ДЕФОЛТА ДОЛЛАРА США В 1971 ГОДУ**

В настоящей статье рассмотрены события и факты, которые привели в 1971 году к отмене золотого содержания американской валюты (а по сути, к долларовому дефолту). Главной причиной этого события явилась политика действующего на тот момент президента Франции де Голля, который в 1965 г. первым в мире предъявил в казначейство США к обмену на золото 1,5 миллиарда долларов США (и такой обмен был произведен). Вслед за Францией это сделали и другие страны, что, в конце концов, привело в 1971 г. к отмене обеспечения американской валюты золотом.

Ключевые слова: Бреттон-Вудская система (БВС), система международных валютных расчетов, доллар США, золотое содержание доллара, тройская унция, рубль, золотое содержание рубля, ключевая валюта, Федеральная резервная система (ФРС), конвертируемая валюта.

I.V. Zubov, V.S. Limonov

**TO THE QUESTION OF THE PRESIDENT OF FRANCE INITIATED DEFOLIT OF THE
US DOLLAR IN 1971**

This article discusses the events and facts that led in 1971 to the abolition of the gold content of the American currency (and, in fact, to dollar default). The main reason for this event was the policy of the then incumbent French President de Gaulle, who in 1965 was the first in the world to present to the US Treasury for exchange for gold 1.5 billion US dollars (and such an exchange was made). Following France, other countries did it, which, in the end, led in 1971 to the abolition of gold supply to the American currency.

Key words: Bretton Woods system (BVS), international currency settlement system, US dollar, gold dollar, troy ounce, ruble, gold ruble, key currency, Federal Reserve System (FED), convertible currency.

В течение всей Второй мировой войны страны, входящие в состав антигитлеровской коалиции (СССР, Франция, Великобритания и другие государства) использовали материальную помощь США (ленд-лиз) для обеспечения своего военного производства, поставок военной техники, транспорта, оборудования, сырья, продуктов питания и т.п., при этом они расплачивались за это золотом, так как в условиях ведения военных действий бумажные деньги просто обесценивались. В итоге к концу войны, золотые запасы этих стран были в основном исчерпаны, а объемы золота в США постоянно увеличивались:

- 1938 г. - 13 000 т;

- 1945 г. - 17 700 т;

- 1949 г. - 21 800 т (приблизительно 70 % всех запасов золота в мире) [1].

Американские банкиры использовали это обстоятельство для отмены, действовавшей на тот момент мировой системы взаиморасчетов между государствами в соответствии с которой, государства участники при совершении сделок устанавливали фиксированный обменный курс своих валют на основе соотношения этих валют к единице массы золота (т.е. золотому стандарту). Летом 1944 года на территории США (в г. Бреттон-Вудсе) было организовано проведение международной конференции с участием 44 государств, на которой была основана система международных расчетов, которая устанавливала превосходство доллара перед другими валютами (Бреттон-Вудская система, далее БВС). Участники БВС договорились, что в процессе торговли будут рассчитываться друг с другом не золотом, а американской валютой. Для этого все страны-участницы БВС должны в дальнейшем свою валюту обменивать (по твердому установленному курсу) на доллары США, которые, в свою очередь, гарантированно будут обеспечиваться золотом (т.е., в любой момент могут быть обменены по требованию страны их обладательницы на золото). Однако, главной (скрытой) целью создания БВС было взятие под контроль ряда частных банковских структур США (Федеральной резервной системы, далее ФРС) всей мировой валютной системы (этот план был задуман еще в конце XIX века группой американских и английских банкиров). На конференции для этой цели выдвигались следующие аргументы. Раз практически все запасы золота и самое крупное промышленное производство сосредоточены в США, следовательно, Америка - это единственная в мире страна (передовая держава), которая может действительно гарантировать золотое обеспечение своей валюты. Следовательно, доллар США, должен составлять основу мировой экономики и играть роль ключевой и самой стабильной валюты, для которой не страшны никакие негативные финансовые явления (инфляция и экономические кризисы). Другие же валюты, необеспеченные золотом, должны иметь в основном долларовое содержание. В результате создания БВС доллар США стал эквивалентен золоту, при этом доллары США могли свободно обмениваться на золото, но по строго фиксированному обменному курсу (35 долларов за одну тройскую унцию (31,1 грамма), или 1,1 доллара за один грамм).

Однако БВС соглашение привело к появлению ряда проблем для ее участников, главная из которых получила название «Дилеммы (парадокса) Триффина», суть которой заключается в существовании двух противоречий:

- во-первых, количество наличности должно строго соответствовать объему золотого запаса (чрезмерная денежная эмиссия подрывает принцип обратимости бумажных денег в золото, а это, в свою очередь, вызовет кризис доверия к доллару США);

- во-вторых, ключевая валюта должна эмитироваться в объеме, достаточном для обеспечения не только торговли внутри США, но и для обеспечения международной торговли и валют других стран участников БВС. Следовательно, эмиссия ключевой валюты должна быть больше объема золотого запаса США.

Несмотря на это обстоятельство БВС было принято и реализовано. В результате мерилем богатства вместо золота стала американская валюта, которая получила огромное преимущество перед валютами других государств (теперь США могли не зарабатывать деньги, а просто их печатать в любом количестве, т.е. жить за счет других государств).

В дальнейшем, эмиссия ничем не обеспеченной денежной массы, заставила США искать способы, которые бы ограничивали бы обмен американской валюты на золото (обмен допускался на уровне государств и только в казначействе США).

Необходимо отметить, что СССР не принимал участия в БВС, что имело определенные последствия:

- рубль не был конвертируемым (не мог свободно обмениваться на доллары, так его обменный курс по отношению к доллару не был установлен);

- за все международные поставки (от стран, участников БВС) СССР не мог расплачиваться рублями, а рассчитывался только золотом.

Для государства, которое победило фашизм и понесло при этом самые тяжелые потери (в населении, промышленности, инфраструктуре и ресурсах), создание БВС было унижительно и противоречило планам послевоенного восстановления и развития страны. Поэтому руководство СССР предприняло ответные шаги:

- в марте 1950 г. произошло повышение курса рубля, но не по отношению к доллару США (так было установлено ранее в июле 1937 г.), а по отношению к золоту. Один рубль был обеспечен 0.222168 г золота (при стоимости золота 4 рублей 45 копеек за один грамм). Это всерьез насторожило финансовые круги США;

- в апреле 1952 г. в Москве было организовано проведение международного экономического совещания, (главные участники: СССР, страны Восточной Европы и Китай). Необходимо отметить, что в этом совещании также приняли участие ряд государств, не входящих в состав стран социалистического лагеря (например, Финляндия, Австрия, Швеция, Ирландия, Исландия, Аргентина, Мексика, Иран, Эфиопия, Уругвай и др.). Всего 49 государств. На этом форуме Сталин предложил создать «общий рынок» с единой межгосударственной валютой, курс которой был бы привязан не к американской валюте, а к золоту (данное предложение Сталина И.В. вызвало настоящую панику на Уолл-стрит) [2] [3]. Смерть Сталина не позволила довести идею до логического завершения (Хрущев Н.С. настолько ненавидел Сталина, что прекратил все его начинания).

Продолжателем дела Сталина И.В. стал французский президент Шарль Андре Жозеф Мари де Голль (избирался президентом Франции два раза: в 1958 г. и в 1965 г.; далее де Голль).

В феврале 1965 г. де Голль сделал заявление во время пресс-конференции в Елисейском дворце, которое можно было считать объявлением войны американской валюте. Де Голль призвал все страны вернуться в международных расчетах к системе золотого стандарта (т.е. к системе, в которой золотой металл является всеобщим эквивалентом и лежит непосредственно в основе денежного обращения). После чего, французский президент обратился к действующему американскому президенту Л. Джонсону с требованием обменять на золото всю долларовую наличность (полтора миллиарда долларов США), находящуюся в государственном резерве Французской Республики. С этой целью он отправил в США 2 судна, нагруженные долларовыми банкнотами (первое судно перевозило 750 миллионов долларовой наличности, которые чуть позднее были предъявленные к обмену на золото в ФРС США). Этот первый долларовый транш был обменян на 825 т золота (по установленному твердому курсу: за один доллар - 1,1 грамма золота). В это же время, в пути находился второй корабль с аналогичным содержанием на борту. Это уменьшило золотой запас США на 1650 т. Золотой же запас Франции в период с 1949 г. по 1965 г. увеличился с 0,5 т до 4200 т, после чего Франция заняла третье место в мире по запасам золота (однако эти данные не учитывали объем золотого запаса СССР, так как сведения об этом были рассекречены только в 1991 г.).

Кроме стремления к финансовой независимости Франция предприняла ряд шагов по приобретению политической и военной независимости от США:

- в феврале 1960 г. Франция стала ядерной державой (первое испытание атомной бомбы было осуществлено на территории Алжира);

- в январе 1963 г. Франция вывела свои ядерные силы из состава объединенных ядерных сил НАТО;

- в январе 1963 г. французский атлантический флот был выведен из-под командования НАТО;

- в период с февраля 1966 по апрель 1967 г. Франция вышла из НАТО, удалила со своей территории 29 американских военных баз, 33 тысяч натовских военных и штаб-квартиру НАТО (в Бельгию, г. Брюссель). За всем этим стоял де Голль [3].

Необходимо отметить, что решению де Голля об обмене долларовой наличности на золото предшествовали три обстоятельства:

- разговор с Ж. Кайо (бывшим министром финансов Франции), который рассказал де Голлю анекдот о том, как на одном Парижском аукционе продавалась уникальная картина Рафаэля. В борьбе за ее приобретение столкнулись араб, русский и американец. Араб предложил рассчитаться за нее нефтью, русский - золотом, выиграл аукцион американец, купив шедевр за 10 тысяч долларов. При этом реальная стоимость картины (по словам Кайо), составила всего лишь 3 доллара, так как себестоимость одной стодолларовой банкноты равна 3 центам (стоимость бумаги на которой она напечатана);

- понимание того, что США может бесконтрольно печатать доллары в любом количестве сверх их обеспечения золотом, по сути, превращая деньги в «зеленые фантики» и скупать на них природные ресурсы, недвижимое имущество, производство, произведения и иные ценности во всем мире, для приобретения которых все остальные должны реально трудиться (кто-то работает не покладая рук, а кто-то просто печатает зеленые бумажки и присваивает себе с их помощью результаты чужого труда);

- ознакомление с информацией, изложенной в докладе Р. Триффена и Ж. Рюэффа (известных французских экономистов), в соответствии с которой участие Франции в так называемом «Золотом пуле» (международной структуре, в состав которой входил Нью-Йоркский банк ФРС, а также центральные банки ряда западноевропейских государств, включая Францию) являлось для Франции убыточным. Исходя из оценки экспертов, ущерб от деятельности «Золотого пула», причиненный странам западной Европы, входящим в его состав составил более 3 миллиарда долларов [4].

Успешная операция Франции по обмену долларовой наличности на золото привели к тому, что и другие страны, участники БВС приняли решение об обмене долларовой наличности на золото (немцы, канадцы, японцы). В ответ на это в марте 1968 г. США были вынуждены вначале ввести ряд ограничений на свободный обмен американской валюты на золото. В июле 1971 г. золотой запас США понизился до минимального уровня (меньше 10 миллиардов долларов), что вынудило президента США Р. Никсона в августе 1971 г. отменить золотое обеспечение доллара США (это событие вошло в историю как «Никсон-шок»). Америка стояла на пороге глобального экономического кризиса.

Необходимо также отметить, что Америка от событий 1965 г. – 1971 г. до конца не оправилась и до сих пор. Да Америка и сейчас является рекордсменом по мировым запасам золота - 8130 т (к примеру, Германия на втором месте - 3670 т, Россия на шестом месте - 2070 т), но до восстановления того запаса, которым она располагала в 1949 г., сейчас очень далеко [5].

Вместо БВС в период с 1976 г. по 1978 г. возникла так называемая «Ямайская валютная система», действующая и сейчас [1].

Несмотря на все усилия, де Голль не добился введения в мировой торговле системы золотой стандарта. Хотя доллар США и сейчас не подкреплен золотом, он как бы по инерции, продолжает играть роль основной ключевой мировой валюты, по сути, заменив золото в качестве всеобщего эквивалента (особенно это наглядно видно на примере купли-продажи энергоресурсов, которые можно приобрести только за доллары США).

Какие же факторы это обеспечивают:

- количественный и качественный состав американских вооружённых сил;

- наличие военных объектов США на территории 46 стран мира (222 военные базы);

- наличие ядерного оружия и современных средств его доставки.

После своего экономического «Аустерлица» (так сам де Голль назвал процесс дедолларизации Франции) де Голль не сумел долго удержаться у власти. По всей видимости, не без помощи США (ЦРУ) во Франции в мае 1968 г. начались массовые выступления студентов, которые сопровождались погромами и строительством баррикад. Через несколько дней к ним присоединились профсоюзы, объявившие бессрочную забастовку. Теперь все митингующие (студенты, рабочие и служащие) выдвинули уже экономические и политические требования, включая требование об уходе де Голля в отставку (что напоминает сценарий современных «оранжевых революций»). В конце концов, под давлением этих обстоятельств де Голль добровольно сложил с себя президентские полномочия, а спустя непродолжительное время (9.11.1970 г.) умер «от разрыва аорты».

Необходимо также отметить, что в 1971 г., США неожиданно для всех объявили о начале политики поддержки «двух Китаев» (до этого момента США признавали только один «тайваньский Китай») [6, С. 126]. Данная политика была напрямую связана с гибелью золотого содержания доллара (США не имели золота, чтобы продолжить его обмен на доллары). Нужна была страна, которая бы согласилась работать за зеленую бумагу, и такая страна нашлась. Ею стал материковый Китай. Инвестирование доллара в экономику Китая явилось спасением для США, и в тоже время открыло возможности для высоких темпов научно-экономического развития самого Китая.

Попытка де Голля вернуться к системе золотого стандарта была не забыта. Эту тему вновь, особенно в последнее время, подняло руководство современной России, в политике которого наблюдается устойчивая тенденция к освобождению от долларовой ига (например, ежегодное сокращение вложений в американские облигации и валюту), а также переход на международную торговлю национальных валютах (например, с Китаем, Индией, Турцией), кроме того, сейчас более 70 % расчетов между странами ЕвразЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия) производится в рублях [7].

Библиографический список

1. Как генерал де Голль американцам доллары возвращал // URL:<https://ru.wikipedia.org><http://www.sportdiplom.ru/abstract/> (дата обращения 12.09.2019).
2. История о том, как Шарль де Голль доллар с небес на землю опустил // URL:<https://www.orator.ru/> (дата обращения 12.09.2019).
3. **Большаков В.** Генерал де Голль против американского доллара / В. Большаков // URL:https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii (дата обращения 12.09.2019).
4. Как генерал де Голль победил Америку // URL: <https://pikabu.ru/story/> (дата обращения 12.09.2019).
5. Запасы золота по странам мира на 2019 г. // URL: <https://cryptoprognoz.ru/> (дата обращения 25.09.2019).
6. **Стариков Н.В.** Шерше ля нефть. / Н.В. Стариков – СПб. : Лидер, 2010 – 272 с. : ил.
7. Путин рассказал о превращении доллара в инструмент политической борьбы США // URL: <https://www.gazeta.ru/> (дата обращения 02.10.2019).

УДК 130.2

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

(г. Воронеж)

Кандидат философских наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

С.И. Иванова

Россия, г. Воронеж, тел. +79065878175

e-mail: isvetlanai@inbox.ru

Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy»

(Voronezh)

Ph.D. in Philosophy, Educator of Humanitarian and Social and Economic Disciplines Chair

S.I. Ivanova

Russia, Voronezh, tel. +79065878175

e-mail: isvetlanai@inbox.ru

С.И. Иванова

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ: К ИСТОРИИ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена анализу формирования этнических стереотипов через восприятие поляков в русской культуре. Формирование стереотипного образа поляка было связано с конфессиональными различиями между народами и отражало историческую ситуацию противостояния России и Польши, связанную с решением геополитических вопросов.

Ключевые слова: этнические стереотипы, национальная идентичность, Россия, Польша.

S.I. Ivanova

ETHNIC STEREOTYPES: TO HISTORY OF THE RUSSIAN-POLISH RELATIONS

The article is devoted to the analysis of the formation of ethnic stereotypes through the perception of Poles in Russian culture. The formation of a stereotypical image of the Polish was connected with confessional differences between peoples and reflected the historical situation of confrontation between Russia and Poland related to the solution of geopolitical issues.

Key words: ethnic stereotypes, national identity, Russia, Poland.

В мировой истории существуют различные примеры взаимодействия между народами от всестороннего сотрудничества до вооруженного конфликта. Межэтнические отношения в большей степени зависят от восприятия действительности, чем от самой действительности. Определяющим в межнациональном взаимодействии является национальное самосознание – определенная система теоретических взглядов, установок, стереотипов, ценностных ориентаций и норм, на основании которых формируются образы собственного и других народов.

Понятие «социальный стереотип» было сформулировано У. Липпманом как определенный способ адаптации человека к ситуациям, повторяющимся множество раз. В процессе своей деятельности человек ищет устойчивые образы, формы, шаблоны, которые помогли бы ему объединить, упорядочить, систематизировать накопленный опыт. Социальный стереотип формируется в процессе совместной, устойчивой, повторяющейся деятельности людей и выражается в нормах поведения, традициях, правилах, предписаниях.

Стереотип выражает типичное, закрепленное в поступках и сознании человека отношение к различным процессам и явлениям социальной жизни, к социальным общностям и отдельным людям. Стереотипы накапливают предшествующий опыт, как отдельного индивида, так и социальных групп, сформировавшийся под влиянием социально-исторических условий, различных компонентов социальной среды в определенную систему отношений к соответствующему объекту [1.С.106].

Стереотипы характеризуют развитие сознания на разных уровнях его проявления. С точки зрения социологии можно выделить следующие виды социальных стереотипов: политические, национальные, этнические, экономические, гендерные, возрастные, профессиональные, статусные и др.

Этнические стереотипы представляют собой устойчивые образы, представления о моральных интеллектуальных, физических характеристиках представителей той или иной этнической группы. Их основное содержание выражается в эмоционально-оценочном отношении к различным этническим группам, определяющим последующие поведенческие механизмы в межэтническом общении. Кроме того данные образования имеют большое значение при интерпретации межнационального взаимодействия. Исходя из содержания образа той или иной этнической группы, утверждаются способы самосохранения, защиты и воспроизводства традиций, определяются границы собственного пространства, вырабатывается стратегии поведения во взаимодействии с другими социальными группами.

Этнические установки не бывают нейтральными, а делятся в зависимости от эмоционального окраса на позитивные и негативные. Часто этнические установки характеризуются некритичностью, ограниченностью, предвзятостью. Как правило, данные стереотипы формируются исходя из ограниченной информации об отдельных представителях национальности, но распространяются на всю этническую группу.

В структуре этнических стереотипов различают устойчивое ядро – совокупность представлений о внешнем облике представителей данного этноса, его историческом прошлом, особенностях образа жизни. Однако можно выделить ряд изменчивых суждений, которые формируются относительно коммуникативных и моральных качеств данного народа. Изменчивость данных характеристик всегда зависит от характера взаимодействия с другой культурой, другим народом.

Этнические стереотипы, как правило, формируются в детстве под влиянием авторитетных для ребенка людей (родителей, учителей). Определенную роль играет опыт исторического прошлого, где зачастую выводы строятся на основе неполного владения информацией. Если профессиональные, статусные, экономические, гендерные стереотипы могут быть сформированы в процессе социализации, в результате межличностного взаимодействия, то этнические стереотипы являются продуктом внешнего воздействия, влияния идеологии и политики. По утверждению представителя конструктивистского направления в изучении национализма Э. Гелнера, «нации делает человек» и их возникновение является результатом определенных идеологических воззрений интеллектуальной элиты [2.С.35].

Часто сами этнические стереотипы формируют базу для этнических предубеждений и могут быть использованы для теоретического подкрепления национализма. В основе многих межэтнических конфликтов кроется умелое манипулирование поверхностными представлениями людей. Нередко национальные стереотипы создаются сознательно и становятся психологическим фактором формирования этнических предрассудков и предубеждений, межнациональной розни и вражды.

Исследователи выделяют два вида стереотипов: образ «мы» или автостереотипы, то есть система образов своей этнической общности, которые формируются на основании соотнесения гетеростереотипами - представлениями о «других». Формирование этнических стереотипов связано с определенным уровнем этнической идентичности, то есть с самоидентификацией, с формированием представлений о своем национальном характере, психическом складе, темпераменте типичного представителя общности, отнесением себя к

определенной этнической группе, государственной общности [3.С.62-63]. В то же время, самоидентификация предусматривает наличие образа «другого», «чужого». Стараясь понять себя, человек не может не видеть «другого». Отношение к «другому» помогает опознать «себя», свой статус, свою роль. Также и культура способна раскрыться во всей полноте только в глазах «другой» культуры. Большую роль в формировании отношений противопоставления сыграло близкое соседство народов. Соседство не только сближает, но и отталкивает, так как «культурно-исторически дифференцированные, а поэтому часто не совпадающие интересы соседей, их образ жизни, воззрения, быт, нравы и сам внешний облик - неизбежные предпосылки, как взаиморасположения, так и взаимоотторжения» [4.С.362].

Взаимоотношения русских и поляков подтверждают эту закономерность. Географическая близость народов, при этом различия политических интересов, государственного устройства, конфессиональная отчужденность, порождали существенные различия в национальных культурах, формируя противопоставление «свой» - «чужой» на протяжении всей истории русско-польских отношений.

Создание стереотипного образа поляка связано с конфессиональными различиями между народами, отражая историческую ситуацию противостояния «своей», православной религии и «чужой», католической, а так же претензии России на роль духовного центра в славянском мире. «Повесть временных лет», древнерусская летопись XII века, рисует в целом негативный образ поляков, делая акцент на отрицании «чужой» веры. С долей иронии автор «Повести» описывает польского короля Болеслава Великого во время его похода на Русь: «Проткнем тебе колом брюхо твое толстое». Ибо был Болеслав велик и тяжек, так что и на коне не мог сидеть...» [5.С.157]. На первый план в изображении поляков выходят их религиозные отличия. Они ассоциировались с безбожниками, для которых не свойственно было почитание церкви, которые убивали во время мятежа своих «епископов и попов». В литературе этого периода встречается даже упоминание о «бесе», который предстал в образе «ляха» в видениях монаха Киево-Печерского монастыря [5.С.165,302].

В исторических памятниках Руси XVI-XVII вв., периода Смутного времени, таких как «Сказание» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына, продолжает преобладать образ поляков - врагов христианства, накинувших ярмо на православный народ, неволящих русскую веру. Упоминание о них сопровождалось красноречивыми эпитетами, такими как «антихристовы проповедники», «богоборцы», «прегордые змеи», «демоны». Причину вмешательства поляков в русские дела троицкий келарь связывает с деятельностью римского папы: «змий погубный, возгнездившийся в костеле Италийским», который еще со времен крещения Руси пытается навязать ей ложное учение. Причины Смуты Палицын видит в очередной попытке этого [6.С.110,114]. Особенно возмущало автора поругание поляками православных святынь. В связи с этим, войну с иноверцами оправдывало даже православное духовенство. Помимо общей отрицательной оценки поляков, Авраамий выделяет такие негативные качества поляков как гордость и «лукавство», приводит примеры их коварства. В частности, келарь подробно рассказывает о попытках поляков с помощью лести захватить Троице-Сергиев монастырь, подчеркивая, что этот обычный способ действия поляков «змеиными лестями многие грады погубившие» не увенчался успехом в этот раз [6.С.180-181]. То есть можно говорить о том, что неприязнь поляки вызывают как иноверцы-еретики, а не как представители другой народности [7.С.33].

В основе взаимного восприятия русских и поляков лежали различные аксиологические основания и представления об уровне развитости и цивилизованности другой стороны. Дворянской демократии, царившей в Польше XVI-XVII вв., которая определяла пути внутреннего развития и внешней политики государства, а так же европейскому гуманизму, к которому тяготела и приобщалась Польша этой эпохи, противопоставлялась жестокая самодержавная тирания Московии. Потому для Польши долгое время был характерен презрительный высокомерный взгляд на Московскую Русь как на варварского полумифического восточного соседа. Несмотря на меняющуюся ситуацию в Речи Посполитой и растущее могущество Московского княжества, Польша, признавая себя

носителем более развитой европейской культуры, форпостом христианства на Востоке, оправдывала свой поход на Москву, видя в этом лишь культурную миссию цивилизованного европейского народа в стране варваров. По словам польского историка Казимира Валишевского: «В оправдание Польши надлежит принимать в соображение то обстоятельство, что Московия семнадцатого века считалась здесь страной дикой и, следовательно, открытой для таких предприятий насильственного поселения против воли туземцев; этот обычай сохранился еще в европейских нравах, и частный почин если и не получал более или менее официальной поддержки заинтересованных правительств, всегда пользовался широкой снисходительностью» [8.С.144]. В свою очередь русские аналогично рассуждали о «польском варварстве», о беззаконии и государственной дезорганизации в Речь Посполитой. Русский историк Н.И. Костомаров, в целом положительно оценивая политическое устройство шляхетской республики, которое *«не хуже было устройства других стран, а выработку свободных форм стояло выше многих»*, подчеркивает «умственные» и «нравственные» качества поляков, делающие их «не способными к самостоятельной государственной жизни» [9.С.25-26].

С вхождением Польши в состав Российской империи общение русских и поляков стало более тесным. Однако отношения к полякам в этот период были далеко неоднозначны. С одной стороны, трагическая судьба польского народа вызывала сочувствие к национально-освободительной борьбе поляков и признание вины за причастность к разделам Польши. Многие жители русских провинциальных городов благосклонно смотрели на поляков, принудительно высланных после восстания 1831 г. Они выступали носителями европейской культуры, либеральных политических воззрений в российской провинции. Особенно теплым было отношение к ссыльным полякам, овладевшим профессиями учителя или врача [10.С. 40-41]. С другой стороны, после польских восстаний, особенно выступления 1863-1864 гг., восприятие Польши русской общественностью заметно усложнилось. Жестокость польских мятежников не только по отношению к солдатам и офицерам русской армии, но и к русскому населению, проживающему в охваченных восстанием областях, а также необоснованные притязания поляков на восстановление «Великой Польши от моря до моря», изменили мнение о Польше, повлекли за собой ее осуждение со стороны общественного мнения. Только революционеры, надеявшиеся на союз с польским освободительным движением в борьбе с царизмом, оставались лояльными в отношении поляков.

Вхождение народа со сложившимися собственными особенностями государственного существования с развитой социальной структурой, самобытными культурными традициями потребовало существенной корректировки в определении геополитического пространства самой Российской империи и актуализировало процесс формирования этностереотипов. Основной задачей русского правительства стала всеобъемлющая интеграция бывших земель Речи Посполитой в единый имперский организм, а так же идеологическое переосмысление образа поляка в общественном сознании. То есть предстояло осуществить превращение «поляков-врагов» в «поляков-верноподданных» русскому государю. В связи с этим встала необходимость изменения этнического стереотипа, воплощенного в оппозиции «мы-другие», в «мы-свои» (внутреннего «своего»). Осуществить эти задачи было чрезвычайно сложно, так как поляки не желали «сливаться» с великим славянским братом и принимать чужие условия жизни.

Ожесточенная борьба поляков за свою независимость, в восстаниях 1830-1831 гг. и особенно в 1863-1864 гг., привела к кризису русского национального самосознания. Находясь внутри Российской империи, поляки, славяне по этнической природе, не разделяли с русским народом истинно славянской православной веры, а стремлением к независимости, наносили удар по идеи панславистского единства. Потеряв политическую независимость, поляки, тем не менее, создают свой собственный проект национальной идентичности, который, по сути, являлся вызовом русскому имперскому проекту (восставшие поляки требовали восстановления польского государства в границах 1772 года, претендуя на территории Западного края, которые Россия считала своими «исконными землями»). Под

влиянием польских восстаний происходит переосмысление образа поляка в русском национальном сознании: из категории внутренних «своих», он перешел в категорию внутренних «других», позитивная идентификация в отношении поляков, направленная на сохранение целостности этнокультурного организма Российской империи, приобрела негативный характер, был создан образ «чужой» Польши, антагонистичный и враждебный России.

Стереотип поляков в национальных концепциях русских мыслителей был достаточно противоречивым, с одной стороны, он рассматривался как составная часть славянского мира (в пользу этого говорили этнические характеристики, такие как кровь, обычаи, язык и т.д.), но, с другой стороны, он нередко сливался с образом Запада (католическая Польша воспринималась как часть западного латинского мира). Примером может являться концепция славянофилов этого периода (И.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин), которые выделяли в качестве критериев национальной принадлежности как признаки природного свойства (кровное родство, единство расы, сходство языка и обычаев), так и признаки духовного содержания (душевные и нравственные качества племени, его религиозные и нравственные идеалы). Причем духовные характеристики в их представлении стояли выше физических. Поэтому Польша, славянская по крови, но католическая по духу, признавалась частью западного, латинского культурного мира в целом враждебного славянству. Именно «изменою ее славянским началам» славянофилы объясняли все превратности судьбы польского народа: внутреннее разложение польского общества, отсутствие народной культуры, угнетение православного населения западного края и даже политическую гибель польского государства. «Возрождение» Польши славянофилы связывали исключительно с ее возвратом в лоно православной церкви.

Образы «другого» не всегда совпадают с объективной реальностью, а часто противоречат ей, формируясь под влиянием идеологических, политических потребностей общества. Так произошло с формированием негативного образа поляков в Российской Империи. По мнению С.М. Фалькович, именно «политический фактор играл огромную роль в процессе формирования национального стереотипа поляка в сознании русских» [11.С.192]. Подобная идея дает возможность рассматривать распространение антипольских настроений в Российской Империи как управляемый и направляемый процесс. Имперская идеология создавала полонофобские стереотипы, путем перевертывания полонофильских. Отрицательный культурный образ поляка формировался через искусственное сгущение в нем «отталкивающих черт инакости и чуждости», а также акцента на ложный блеск, искусственность и обманчивость польского превосходства [12]. Так, образ поляка - рыцаря превращался из олицетворения благородства и храбрости в пережиток средневековой древности. Их высокая образованность замыкалась в пределах средневековой схоластики. А восстание рассматривалось как нелепый рыцарский турнир в эпоху Великих реформ в России [13]. Неполноценность поляков связывалась официальной идеологией с отсутствием у шляхты опоры на народную почву. Создание системы национальных противовесов и политика, направленная на внутреннюю стабилизацию в Российской империи, требовала опоры на реальную силу в Западном крае. Необходимая основа имперского влияния виделась в местном восточнославянском крестьянском населении. Крестьянство «кресов» искусственно наделялось чисто славянскими чертами, несмотря на их католическое вероисповедание, что делало их ближе к русским, нежели к полякам. В связи с этим подчеркивалась ущербность Польши, ее «беспочвенность», отсутствие опоры на народную основу, а, следовательно, отсутствие каких бы то ни было исторических перспектив не только в славянском, но и в европейском будущем [14.С.42-43].

Достаточно распространена в сознании русского населения была ассоциация поляков с нигилистическим, крамольным воплощением. С поляками связывались любые проявления экстремизма в стране. Формирование подобных представлений определялись обращением поляков к террору во время восстаний: ряд покушений на заместников в Варшаве, в числе которых был брат царя Константин Николаевич. Поэтому «привычка ко всему припутывать

поляков, таким образом, укоренилась на столько, что ее можно считать одной из особенностей политического менталитета русского общества» [15.С.147]. В частности с деятельностью поляков русское общественное мнение связывало попытки покушения на императора Александра II, с трудом веря, что Д. Каракозов - не поляк.

Таким образом, на протяжении веков русско-польского взаимодействия в русском культурном сознании сформировались различные стереотипные образы поляков. Несмотря на тесную связь Польши с русской историей и культурой, все представления о Польше подчинены одной определенной закономерности, а именно, отношению к ней как к стране с «другой» историей, «другой» культурой. Какой бы не представлялась Польша, она неизменно рассматривалась как часть Европы, ближайший, но западный сосед, представляющая собой один из «специфических сюжетов мифа Европы в целом» [16.С.6]. Противопоставление Польше, ее европейской культуре, не только способствовало пониманию себя, самоидентификации, но и распространению в общественном сознании мысли об особом, отличном от Европы пути развития России.

Библиографический список

1. Шестопалова О. Н. Типология социальных стереотипов / О.Н. Шестопалова // Известия УГУ.- 2007. - № 51. - С. 106-110
2. Геллнер Э. Нации и национализм. - М.: Прогресс, 1991. - 320 с.
3. Сикевич З. В. Русские: «образ» народа / З. В. Сикевич - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. - 152 с.
4. Липатов А. В. Стереотипы национального восприятия: специфика национальной истории, особенности национальной культуры и адекватная оптика научного рассмотрения / А. В. Липатов // Studia polonica : [сб. ст.] : К 70-летию В. А. Хорева / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; отв. ред. В. К. Волков. – М. : Индрик, 2002. – С. 361-371.
5. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы, XI – начало XII века / вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. — М. : Худож. лит., 1978. — С. 23–179.
6. Сказания Авраамия Палицына. - М.- Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. - 346 с.
7. Флоря Б. Н. К изучению образа поляка в памятниках Смутного времени / Б. Н. Флоря // Россия - Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. - М.:Индрик, 2002. - С. 27-33.
8. Валишевский К. Смутное время. Репринтное воспроизведение издания 1911 года / К. Валишевский. - М.: СП «ИКПА», 1989. - 434 с.,
9. Костомаров Н. И. Историческая монография / Н. И. Костомаров – 2-е изд. СПб. : типография Ф. Сушинского, 1870. – 870 с.
10. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX века) / Л. Е. Горизонтов. - М.:Индрик, 1999. - 272 с.
11. Фалькович С. М. Влияние культурного и политического факторов на формирование в русском обществе представлений о Польше и поляках / С. М. Фалькович // Культурные связи России и Польши XI-XX вв. - М.: УРСС, 1998. - С.190-203.
12. Долбилов М. Д. Полонофобия и русификация Северо-Западного края (1860-е гг.): метаморфозы этностереотипов / М. Д. Долбилов. - [Электронный ресурс] – URL: <http://timeandspace.lviv.ua/library/dolbilov-rusifikacija450757a84ee5/doc> (22.01.2019).
13. Сливовская В., Сливовский Р. Герцен, поляки и польский вопрос / В. Сливовская, Р. Сливовский. - [Электронный ресурс] – URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cmr_0008-0160_1987_num_28_2_2108 (08.02.2019).
15. Горизонтов Л. Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов / Л. Е. Горизонтов // Славяноведение. - 2004. - №1. - С.39-48.
13. Горизонтов Л. Е. Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе «разрушительных сил» / Л. Е. Горизонтов // Автопортрет славянина / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения; редкол.: Л. А. Софронова, Т. И. Чепелевская. - М. : Индрик, 1999. С. 143–168.
16. Хорев В.А. Русский Европеизм и Польша / В. А. Хорев // Славяноведение. - 2004. №1. С.5-28.

УДК 329.1

*Воронежский государственный университет
Доктор исторических наук, доцент кафедры
регионоведения и экономики зарубежных стран
М.В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж, тел. 89805447525
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
Dr. Hab. in History, Associate Professor of Chair of
Regional Studies and Foreign Countries Economies
Maksym W. Kyrchanoff
Russia, Voronezh, tel. 89805447525
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

M.V. Kirchanov

**CRITICISM OF "BOURGEOIS NATIONALISM" AS "GRAND NARRATIVE" OF
SOVIET HISTORIOGRAPHY AND "UNKNOWN" INTELLECTUAL SOURCES OF
MODERNISM IN NATIONALISM STUDIES AND MEMORIAL CULTURES**

The author analyzes the main directions, forms, intellectual tactics, practices and strategies for the formation of the concept of "bourgeois nationalism" in Soviet historiography, where historians were forced to take part in an ideologically and politically marked campaign against Ukrainian and Belarusian bourgeois nationalisms. The author analyzes how manifestations and forms of national identity and political loyalty were integrated into the official Soviet historiographical canon. It is shown how Soviet historians used the concept of "bourgeois nationalism" to form the images of the Other. The author also analyzes the features and ideological limitations of the Soviet historical policy of memory in the context of hypertrophied development in Soviet historiography of myths about Belarusian and Ukrainian "bourgeois nationalism" in the context of underdevelopment and deliberate ideologically motivated non-actualization of the factor of "Russian nationalism". Modernist approaches and attempts to explain the phenomena of nationalism, nations and national identities are among the most influential theories of modern humanities. Intellectual archeology and the cultural origins of modernist understandings of nationalism are among the little-studied problems in the international historiography of nationalism. The author analyzes the main attempts of Russian and Bulgarian nationalists, based on the consistent denial of Ukraine and Macedonia as ethnic nations and nation-states, to integrate Ukrainian and Macedonian narratives into Russian and Bulgarian political, cultural and intellectual discourses. Academic historians of nationalism decades later integrated these tactics and strategies into scientific approaches to the study of nationalism, preferring to ignore the politically labeled and ideologically predetermined origins and premises of their research apparatus.

Key words: bourgeois nationalism, large narrative, Soviet historiography, modernism, memorial culture.

М.В. Кирчанов

**КРИТИКА «БУРЖУАЗНОГО НАЦИОНАЛИЗМА» КАК «БОЛЬШОЙ НАРРАТИВ»
СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И «НЕИЗВЕСТНЫЕ» ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ
ИСТОЧНИКИ МОДЕРНИЗМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЦИОНАЛИЗМА
И МЕМОРИАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ**

Автор анализирует основные направления, формы, интеллектуальные тактики, практики и стратегии формирования концепта "буржуазный национализм" в советской историографии, где историки были вынуждены принимать участие в идеологически и политически маркированной кампании борьбы против украинского и белорусского буржуазных национализмов. Автор анализирует, как проявления и формы национальной идентичности и политической лояльности интегрировались в официальный советский историографический канон. Показано, как советские историки использовали концепт "буржуазный национализм" для формирования образов Другого. Также автор анализирует особенности и идеологические ограничения советской исторической политики памяти в контексте гипертрофированного развития в советской историографии мифов о белорусском и украинском "буржуазном национализме" в контексте неразвитости и осознанной идеологически мотивированной неактуализации фактора «русского национализма».

Модернистские подходы и попытки объяснения феноменов национализма, наций и национальных идентичностей принадлежат к числу наиболее влиятельных теорий современных гуманитарных наук.

Интеллектуальные археологии и культурные истоки модернистских пониманий национализма принадлежат к числу малоизученных проблем в международной историографии национализма. Автор анализирует основные попытки русских и болгарских националистов, основанные на последовательном отрицании Украины и Македонии как этнических наций и наций-государств, интегрировать украинские и македонские нарративы в русский и болгарский политические, культурные и интеллектуальные дискурсы. Академические историки национализма спустя несколько десятилетий интегрировали эти тактики и стратегии в научные подходы к исследованиям национализма, предпочтя проигнорировать политически маркированные и идеологически предопределенные истоки и предпосылки своего научно-исследовательского аппарата.

Ключевые слова: буржуазный национализм, большой нарратив, советская историография, модернизм, мемориальная культура.

Formulation of the problem. The history of Nationalism Studies is not very long in comparison with other fields of contemporary historiography. The first texts in the history of nationalism, which a few decades later gained a reputation of classical ones, were written after the First World War, but independent Nationalism Studies appeared in the 1960s and 1970s. Traditionally, modernist and primordialist approaches are defined as the most influential theories in of nationalism and nations. If we analyse the contemporary historiography of nationalism, the modernist or constructivist texts will form the majority of contemporary works in the history of nationalism and nations. The primordialist approach is popular among academic researchers of nationalism less than among true believing practising nationalists. Constructivism and modernism require an analysis of social, political, economic and cultural histories, relationships and institutions when primordialism emerged in holy faith in the nation, nationalists belong to. Primordialism is less attractive and objective, but it provides nations with the necessary historical and political successions in contrast to the modernist approaches that imagine and invent them as secondary results of progresses of nationalisms and modern constructs without historical roots.

Soviet power had complex relations with nationalism, the relations of communist ideology as the basis of the regime with nationalism were even more contradictory and dynamic. Bolshevism had the experience to use national contradictions when it got power in the former Russian Empire and the Bolsheviks were among those political forces that in the early 20th century proposed their program for solving the national question. The compromise between the Bolsheviks and the nationalists was temporary and in the second half of the 1930s, the cooperation was replaced by brutal confrontation and persecution of “bourgeois nationalists” who became victims of Soviet political repressions. The marginalisation of political and ethnic nationalism turned nationalism into a marginal hero of Soviet historiography and Soviet intellectuals began to criticise “bourgeois nationalists”. These critical attempts stimulated the formation and development of the concept of “bourgeois nationalism” as an ideological and invented tradition of Soviet historiography and political consciousness.

Between the values of the nation and principles of class. Relations between the Soviet regime and the nationalists never were normal and stable. The periods of cooperation alternated by open political and ideological confrontations and clashes of class interests with the values of the nation. Despite these contradictions, the ideologists of Bolshevism were rational enough to reach a compromise with local nationalists who represented the earlier oppressed groups of the former Russian Empire. The Sovietisation of Russia and national edges led to the emergence of a new imagined and invented political geography. The new nations and their new “states” were represented by the union and autonomous republics, based on the national principles. The reorganisation of the former Empire space became Bolshevik attempt to solve the national question and organise a modern state of nations where each ethnic group got its own segment in new political space. The compromise between the Soviet government and the national regions did not mean that nationalism as a political ideology became the heritage of history.

The Soviet regime had contradictory relationships with nationalism and the concept of “bourgeois nationalism” became an important integral element of Soviet political ideology and

mythology. Criticism of “bourgeois nationalism” entered the number of ritual duties of Soviet party officials and historians who regularly and tirelessly criticised and exposed the ideological provocations, poverty and powerlessness of “bourgeois nationalism”. Historians of each Soviet Union or autonomous republic exposed their bourgeois nationalists. Ukrainian SSR was the second economy of the USSR after the RSFSR, but Ukrainian “bourgeois nationalism” was the most criticised and exposed nationalism in Soviet political mythology. Other bourgeois nationalisms, including the Belarus nationalism, were criticised less than the Ukrainian one.

The purpose and objectives of the article. The purpose of this article is to analyse the main cultural strategies and practices Soviet intellectuals used when they criticised Ukrainian and Belarus “bourgeois nationalisms”. This article has several tasks including the study of general trends in the Soviet Nationalism Studies, analysis of their connections with Western Nationalism Studies; analysis of the place and role of criticism of nationalism in the Soviet culture of memory as an area where knowledge became a victim of political ideology.

Russian and Bulgarian origins of modernism and relapses of primordial nationalistic imagination. Russian and Bulgarian strategies of imagination and invention of Ukrainian and Macedonian “nations” in the context of their denial and non-recognition have much in common and anticipate modern academic modernism and constructivism in Nationalism Studies. Russian and Bulgarian critics and opponents of Ukrainian and Macedonian projects perceived these identities as recent political projects inspired by hostile countries. For example, Bulgarian nationalist intellectuals insisted that Macedonian nation and identity were results of the conscious policy of Serbian nationalists and the Yugoslav political leadership [4], when Russian nationalists believed that Ukrainian nation became a consequence of the anti-Russian policy of Austria-Hungary [53], which sought to weaken Russia and to separate its national regions and edges.

If the attempts of academic scholars of nationalism to find the historical origins of nations in the modern era became a form of the collective intellectuals’ faith in nations as new imagined communities and invented traditions, then the nationalistic rhetoric of Russian and Bulgarian authors, who anticipated later academic discourse, rooted in political and ideological phobias. Classical modernism insists that nationalism and nations became historically motivated phenomena which rooted in the economic triumph and rise of capitalism. Bulgarian and Russian nationalists as well as modernists correlated Macedonian and Ukrainian nationalisms with the development of capitalism, but they preferred to explain the genesis of alternative identities by anti-Russian and anti-Bulgarian intrigues and aspirations of the political elites of Austria-Hungary or Serbia [18; 34; 52; 56]. The historiographical supporters of modernism insist that states and nationalisms assist to the development of languages, their normalization and standardization. Russian and Bulgarian nationalists in their attempts to criticize Macedonian and Ukrainian opponents insisted also that Ukrainian and Macedonian languages, on the one hand, emerged as results of the malicious and deliberate normalization of folk dialects and became attempts to destroy the unity of the Russian and Bulgarian nations, separate Ukrainians and Macedonians from them and invent new “national” languages, that would be different from the Russian and Bulgarian [1;2;23].

On the other hand, Russian and Bulgarian nationalists consistently and strongly deny the existence of independent Ukrainian and Macedonian languages. These intellectual tactics actualize two mutually exclusive strategies of the imagination and invention of the nation simultaneously, including constructivism and primordialism. Denying the independent status of Ukrainian and Macedonian languages and their independent linguistic character, Russian and Bulgarian nationalists projected Russian and Bulgarian elements in these languages, invented them as dialects and imagined attempts to prove their independent status as hostile and alien acts simultaneously. If the theorists of modernism and constructivism in Nationalism Studies actively use the concepts of “imagination” and “invention”, then Bulgarian and Russian nationalists in their attempts to criticize Ukrainian and Macedonian projects used constructivist discourse in fact.

Critics and deniers of the independence of the Ukrainian and Macedonian nations, on the one hand, imagined and invented them consistently in other borders and integrated into the symbolic sacred body of the nation, they themselves belonged to. On the other hand, these

intellectual attempts to integrate Ukrainians and Macedonians into Russian and Bulgarian national identities actualized the primordialist preferences of nationalists because the history of geographical Ukraine and Macedonia were imagined by them as an integral part of ethnic Russian and Bulgarian histories [8;10;23;17;40;43]. The events of the political, social, economic and cultural history of Ukraine and Macedonia were consistently and decisively denationalized and imagined by Russian and Bulgarian nationalists as local forms and dimensions of Russian or Bulgarian historical processes [19; 20; 27]. Modern Russian and Bulgarian ethnicities and identities were projected by Russian and Bulgarian nationalists into the distant past and they imagined historical inhabitants of Macedonia and Ukraine as Bulgarians and Russians.

Russian and Bulgarian attempts to Russify and Bulgarize Ukrainians and Macedonians in this intellectual situation became forms of invention and imagination of identity, the forced export of Russian and Bulgarian identities into Ukrainian and Macedonian national contexts [38;39;45; 46]. Modernist theorists in Nationalism Studies presume that the connection of nationalism with ethnicity is historically coincidental, but Russian and Bulgarian critics of Ukrainian and Macedonian nationalisms anticipated this idea because they denied the national identities of the ideologists and theorists of Macedonian and Ukrainian nationalisms. They insisted that Mykhailo Hrushevs'kyi and Andrei Sheptyts'kyi or Slavko Janevski and Blaže Koneski were not true Ukrainians or Macedonians, but were national traitors who abandoned Russian or Bulgarian identity for the momentary politically mercenary benefits.

The nationalist discourse in the imagination and invention of Macedonia and Ukraine in Bulgarian and Russian nationalisms proved to be very stable. Ethnocentrism and nationalist myths dominate in Russian and Bulgarian historiography focused on the histories of Macedonia and Ukraine. If ethnocentrism and non-recognition of Ukrainian identity were masked in the Soviet era by international slogans and became popular in the nationalist Russian historiography of the post-Soviet era, the ethnocentric paradigm in imagination and invention of Macedonia, Macedonians and Macedonian history as parts of the Bulgarian historical, political, cultural and linguistic spaces was so stable and influential that dominated during period when the communists controlled the power and determined the main vectors and trajectories of the development of the Bulgarian identity [15; 30].

Bulgarian nationalism entered into symbiotic relationships with nationalism in sovietized Bulgaria after the Second World War when historiography became the sphere of dominance of nationalist collective ideas about Macedonia. The Russian and Bulgarian historiographies of Macedonia and Ukraine develop as strongholds of consistent primordialism and politically motivated interpretations of history. Russia and Bulgaria after the processes of political transitions and democratization begun, experienced several waves of nostalgic interest in nationalistic versions of histories of Macedonia and Ukraine. Nationalistic versions of these histories, imagined in Russian or Bulgarian centered systems of coordinates, became popular in Russia and Bulgaria again. The numerous texts of Russian and Bulgarian nationalists were republished in the 1990s and 2010s.

The nationalist understandings of Ukrainian history coexist with attempts of the academic analysis of Ukrainian nationalism in Russian historiography, on the one hand, and nation and identity, on the other hand, as its most important achievements and derivatives. The nationalistic and ethnocentric versions of Macedonian history, including understanding of Macedonian nationalism as Yugoslav anti-Bulgarian project, the imagination of Macedonian nation and identity as random anomalies inspired by the external enemies of Bulgaria, the invention of the Macedonians and Macedonian language as one of Bulgarian ethnographic groups and Bulgarian dialect, became dominant in Bulgarian historiography. The attempts of the modernist and constructivist history writing of Macedonia and Macedonian nationalism in Bulgarian historiography are extremely rare and most Bulgarian historians continue to cultivate and promote the narratives of their predecessors of the 19th century or the interwar period.

Therefore, historians involved in studies of Macedonian and Ukrainian histories in Bulgaria and Russia prefer to ignore several cultural and social turns in Western historiography and continue

to develop nationalist myths [9;31], clothed in the garbs of socio-economic and political histories. If other directions of Bulgarian and Russian historiographies were able to accept and assimilate the new methodological realities successfully, the nationalist historiographies of Macedonian and Ukrainian histories in Russia and Bulgaria continue to ignore the potential of modernist and constructivist approaches consistently. Therefore, the modernist attempts to write the history of Macedonia and Ukraine [24;26;33] are extremely rare and few in Ukrainian and Russian historiographies.

Did the USSR have its Nationalism Studies? Soviet criticism of “bourgeois nationalism” was a holy ideological duty only at first glance. The author presumes that Soviet intellectuals had significant historical chances to create their own schools of Nationalism Studies, which were genetically rooted in the ideas of Vladimir Lenin, Iosif Stalin and Lev Trotskii [28,47,48,49], but the marginalisation of Stalin and Trotskii, their demonisation in the Soviet historical and political memories turned Vladimir Lenin into the most cited expert in the problems of the national question, nationalism and national politics. Soviet historians periodically wrote texts focused on the problems of nationalism [14; 29]. The author presumes that the corpus of these texts can be divided into two groups.

Texts focused on nationalism in general, its ideological criticism form the first group. The texts of the second group were more numerous and their authors preferred to specialise in critics of bourgeois nationalisms of Union or autonomous republics. It can be understood as modernization of the history of the Soviet intellectual tradition, but the author presumes that it is possible to assume that Soviet texts on nationalism were a form of political science in the USSR [51] because criticism of “bourgeois nationalism” was within the first attempts to make Western theoretical approaches in Nationalism Studies available to Soviet readers in spite the fact that Soviet historians preferred to retell them and accompany these excursions with the necessary ideologically motivated criticisms. The texts, focused on criticism of bourgeois nationalists, played an instrumentalist role and became attempts to solve political and ideological tasks in the contexts of competition between Soviet projects of nations and identities and their non-communist alternatives.

Soviet critics of nationalism and “bourgeois” historiography. The interest of Soviet historians in nationalism was constant and stable, but they were never consistent, criticising and exposing the ideological errors and errors of “bourgeois nationalism”. Methodologically and theoretically, the Soviet historiography of nationalism belonged to the Marxist discourse in its Sovietized version. Tatar historian Dilyara Usmanova presumes that “the proclaimed denationalisation of history, the purposeful creation of the history of classes and class struggle, a rigid ideological press, total control, the denial of the historiographical legacy of the past... these factors made a priori impossible the further development of historical science and the creation of national history” [54]. Extreme politicisation was the main feature of Soviet historiography and Soviet historiographical production was ideologized and monopolised.

The formation of Soviet collective ideas about bourgeois nationalism was the result of the activity of a small group of absolutely loyal party historians who had access to sources that were inaccessible to other historians and Soviet citizens because they propagated the ideas of Ukrainian or Belarusian nationalism. Genetically Soviet texts on nationalism rooted in the ideas proposed by Vladimir Lenin and overlapped partly with the theoretical propositions of Iosif Stalin and Lev Trotskii, but in difference to Vladimir Lenin, these authors were ignored and not quoted by Soviet critics of nationalism. Soviet Nationalism Studies were deeply ideologized, politicised and mythologized, but despite these factors, they never developed in a vacuum.

Soviet critics of “bourgeois nationalism” were familiar with the main concepts and provisions of Western historiography and the author of this article presumes that it is logical to assume that the Soviet criticism of nationalism methodologically had much in common with the theoretical approach proposed by Elie Kedourie in the early 1960s in his book “Nationalism” [25]. Elie Kedourie became the founder of ideologism, one of the most influential theoretical approaches in Nationalism Studies which perceives nationalism as predominantly political doctrine and ideology.

Elie Kedourie's ideologism and the criticism of bourgeois nationalism. Elie Kedourie influenced Soviet critics of bourgeois nationalism greatly, although Soviet historians did not recognise this historiographical fact and tried to deny any Western “bourgeois” influences. What was in common between the theoretical ideas of Elie Kedourie and several waves of ideologically motivated Soviet criticism of “bourgeois nationalism”? Soviet authors integrated their texts into official ideological discourse and imagined nationalism as “bourgeois”, “enemy of the working class”, and “ideological diversion”. Russian historian Pavel Uvarov argues that “Marxism-Leninism was considered to be the right method for technical reasons ... Marxism was not only a ‘software system’ for us, but it was also ‘shell program’ that transforms the awkward command-line user interface into a user-friendly graphical interface. Soviet historians with the help of simple operations, playing in dialectics could adapt the positivism of the Vienna school, structuralism, and even Foucault for our Soviet interface” [55].

The Western Nationalism Studies, on the one hand, were transplanted into Soviet historiographic discourse and it became the immediate reaction of Soviet historiography to the dynamic development of this new interdisciplinary trend in foreign historiography. On the other hand, it was not enough to primitively transplant Western approaches because Soviet historians wrote and thought ideologically and they could not simply use the bourgeois historiographic experience. Therefore, the academic Nationalism Studies in Soviet historiography gradually lost their exclusively academic character and mutated into an ideologically motivated criticism of “bourgeois nationalism”. The Soviet perception of nationalism was originally always deeply ideological and ideologized simultaneously.

If Western historians of nationalism, who developed approach of ideologism in the Nationalism Studies analyzed nationalism as an ideology, preferred to actualize its links and connections with liberal values and Western political experience, the Soviet authors, in difference to their bourgeois counterparts, perceived nationalism ideologically and actualized mainly its negative aspects, including reactionary character, clericalism [11;12;13;32;41;42] and class essence [21;37]. Soviet historian, as Russian historian Pavel Uvarov presumes, “was always ready to repulse bourgeois falsifiers” [55]. Soviet critics of Ukrainian and Belarusian “bourgeois” nationalisms perceived nationalism primarily as an anti-communist political ideology, as a sabotage and provocation [3;35;56], but ideological components [5; 6] prevailed in the Soviet collective understandings of nationalism. Soviet fighters against “bourgeois nationalism” assimilated the idea of Elie Kedourie about the confrontation of nationalism and socialism.

Soviet historians preferred to write about the opposition of nationalism and communism or internationalism [16;41;42;57], but these particular definitions did not change the general nature of the theoretical approach which dominated in the Soviet historiography and determined the main vectors and trajectories of its developments. The author presumes that the classical ideologism of Elie Kedourie mutated gradually into the Soviet version of modernism or constructivism because critics of “bourgeois nationalism” preferred to write in fact a modernist or constructivist histories of Ukrainian or Belarus nationalisms. These histories included necessary ritual references to Vladimir Lenin’s texts, critics of the ideas of nationalists and development of concepts of a socialist Ukrainian or Belarus nations as alternatives to nations imagined and invented by “bourgeois nationalists”. Criticism of bourgeois nationalism in Soviet historiography was so urgent and politically motivated that gradually turned into several invented historiographical traditions which formed the main directions of ideological criticism of “bourgeois nationalism”.

Ideologically and methodologically, criticism of Ukrainian and Belarusian bourgeois nationalisms was unified, but Soviet historians in their texts formed several “grand narratives” that became commonplaces in the Soviet politicised and ideologized culture of memory about “bourgeois nationalism” as a universal and inevitable Other. These “grand narratives” were constant and Soviet historians who specialised in criticism of nationalism as an anti-Soviet bourgeois ideology reproduced and repeated them in their texts. Criticism of Ukrainian bourgeois nationalism was based on the exposure of several forms and stages in the history of Ukrainian national movement, including “*het'manshchyna*”, “*petliurivshchyna*”, “*antyradians'ke natsionalistychno*

pidpillia”, “*banderivs’ke pidpillia*”. Criticism of Ukrainian bourgeois nationalism was a form of Sovietisation of intellectual discourse, an attempt to actualize loyalty and one of the few officially permitted spheres of national self-consciousness simultaneously.

Criticism of bourgeois nationalism was the invention of tradition because the Soviet intellectuals were forced to criticise Ukrainian nationalism in Ukrainian language [7;44;50]. The situation was partially absurd because Soviet intellectuals criticizing Ukrainian bourgeois nationalism actually turned the “criticism of bourgeois nationalism” into a form of existence and development of Soviet Ukrainian identity in national historiography, although this Sovietized identity was predominantly ideological and political because nationalistic feelings played the minor role in it before the historic moment when the Soviet regime in Ukraine began to lose control of the intellectual situation. Criticism of “bourgeois nationalism” became an intellectual attempt to actualize Ukrainian national identity in political and cultural limits the Soviet regime established.

The nationalisation and Ukrainisation of criticism of “Ukrainian bourgeois nationalism” predetermined the main vectors and trajectories of the transformation of intellectual activities of Ukrainian intellectuals engaged in the Soviet version of Nationalism Studies. Criticism of “bourgeois nationalism” in Soviet historiography originally began as a Sovietized form of the Western ideological approach, but gradually efforts of Soviet intellectuals to criticise nationalism as ideology mutated into politically motivated forms of modernism and constructivism which began to dominate in the Soviet historiography of nationalism. The definitions of Ukrainian or Belarus “bourgeois nationalism” became the invented Soviet tradition. Methodologically Soviet Ukrainian intellectuals constructed, imagined and invented it in the same way as criticised by them “bourgeois nationalists” invented the nation in exile.

Therefore, it was natural and normal that almost immediately after the collapse of the USSR and the restoration of Ukrainian independence, former critics of Ukrainian nationalism migrated to the number of its popularizers and founders of national political science. This intellectual mutation and transformation actualized the fact that the Soviet model of Humanities was also a constructivist in its nature as the Western one.

Preliminary conclusions. The history of Nationalism Studies in the Soviet Union was not very long and they did not survive the collapse of the Soviet Union and the fall of the communist idea because these two formal institutions were systemic factors which stimulated a politically and ideologically motivated study of nationalism by Soviet intellectuals who, criticizing and exposing various bourgeois nationalisms, could perform two social and cultural functions simultaneously. On the one hand, Soviet intellectuals involved in criticising bourgeois nationalism executed politically and ideologically motivated instrumentalist functions. Therefore, the criticism of bourgeois nationalism in the USSR was a form of political and ideological servility. On the other hand, the criticism of bourgeois nationalism was an imitation and simulation of Western interdisciplinary Nationalism Studies.

Criticism of bourgeois nationalism in the USSR had a political character always. Soviet intellectuals understood that their texts were assisted to the realization of the political preferences of the ruling elites. These understandings coexisted with attempts of academic analysis and comprehension of nationalism, but the political and cultural characteristics of the Soviet Union prevented Soviet criticism of bourgeois nationalism from transforming into a Soviet form of Nationalism Studies. The origins of this unsuccessful evolution can be localised in the differences between the USSR and Western countries where classical Nationalism Studies arose and developed successfully. The USSR simulated and imitated the forms of federalism actively and Soviet intellectuals asserted pathetically that the USSR is the only country in the world where the national question is resolved and all national contradictions are eliminated and became part of the historical past.

All these assurances had exclusively declarative character. The political nation and nation-states as definitions, political institutions and communities in the USSR were absent because the union and autonomous republics existed and developed as dynamically changing and nationalising societies. By the time when Soviet intellectuals began to criticise bourgeois nationalism, Western

societies achieved significant and undoubted successes in the development of civil and political nationalisms and nation-states. Criticism of bourgeois nationalism in the USSR was burdened with real national contradictions and an excessive political ideologisation.

Therefore, the Western theories of nationalism, including ideologism, were more understandable for representatives of Soviet intellectual communities. Elie Kedourie's ambitious attempt to reduce nationalism to ideology and minimise social aspects fell on the fertile soil of the Soviet Union, where intellectuals got the experience of compulsory integration of their ideas into the official ideological canon. Criticism of bourgeois nationalism in the USSR became one of the successful attempts to transplant Western theoretical approaches in this cultural and intellectual situation. Criticism of bourgeois nationalism became a Soviet historiographical and intellectual invented tradition and the author of this article presumes that practices and strategies of the imagination and invention of nationalism belong to a number of promising topics in contemporary Russian Nationalism Studies.

Russian and Bulgarian nationalists who wrote about Ukrainian and Macedonian nationalisms and became their ardent opponents and critics have never been academic scholars and their texts cannot be defined as a modernist or constructivist in the contemporary understandings of these approaches, but the political language of Russian and Bulgarian nationalists, when they criticized Macedonian and Ukrainian projects, imitated and simulated ideas that several decades later will be revised and will become the theoretical and methodological foundations of constructivism and modernism. What do the nationalist Russian and Bulgarian narratives and constructivist and modernist understandings and explanations of the nation bring together?

Firstly, the perception of competing for national projects as the conscious and politically stimulated and guided constructs. Secondly, nationalists, as later academic scholars of nationalism, insisted that various cultural and educational activities stimulated the developments and progress of alternative and competing nationalisms. Russian and Bulgarian nationalists perceived Ukrainian and Macedonian nationalisms in an ideological system of coordinates. Insisting that these nationalisms were artificial, Russian and Bulgarian nationalists solved their political and ideological tasks in difference to later generations of academic historians of nationalism who idealised the artificial and modern character of the nation as a sacred and ritually necessary attribute of this community.

Criticising attempts of alternative nationalisms to institutionalise the nation, Russian and Bulgarian nationalists insisted that the Ukrainian and Macedonian nations emerge as foreign, Austrian or Serbian and Yugoslavian, political projects, but they preferred to ignore the numerous facts which testified that the nations, they belonged to, were invented traditions and imagined communities also. These logical contradictions are evident from the viewpoint of the actual academic historiography of nationalism that develops as predominantly constructivist and the history of nationalism is written as the modernist history of imagined communities and invented traditions.

Russian and Bulgarian nationalists who were critics of Ukrainian and Macedonian nationalisms ignored these logical contradictions as unobvious because they were primordialists and attributed the political and ethnic identities of their nations to other groups, they were too ambitious to integrate into their national projects. The history of the Nationalism Studies is still unwritten, but it is obvious, on the one hand, that the contemporary historiography of nationalism is predominantly modernist and constructivist. On the other hand, it is extremely topical to study the intellectual archaeologies and cultural genealogies of contemporary theoretical approaches to nationalism even if they belong to the political traditions of radical nationalism which has more in common with the archaic and pre-modern dynastic statehood of the imperial type and contradicts the collective representations of the nation as the political community of the citizens of the nation-state.

References

1. **Aksakov I.** Opasno li ukrainofil'stvo dlja Russkogo gosudarstva? // Den'. 1864, 25 janvarja, no 4, ss.1-4.
2. **Aksakov I.** Pis'mo N.I. Kostomarovu o Malorossij // Russkij Arhiv. 1906. T. 12. ss. 537-543

3. **Beljaev V.** Pod čužimi znamjonami. Moskva: Molodaja gvardija, 1954. 205 s.
4. **Čarnušanov K.** Makedonizmät i säprotivata na Makedonija sreštu nego. Sofija: Universitecko izdatelstvo "Sv. Kliment Ohridski", 1992.
5. **Čeredničenko V.** Anatomija predatel'stva: Ukrainskij buržuaznyi natsjonalizm - orudie antisovetskoi politiki imperalizma. Kiev: Politizdat Ukrainy, 1983. 326 s.
6. **Čeredničenko V.** Kontrrevoljutsija na eksport: Ukrainskij buržuaznyi natsjonalizm v arsenale sovremennogo antikommunizma. Kiev: Politizdat Ukrainy, 1985. 166 s.
7. **Čerednyčenko V.** Anatomija zrady: ukrajins'kyj buržuaznyj nacionalizm-znarjaddja antyrjadjans'koji politiki imperjalizmu. Kyjiv: Vydavnyctvo polityčnoj literatury Ukrajiny, 1978. 333 s.
8. **Čilingirov St.** Pärvite makedonski väzstanija (Prinos po arhivni dokumenti) // Makedonski pregled. Spisanie za nauka, literatura i kulturnen život. 1939. God. XI. Kn. 3 – 4. ss. 129 – 142.
9. **Dimitrov B.** Desette läži na makedonizma. Sofija: "Sv. Kliment Ohridski", 2005. 87 s.
10. **Dimov D.** Makedonskoto osvoboditelno delo. Skazka četena pred publično säbranie v gr. Lom. Lom: Pečatnica na A. N. Dimitrov, 1900. 25 s.
11. **Dmitruk K.** S krestom i trezubcem. Moskva: Politizdat, 1980. 224 s.
12. **Dmitruk K.** Svastika na sutanah. Moskva: Politizdat, 1986. 192 s.
13. **Dmitru K.** Uniatskie krestonoscy: včera i segodnja. Moskva: Politizdat, 1988. 381 s.
14. **Džunusov M.** Buržuaznyj nacionalizm: principy kritiki. Moskva: Nauka, 1986. 238 s.
15. Edinstvoto na bälgarskija ezik v minaloto i dnes. Sofija: Bälgarska Akademija na Naukite. Institut za bälgarski ezik, 1978. 43 s.
16. **Evdokimenko V.** Kritika idejnyh osnov ukrainskogo buržuaznogo nacionalizma. Kiev: Naukova dumka, 1967. 272 s.
17. **Galčev I.** Bälgarskoto samosäznanie na naselenieto v Makedonija prez Väzraždaneto. Sofija: Universitecko izdatelstvo "Sv. Kliment Ohridski", 2005.
18. **Grigorov K.** Sräbskite žestokosti v Makedonija (1912-1915). Sofija: Izdatelstvo Al. Paskalev, 1917.
19. **Harizanov S.** Makedonija. Što stava v Makedonija s bälgarite i kakvo treba da se pravi. Sofija: Pečatnica na «Bälgarski Glas», 1880. 24 s.
20. **Iširkov A.** Geografskata vräzka na Makedonija s Bälgarija // Makedonski pregled. Spisanie za nauka, literatura i kulturnen život. 1925. God. I. Kn. 4. ss. 27 – 35.
21. **Ivančenko I.** Buržuaznyj nacionalizm – sredstvo ideologičeskoj diversii: Kritika buržuaznyh nacionalističeskih kontsepcij i praktika ih ispol'zovanija v ideologičeskoj diversii protiv SSSR. Kiev: Vyšča škola, 1985. 253 s.
22. **Ivanov A.** O maloruskom literaturnom jazyke i obučenij na njom // Russkij vestnik. 1863. Maj. T. 45. ss. 244-267.
23. **Ivanov J.** Bälgarite vä Makedonija. Izdirvanija i dokumenti za tehnoto poteklo, ezik i narodnost'. S etnografska karta i statistika. Sofija: Izdanie na Bälgarskata Akademija na Naukite ot fonda "Napredäk" – Däržavna pečatnica, 1915. 235 s.
24. **Kajčev N.** Makedonijo, väžželana: armijata, učilišteto i gradežät na nacijata v Särbija i Bälgarija (1878 – 1912). Sofija: Paradigma, 2003. 312 s.
25. **Kedourie E.** Natonalism. L.: Wiley, 1993. 154 p.
26. **Kirčanov M.** Ivan Franko v sovetskoj Ukraine: socialističeskij realizm i ukrainskaja istoričeskaja pamjat' // Slavjanskij mir v sociokul'turnom izmerenij. Stavropol', 2005. Vyp. 2. ss. 163-177.
27. **Kusev M.** Makedonija v svoite žiteli samo särbi nema. Sofija: Pečatnica "Graždanin", 1913.
28. **Lenin V.** Sobranie sočinenij. Moskva - Leningrad: Gosizdat, 1925. T.19: Natsjonal'nyy vopros (1910-1920 gg.). 282 s.
29. **Liholat A.** Nacionalizm – vrag trudjaščihsja: Analiz istoričeskogo opyta bor'by protiv natsjonalizma. Moskva: Mysl', 1986. 349 s.
30. Makedonskijat väpros. Istoriko-političeska spravka. Sofija: Institut za istorija pri BAN, 1968. 36 s.

31. **Marčukov A.** Ukrainское nacional'noe dviženie. USSR. 1920–1930-e gody. Celi, metody, rezul'taty. Moskva: Nauka, 2006. 599 s.
32. **Migovič I.** Prestupnyj aljans: O sojuze uniatskoi cerkvi i ukrainskogo buržuaznogo nacionalizma. Moskva: Politizdat, 1985. 190 s.
33. **Miller A.** "Ukrainskij vopros" v politike vlastei i ruskom obščestvennom mnenii (vtoraja polovina XIX veka). SPb: Aleteija, 2000.
34. **Miletič L.** Makedonskite bālgari i sārbite // Makedonski pregled. Spisanie za nauka, literatura i kulturnen život. 1929. God. 5. Kn. 4. ss. 71 – 107.
35. **Orlenko V.** Operacija bez vystrela. Moskva: Politizdat, 1982. 320 s.
36. **Pārličev K.** Srābskijat režim i revoljucjonata borba v Makedonija. Sofija: Izdatelstvo Al. Paskalev, 1917.
37. **Petljakov P.** Uniatskaja cerkov' – orudie antikommunizma i antisovetizma. L'vov: Vyšča shkola, 1982. 168 s.
38. **Petrov G.** Makedonskoto osvoboditelno delo na bālgarska počva, in Pravo. 1902. Br. 20 – 21, ss. 5 – 8.
39. **Rajkov D.** Istoričeskata sādba na makedonskite bālgari. Svidetelstva za bālgarskoto vāzraždane v Makedonija. Sofija: Makedonski Naučen Institut, 1997.
40. **Rigel'man N.** Sovremennoye ukrainofil'stvo // Russkij vestnik. 1875. T. 115. No 2. ss. 818-848.
41. **Rimarenko Ju.** Antikommunističeskij al'jans: Kritika ideologičeskikh i social'no-političeskikh doktrin meždunarodnogo sionizma i ukrainskogo buržuaznogo nacionalizma. Kiev: Naukova dumka, 1981. 214 s.
42. **Rimarenko Ju.** Buržuaznyi nacionalizm i klerikalizm. Kiev: Politizdat Ukrainy, 1986. 136 s.
43. **Rožanov V.** Malorossy i velikorossy // Novoe vremja. 1902. 21 janvarja. s. 3.
44. **Rymarenko Ju.** Buržuaznyj nacjonalizm ta joho "teorija" naciji. Kyjiv: Naukova dumka, 1974. 382 s.
45. **Snegarov I.** Vizantijski svidetelstva ot XI—XIII v. za bālgarskija harakter na Makedonija // Makedonski pregled. Spisanie za nauka, literatura i kulturnen život. 1925. God. I. Kn. 5 – 6. ss. 1 – 18.
46. **Snegarov I.** Vāzraždane na bālgarštinata v Solun // Makedonski pregled. Spisanie za nauka, literatura i kulturnen život. 1936. God. X. Kn. 1 – 2. ss. 8 – 15.
47. **Stalin I.** Kak ponimaet social-demokratija nacional'nyj vopros? Moskva: Gospolitizdat, 1940. 24 s.
48. **Stalin I.** Marksizm i nacional'nyj vopros. Moskva: Gospolitizdat, 1939. 64 s.
49. **Stalin I.** Nacional'nyj vopros i leninizm: otvet tovariščam Meškovu, Koval'čuku i drugim. Moskva: Gospolitizdat, 1950. 181 s.
50. **Symonenko, R.** Buržuaznyj nacjonalizm – znarjaddja vorohiv socialjnogo prohresu i mižnarodnoj rozrjadky. Kyjiv: Naukova dumka, 1979. 308 s.
51. **Tabolina T.** Etničeskaja problematika v sovremennoi amerikanskoj nauke. Kritičeskij obzor osnovnyh etnosocologičeskikh koncepcij. Moskva: Nauka, 1985. 152 s.
52. **Trajčev G.** Beležki vārhu koznite i domogvanijata na elinizma v Makedonija ot naj-novo vreme. Sāvremenni razkritija. Sofija: Pečatnica B. Zilber, 1904. 34 s.
53. **Ul'janov N.** Proisxoždenie ukrainskogo separatizma. New-York – Madrid, 1966. 278 s.
54. **Usmanova D.** Sozdavaja nacional'nuju istoriju tatar: istoriografičeskije i intellektual'nye debaty na rubeže vekov // Ab Imperjo. 2003. No 3, ss. 350 – 351.
55. **Uvarov P.** Svoboda u istorikov poka est'. Vo vsjakom slučae est' ot čego bežat' // Neprikosnovennyi zapas. 2007. No 55 [On-line resourc]. – URL: <http://www.polit.ru/research/2008/01/30/uvarov.html>
56. **Varvarcev N.** Nacionalizm v oblič'e sovetologii: Kritika sovremennoj buržuaznoj istoriografii Ukrainy. Kiev: Naukova dumka, 1984. 262 s.
57. **Vilkov Ju.** Metodologičeskije osnovy kritiki buržuaznogo nacionalizma. Kiev: Vyšča shkola, 1985. 181 s.

УДК 63.3 (47):94

*ВУНЦ ВВС «ВВА им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Д. А. Кузнецов
Россия, г. Воронеж, тел. 8 (951) 561-35-95;
e-mail: yuliya_saratova@mail.ru
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Ю.Н. Кузнецова
Россия, г. Воронеж, тел. 8 (951) 870-23-54;
e-mail: yuliya_saratova@mail.ru*

*Gagarin and Zhukovsky Air Force Academy (Voronezh)
PhD in History, associate professor of humanitarian and social and economic disciplines chair
D.A. Kuznetsov
Russia, Voronezh, tel. 8 (951) 561-35-85;
e-mail: yuliya_saratova@mail.ru
PhD in Philology, associate professor of Russian language chair
U.N. Kuznetsova
Russia, Voronezh, tel. 8 (951) 870-23-54;
e-mail: yuliya_saratova@mail.ru*

Д.А. Кузнецов, Ю.Н. Кузнецова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.Ф. КЕРЕНСКОГО НА ПОСТУ ВОЕННОГО МИНИСТРА

В статье рассматривается деятельность А.Ф. Керенского на посту военного и морского министра в составе Временного правительства с мая по сентябрь 1917 года.

Ключевые слова: армия, военный министр, демократизация, революция, Временное правительство, офицерский корпус.

D.A. Kuznetsov, U.N. Kuznetsova

A.F. KERENSKY'S ACTIVITY ON THE POST OF THE MILITARY MINISTER

In article A.F. Kerensky's activity on a post of the military and sea minister is considered in the structure of Provisional government from May to September, 1917.

Key words: army, Military Minister, democratization, revolution, Provisional government, officer community.

В истории русской армии революционные события 1917 г. занимают особое место. Участие Вооруженных Сил в общественно-политической жизни страны в рассматриваемый период было крайне важным обстоятельством, прежде всего, в том отношении, что Февральская революция произошла в то время, когда Россия была задействована в мировой войне, когда армия приобрела исключительное значение, когда существенно возросла ее численность и боевая мощь.

Отречение от престола последнего российского самодержца Николая II и последующие за этим важным решением события стали переломными в судьбе каждого русского солдата и офицера. Процесс революционизирования русской армии и военно-морского флота в ходе империалистической войны, повлекший за собой разрушение дисциплинарного порядка в войсковых подразделениях, был обусловлен самой действительностью, социально-экономической и политической жизнью России. Как отмечал А.А. Блок: «На исходе 1916 года весь государственный строй России был поражен болезнью, которая уже не могла пройти сама, не могла быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции» [1.С.15].

Так называемый период «углубления» революции, который начался с марта 1917 г., явился для русской армии серьезным испытанием. Как наиболее важная составная часть гражданского общества армия остро отреагировала на произошедшие изменения в стране.

Если для солдатского большинства перемены в стране являлись острой необходимостью, так как связывались с окончанием военных действий и скорейшим возвращением в свои дома, то для представителей русского офицерского корпуса этот временной отрезок оказался очень болезненным. Отчужденность, существовавшая между командиром и подчиненными, не только не исчезла, но, напротив, с каждым днем продолжала возрастать.

На этом крайне неблагоприятном фоне в марте 1917 г. Временным правительством было принято решение провести комплекс мероприятий, направленных на повышение боеготовности Вооруженных Сил. Начальный этап реформирования армии был связан с именем военного и морского министра А.И. Гучкова. В результате апрельского кризиса он под давлением общественности был вынужден подать в отставку, и некоторое время военное министерство оставалось без руководителя. В мае с образованием коалиционного правительства пост главы военного ведомства получил 36-летний бывший помощник присяжного поверенного А.Ф. Керенский.

У нового состава Временного правительства отсутствовала конкретная программа действий, при помощи которой можно было бы восстановить прежний дисциплинарный порядок в войсках. Положение же нового военного министра осложнялось еще и тем обстоятельством, что он, в отличие от своего предшественника А.И. Гучкова, был практически неизвестен в военных кругах. Сделав блестящую политическую карьеру, он фактически ничем себя не проявил в военном деле. В армии за ним сразу же закрепилось прозвище «главноуговаривающий».

К тому времени как он принял пост военного министра, армия практически уже утратила свою боеспособность. Все держалось практически на энтузиазме командного состава. Как он сам впоследствии отмечал в своих воспоминаниях: «Какого-либо твердого, устойчивого руководства армией и флотом не существовало. Высшие эшелоны военной власти постоянно находились в стадии реорганизации. Большое количество разного рода военных ведомств возглавлялось абсолютно безответственными великими князьями» [2.С.51].

Первая половина мая 1917 г. по инициативе А.Ф. Керенского прошла под лозунгом кадровых перемещений. Генерал Л.Г. Корнилов, командовавший Петроградским военным округом, был вынужден подать в отставку по той причине, что усматривал в кадровых заменах военачальников очередное наступление на армию. Его сменил генерал П.А. Половцев. Также из значительных перемещений следует отметить увольнение генерала Н.В. Рузского, которого сменил генерал А.М. Драгомиров, сдавший 5-ю армию генералу Ю.Н. Данилову. Военный министр сместил также с поста Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева, заменив его генералом А.А. Брусиловым. Юго-Западный фронт у А.А. Брусилова принял генерал А.Е. Гутор. Начальником штаба Верховного главнокомандующего был назначен генерал А.С. Лукомский. Генеральская «чехарда» была проведена в преддверии ожидаемого летнего наступления русской армии. Осуществить подобные мероприятия перед решающими сражениями мог позволить себе человек, плохо разбиравшийся в военном деле. Преимущество проводимой политики А.И. Гучкова в отношении армии была очевидной.

Действия А.Ф. Керенского на посту военного и морского министра в целом были довольно противоречивы и непоследовательны. С одной стороны, он пытался лично оказывать поддержку представителям офицерского корпуса, отдав распоряжение, согласно которому предписывалось арестовывать агитаторов, призывавших к насилию над офицерами и осуждать их как предателей Отечества и революции. С другой стороны, военный министр поддержал утверждение документов, согласно которым власть командиров становилась подконтрольной солдатским комитетам.

В качестве руководителя военного ведомства он утвердил документ «Декларацию прав солдата», ранее разработанный его предшественником, А.И. Гучковым. Что привело его к такому решению, до сих пор остается загадкой. В исторической литературе по этому поводу существуют две основные версии. Согласно первой версии, А.Ф. Керенский не

захотел открыто выступать против постановлений Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который поддерживал принятие «Декларации прав солдата». Согласно второй версии, это было его личной инициативой, так как, занимая пост военного министра, он должен был сделать что-нибудь существенное для армии, опасаясь, что его обвинят в служебном бездействии. Утверждение «Декларации прав солдата» А.Ф. Керенский считал своей личной заслугой, отмечая при этом, что он осуществил то, на что не осмеливался его предшественник.

Сам документ был опубликован 11 мая 1917 г. «Декларация прав солдата» состояла из восемнадцати пунктов и являлась дополнением к Приказу № 1. Первый пункт документа уравнивал в правах военнослужащих с гражданским населением. Отменялось обязательное отдание воинской чести, солдаты и офицеры получали политические права и могли исповедовать любые политические убеждения. Вместе с тем в Декларацию были включены и новые пункты, которые ограничивали права солдат, завоеванные в ходе революции, и укрепляли должностные полномочия офицерского состава. Так, к примеру, пункт четырнадцатый документа разрешал офицерам применять оружие к подчиненным. Пункт восемнадцатый запрещал проводить выборы лиц начальствующего состава. Таким образом, документ по своему содержанию оказался достаточно противоречивым. С одной стороны он способствовал укреплению дисциплины в армии за счет усиления позиций офицерского корпуса, а с другой – вносил еще большую неопределенность в управление войсками. В целом, отношение большей части офицеров к «Декларации прав солдата» было отрицательным. Представители офицерского корпуса старались всячески противодействовать дальнейшей демократизации в войсковых соединениях.

Проект Декларации заранее был отправлен командующим фронтами и армиями. После его ознакомления было принято решение созвать в начале мая в Ставке совещание, на которое были приглашены представители высшего командного состава действующей армии. За два месяца в Ставке и в Петрограде совместно с членами Временного правительства было проведено несколько таких совещаний.

Первое совещание, посвященное вопросам боеготовности и морального состояния армии, состоялось 1 мая 1917 г. в Могилеве под председательством Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева. На нем присутствовали командующие фронтами и армиями. Впервые после победы Февральской революции высший командный состав совместными усилиями попытался оказать давление на представителей государственной власти и, прежде всего, на военного министра А.Ф. Керенского. Работа совещания началась с обсуждения проекта «Декларации прав солдата». Во вступительной речи генерал М.В. Алексеев заявил, что принятие документа есть не что иное, как последний гвоздь, вбиваемый в гроб Вооруженных Сил. Затем Верховный главнокомандующий попросил присутствующих на совещании генералов высказать по этому вопросу свое личное мнение. Первым взял слово командующий войсками Западного фронта генерал И.В. Гурко. В своем выступлении он отметил, что «...меры, принимаемые Временным правительством по демократизации армии, развалят те ячейки, из которых создано ее здание. Кто подпишет это положение, еще более унижающее доблестный офицерский корпус, не должен оставаться на своем посту» [З.С.46].

В целом обсуждение «Декларации прав солдата» вызвало у всех присутствующих взрыв негативных эмоций. Когда генерал М.В. Алексеев дошел до пункта Декларации, согласно которому офицерам запрещалось применять наказания, вредные для здоровья солдат, он отметил, что это полнейший абсурд и возмутительная клевета на офицерский состав.

Действительно, грубое отношение к солдату со стороны офицера, которое якобы существует в армии, не вполне соответствовало действительности. Русский офицер, испокон веков сам добросовестно исполняющий свой долг, требовал того же и от своих подчиненных. Делалось это в основном в рамках устава внутренней службы. Конечно, были и исключения, нарушающие установленный дисциплинарный порядок, но их можно было отнести к единичным случаям. По признанию современников русская армия из всех

европейских армий была в начале XX столетия самой демократичной. Так, если в европейских армиях продолжала еще господствовать «палочная дисциплина», то в русской армии побои солдат были запрещены указом 1903 г. Как во время боевых действий, так и в мирной жизни русский офицер проявлял заботу о своих подчиненных. Не случайно именно о русском офицере принято было говорить «Слуга царю, отец солдатам».

По мнению большинства военачальников, совещание в Могилеве закончилось безрезультатно. Дело ограничилось лишь ультимативными заявлениями некоторых генералов о том, что в случае принятия «Декларации прав солдата» они в знак своего несогласия подадут в отставку. В частности о своем уходе с занимаемых постов заявили генералы М.В. Алексеев и А.А. Брусилов. Командующий Северным фронтом генерал А.М. Драгомиров и новый главнокомандующий Румынским фронтом генерал Д.Г. Щербачев возражали против поспешных отставок, считая, что это будет только на руку противнику. В результате было принято решение немедленно выехать в Петроград и обратиться к членам Временного правительства и руководителям Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с предложением приостановить начатые преобразования.

Через несколько дней в Петрограде состоялось совместное заседание командующих фронтами, членов Временного правительства и представителей исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Высший командный состав армии был представлен Верховным главнокомандующим, генералом М.В. Алексеевым, командующим Северным фронтом генералом А.М. Драгомировым и командующим армиями Юго-Западного фронта генералом А.А. Брусиловым.

Генералы настоятельно потребовали от Временного правительства либо временно приостановить боевые действия, либо пресечь в корне агитацию в войсках. В целом же выступления участников заседания свелись к взаимным упрекам и обвинениям. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов в своем выступлении потребовал от А.Ф. Керенского прекратить травлю офицерского состава, который в подобных условиях не в состоянии выполнять свои прямые обязанности.

После выступления генерала А.А. Брусилова к участникам заседания обратился М.В. Алексеев. Для восстановления порядка в армии он предложил ряд конкретных мер: незамедлительно восстановить военно-полевые суды, которые обеспечивали бы выполнение законов, приводить приговоры суда в исполнение без всяких смягчающих обстоятельств, расформировать от имени Временного правительства неблагонадежные воинские части, отказывающиеся исполнять приказы командиров, вернуть в полном объеме начальникам утраченную дисциплинарную власть. Только при условии выполнения соответствующих условий, по мнению генерала М.В. Алексеева, возможно было установление в армии порядка и возвращение утраченной дисциплины. Однако Временное правительство под непосредственным давлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов не решилось осуществить меры, предложенные М.В. Алексеевым, понимая, что в данных условиях они не принесут положительных результатов, а напротив, могут вызвать еще большее недовольство рядовых солдат. Опасаясь окончательно потерять свое влияние в армии накануне летнего наступления, Временное правительство не могло и не хотело идти на восстановление прежних дисциплинарных порядков, на применение каких-либо решительных мер.

Предложенная программа действий генералом М.В. Алексеевым окажется востребованной через несколько месяцев, во время вооруженного мятежа генерала Л.Г. Корнилова. Заседание в Петрограде, как и предыдущее в Могилеве, закончилось безрезультатно. Генералам было предложено незамедлительно выехать в распоряжение воинских частей и добросовестно исполнять свои служебные обязанности.

Перед тем как покинуть Петроград генерал А.А. Брусилов предложил А.Ф. Керенскому посетить расположение частей Юго-Западного фронта, чтобы лично убедиться в происходящих событиях. «Если я пригласил А.Ф. Керенского на фронт, – говорил

впоследствии А.А. Брусилов, – то преимущественно для того, чтобы снять ответственность с себя лично и с корпуса офицеров, будто бы не желающих служить революции» [4.С.237].

Предложение генерала А.А. Брусилова было принято, и А.Ф. Керенский пообещал в ближайшее время приехать на фронт. Свое обещание он сдержал. Но, приехав на Юго-Западный фронт, вместо того, чтобы разобраться в крайне непростой ситуации и как-то подбодрить офицерский состав, он стал произносить речи на митингах. Своим демонстративным поведением он расположил к себе солдатское большинство. Они обещали А.Ф. Керенскому полное повиновение и беспрекословное исполнение приказов своих начальников. Как покажет время, эти обещания окажутся невыполненными.

8 мая 1917 г. в Могилеве начал свою работу Съезд офицеров действующей армии, в ходе которого деятельность А.Ф. Керенского на посту военного и морского министра была подвержена критике. За работой Съезда из Петрограда было установлено пристальное наблюдение. А.Ф. Керенский боялся, что участники съезда фактически бросили вызов новой государственной власти. Предвидя нежелательное для него развитие событий, он решил пойти на крайние меры. Не успели еще делегаты съезда прибыть в расположение воинских частей и приступить к исполнению своих обязанностей, как последовало решение Временного правительства сместить с поста Верховного главнокомандующего М.В. Алексева и его начальника штаба генерала А.И. Деникина. Также было уволено 150 старших начальников, включая 70 командиров дивизий. Новым Верховным главнокомандующим был назначен генерал А.А. Брусилов [5.С.57].

В начале июля 1917 г. А.Ф. Керенский обратился к новому Верховному главнокомандующему с предложением собрать в Ставке Военный совет и пригласить на него командующих фронтами и армиями. Заседание Военного совета было назначено на 18 июля.

Когда поезд с военным и морским министром прибыл на станцию в Могилев, среди встречающих его не было генерала А.А. Брусилова. Личные амбиции в очередной раз взяли вверх, и А.Ф. Керенский заметил своему окружению: «При царе эти генералы не посмели бы себя так нагло держать. А теперь позволяют себе игнорировать председателя правительства. Я им покажу» [6.С.43].

Открывая заседание Военного совета, военный министр предложил командующим высказать свое мнение по поводу неудачного наступления русской армии, а также попытаться общими усилиями определить на перспективу ключевые направления военной политики.

На заседании с программной речью выступил генерал А.И. Деникин. Для возрождения прежнего порядка в армии он предложил пять мер, которые способны были сохранить то, что еще осталось. К числу первоочередных мер относились: устранение от военного руководства революционного Петрограда, изъятие из армии политики, упразднение комиссаров и комитетов, создание отборных воинских частей как возможной опоры власти офицерского состава, и наконец, введение смертной казни не только в действующей армии, но и в тылу [7.С.77].

Перед отъездом А.Ф. Керенский пообещал, что по прибытии в столицу он обсудит все высказанные пожелания с членами Временного правительства. В целом он остался недоволен Могилевским совещанием. Осознавая, что события могут выйти из-под его контроля, военный министр принял решение на проведение очередной чистки командного состава.

На следующий день после его отъезда из Ставки была получена телеграмма, в которой говорилось, что согласно постановлению Временного правительства генерал А.А. Брусилов освобождается от должности Верховного главнокомандующего, а на его место назначается командующий Юго-Западным фронтом генерал Л.Г. Корнилов.

Известие о смене Верховного главнокомандующего в армейских кругах было встречено с нескрываемой радостью, поскольку с именем Л.Г. Корнилова многие связывали свои надежды на проведение твердого курса.

Понимая, что для спасения страны и армии от дальнейшего распространения революции нужны жесткие меры, Л.Г. Корнилов задумал произвести военный переворот. Основную роль в его осуществлении должен был сыграть офицерский корпус. Успех мероприятия во многом зависел и от позиции А.Ф. Керенского. По ряду вопросов в ходе их личной встречи удалось договориться. Но основное расхождение между ними заключалось в том, что А.Ф. Керенский рассчитывал, что на роль диктатора будет выдвинута его кандидатура. Однако общественность предпочла в этом качестве генерала Л.Г. Корнилова.

В первых числах августа А.Ф. Керенский предложил Верховному главнокомандующему встретиться с представителями новой власти и высшего командного состава на совещании в Москве для принятия конкретных мер по оздоровлению армии. В ходе совещания у генерала состоялся разговор с А.Ф. Керенским. Председатель правительства, предчувствуя нависшую угрозу над своей властью, заявил Л.Г. Корнилову, что ему стоило бы положить конец опасным играм, которые затевает его окружение. В конце беседы А.Ф. Керенский заявил, что если какой-нибудь генерал рискнет открыто выступить против Временного правительства, он сразу же почувствует, что попал в пустоту, где нет железных дорог и средств связи с его собственными войсками. Это было открытым предупреждением участникам заговора.

В решительные дни осуществления военного переворота, в ночь с 28 на 29 августа, когда А.Ф. Керенский предавался отчаянию и мучительным колебаниям, неожиданно обстановка изменилась для него в лучшую сторону. На предложение председателя Временного правительства четверо из пяти главнокомандующих фронтами решили исполнить его приказ и не оказали Л.Г. Корнилову никакой поддержки. В начале сентября 1917 г. после ареста генерала Л.Г. Корнилова последовали очередные кадровые назначения. Начальником штаба Верховного главнокомандующего стал генерал М.В. Алексеев, военным министром – полковник А.И. Верховский. Новым Верховным главнокомандующим русской армией А.Ф. Керенский назначил самого себя.

В целом, оценивая деятельность А.Ф. Керенского в должности военного министра, следует отметить ее негативное влияние на положение Вооруженных Сил в России. Демократизация Вооруженных Сил, проводившаяся под его руководством, приобрела невиданный размах. Армия, принимавшая участие в боевых действиях, в результате непродуманных кадровых перестановок, санкционированных лично военным министром А.Ф. Керенским, оказалась фактически обезглавленной. Такая армия оказалась в итоге не способной решать важнейшие вопросы обороноспособности в крайне сложный период развития страны.

Библиографический список

1. **Блок А.А.** Архив русской революции. В 22 т. Т. 4. Последние дни старого режима / А.А. Блок. – М.: Терра, 1992. – 290 с.
2. **Керенский А.Ф.** Россия на историческом повороте / А.Ф. Керенский // Вопросы истории – 1990. – №8. – С. 49-57.
3. **Жилин А.П.** Последнее наступление (июнь 1917 года) / А.П. Жилин. – М.: Наука, 1983. – 102 с.
4. **Брусилов А.А.** Мои воспоминания / А.А. Брусилов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 448 с.
5. **Козлов А.И.** Антон Иванович Деникин / А.И. Козлов // Вопросы истории – 1995. – №10. – С. 54-73.
6. **Лукомский А.С.** Архив русской революции. В 22 т. Т. 2. Из воспоминаний / А.С. Лукомский – М.: Терра, 1992. – 354 с.
7. **Деникин А.И.** Путь русского офицера / А.И. Деникин. – М.: Современник, 1991. – 300 с.

УДК 94(73)"1901/1953"

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет, Арзамасский филиал
Студентка 5 курса историко-филологического
факультета*

А.И. Маркина

Россия, г. Арзамас, тел. 89307088349;

e-mail: filyocat@mail.ru

*The National Research State University of Nizhny
Novgorod, the Arzamas branch
Student of the historical and philological
faculty*

A.I. Markina

Russia, Arzamas, tel.89307088349;

e-mail: filyocat@mail.ru

А.И. Маркина

ВКЛАД ДЖОНА ДЬЮИ В ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ МЫСЛЬ США ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Статья посвящена одному из влиятельных мыслителей XX века – Джону Дьюи (1859–1952), который один из первых применил идеи прагматизма в сфере образования. Мыслитель задумывал образование как социальный процесс, в котором члены общества, особенно дети, привлечены действовать сообща.

Ключевые слова: Джон Дьюи, реформы образования, прагматическая педагогика, социальное назначение школы.

A.I. Markina

CONTRIBUTION OF JOHN DEWEY TO THE PEDAGOGICAL THOUGHT OF THE USA OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

The article is devoted to one of the influential thinkers of the XX century – John Dewey (1859–1952), who was one of the first to apply the ideas of pragmatism in education. The thinker conceived education as a social process in which members of society, especially children, are attracted to act together.

Key words: John Dewey, educational reforms, pragmatic pedagogy, social purpose of school.

Джон Дьюи (1859–1952) – американский философ, социолог, психолог, мыслитель и выдающийся педагог. Он один из первых применил идеи прагматизма в сфере образования [1]. Джон Дьюи был одним из влиятельных мыслителей XX века. Он является автором более 30 книг и 900 научных статей по философии, социологии, педагогике и другим дисциплинам. Более 180 работ Джона Дьюи посвящены педагогическим проблемам и переведены на 35 языков мира. Всемирное влияние мыслителя как педагога-теоретика и педагога-практика стало возможным благодаря его активным реформаторским проектам.

XX век характеризуется историками педагогики как период становления и формирования прагматической педагогики, оказавшей огромное влияние на школу США и стран Европы. Американский философ – Джон Дьюи использовал понятие прагматизма применительно к образованию. Его влияние на образовательную и социальную теорию и получило широкое распространение в американской педагогике [5].

Джон Дьюи был очевидцем грандиозных социальных и технологических изменений, происходящих в стране [13.С.92–96]. Призывы к улучшению образования в целях процветания государства и острая необходимость в образованных людях в условиях быстрого развития всех отраслей экономики требовали поиска путей усовершенствования системы образования.

Необходимость в изменении организации и содержания школьного образования совершенно очевидной стала в период промышленного развития в США в конце XIX – начале XX века [4].

Джон Дьюи уделял огромное внимание проблемам школьного образования и разработал прагматическую философию применительно к педагогике и школьной практике [17.С.360–366].

В своей работе «Демократия и образование» философ пишет, что выдвинутая им теория знания имеет право быть названной прагматической [6]. Джон Дьюи в отличие от большинства философов того времени историю общества рассматривал с точки зрения психологической деятельности людей, а главным условием общественного развития, по мнению мыслителя, является изменение сознания отдельных людей. Джон Дьюи считал, что источником социального прогресса служат отдельные «интеллектуальные вариации» людей в наблюдениях. Основываясь на этих положениях, Д. Дьюи пишет о социальном назначении школы, большое значение придавая роли народного образования, способного оградить США от всяких социальных потрясений, предотвратить нарастание социальных конфликтов в стране.

В одной из ранних работ «Мое педагогическое кредо» Д. Дьюи отмечал, что воспитание служит основным методом социального прогресса и социальных реформ, что только школа сможет обеспечить необходимый социальный порядок и учителя должны хорошо осознавать этот факт и прилагать все силы к тому, чтобы пробудить в обществе интерес к школьному воспитанию, добиться от общества всемерной поддержки народного образования, ибо только оно примиряет индивидуальные и общественные интересы [7].

В своей известной работе «Ребёнок и учебный план» Д. Дьюи указывал на необходимость учёта интересов детей в практической деятельности педагога. В данной работе Д. Дьюи выделил три уровня деятельности, которые могли быть использованы в школе. Первый уровень, для дошкольников, включал в себя задания для сенсорных органов и развития координации. Второй уровень включал использование материалов и инструментов, найденных в окружающей среде. В школе должно быть достаточно сырья и наглядного материала, который бы возбудил интерес детей и заставил бы их строить, экспериментировать, творить. Дети на третьем уровне обнаруживали новые идеи, исследовали и использовали их. В этом случае обучение не являлось простым импульсом и осторожным наблюдением, а ученики планировали и размышляли в процессе их действий. Рассматривая детей как социально-активных членов общества, Д. Дьюи полагал, что ученики хотят исследовать окружающую их среду и контролировать ее. В процессе познания мира, ученики сталкиваются с личными и социальными проблемами. Это проблемная ситуация позволяет детям использовать свой интеллект для ее решения, а также общие знания, приобретённые человечеством в процессе активного познания [11].

Таким образом, Д. Дьюи задумывал образование как социальный процесс, в котором члены общества, особенно дети, привлечены действовать сообща. Школа – это специальная среда, созданная членами общества с целью упрощения, отбора и объединения социального опыта людей, так чтобы это могло быть понято, исследовано и использовано детьми. Поэтому, для Д. Дьюи единственная цель образования состоит в том, чтобы внести вклад в личное и социальное становление человека, а процесс образования является реконструкцией и реорганизацией опыта индивида, который увеличивает возможность понимания им последующих знаний.

Д. Дьюи не отрицал наличие социальных противоречий современного ему общества, а пути их преодоления видел в реформировании школьного образования. Считая школу мощным средством социальных преобразований, он предлагал ввести единую школьную систему для детей состоятельных родителей и для детей малоимущих, чтобы между ними устанавливались взаимные симпатии, сглаживались различия в умственных и нравственных навыках, идеалах и взглядах [11].

Джон Дьюи резко критиковал традиционную практику школьного образования. Он считал, что оно не соответствует требованиям развивающейся промышленности, а сохранение словесно-схоластических методов обучения ведет к отставанию от жизни общества [9].

Заслуга Джона Дьюи состоит в том, что он не только чётко показал тесную связь изменяющихся социально-экономических условий с состоянием школьного обучения, но и наметил конкретные пути улучшения системы школьного образования США.

Уже после окончания университета в Вермонте в 1879 г. Д. Дьюи стали интересоваться проблемы школьного образования. Возглавляя кафедру философии Чикагского университета с 1894 по 1904 г., философ организовал начальную Лабораторную школу при Чикагском университете, что дало ему возможность на практике проверить многие свои педагогические положения. В этой школе обучались дети в возрасте от 4 до 14 лет, где занятия проводились с небольшими группами, численность которых не превышала 10 человек. Итоги работы Лабораторной школы были опубликованы в книге Д. Дьюи «Школа и общество», которая стала ценным практическим пособием для американских учёных того периода [8].

Анализ работ Д. Дьюи показывает, что он указывал на серьёзную перестройку школьного образования в XX веке в США. И изменения в школьной практике касались не деталей, как это казалось некоторым педагогам того периода, а самого существа педагогического процесса. Об этом свидетельствовало введение методов активного обучения, увеличение объёма преподавания естественных наук, возросшее применение принципов наглядности, эти видоизменения школьной системы происходили медленно и не охватывали всех сторон жизни школы. Мыслитель считал, что при господстве современной ему системы образования происходит непродуктивная трата сил детей, причём это не растрата денег или вещей, а даже растрата человеческих жизней [15.С.7–11].

В работе «Школа и общество» Д. Дьюи привёл довольно интересный эпизод о том, как он безуспешно пытался найти в магазинах столы и стулья для своей школы, которые с художественной, гигиенической и педагогической точек зрения удовлетворяли бы потребности детей. В конце концов, один из продавцов магазина заявил о тщетности подобного рода поисков, так как все столы и парты предназначены для слушания, а не для работы школьников. Этот пример наглядно показывает, что в американской школе конца XIX века все было приспособлено «для слушания», которое предполагало пассивность, «впитывание» фактов из книги [14.С.39–42].

Джон Дьюи выражал особый протест по поводу организации трудового воспитания и обучения в школах. Мыслитель писал, что в традиционном школьном классе недостаточно места для самостоятельной работы детей, что мастерские, лаборатории, необходимые материалы и инструменты во многих учебных заведениях отсутствуют вовсе. К тому же, трудовое обучение, как правило, осуществлялось бессистемно и без внимания [8].

Самым мощным рычагом для переустройства школьной жизни Д. Дьюи считал производительный труд. К этой идее он подходит, рассуждая следующим образом: школа зародилась и развивалась в то время, когда значение промышленности было невелико, все члены семьи в той или иной степени принимали участие в производстве, умели стричь овец и прясть шерсть, работать на ткацком станке и изготавливать домашнюю утварь. Однако со временем положение изменялось, пропали системы домашнего, соседского и мануфактурного хозяйства, промышленность развилась неимоверно, огромные массы людей устремились в города. Создалось такое положение, когда дети воспитывались и обучались без привития им необходимых трудовых навыков и умений, что, в свою очередь, приводило к отсутствию у подрастающих поколений таких качеств, как наблюдательность, творческое воображение, логичность мышления, чувство реальности, и в результате молодёжь покидала школу, не имея самых элементарных навыков к трудовой деятельности [8].

Д. Дьюи, настаивая на введении трудового обучения, не был сторонником узкопрофессиональной подготовки детей в стенах школы. Следует подчеркнуть, что для него труд не должен был ограничиваться работой в мастерских, а пронизывать все школьные

занятия, всю школьную жизнь. При этом трудовое обучение должно было быть поставлено так, чтобы в процессе работы в мастерских и на фермах школьники получали общее развитие. Если в основе жизнедеятельности общества лежит труд, то и школа, по мнению Д. Дьюи, должна быть слепком или копией этого общества [8].

Д. Дьюи подчёркивал образовательный характер преподавания труда, доказывал о необходимости связи между школой и жизнью, видел в трудовых занятиях средство подготовки детей к участию в социальной жизни. «Мало будет пользы», писал он, «если мальчик или девочка научатся пришивать пуговицы или вязать. Совсем по-иному будут выглядеть занятия, если дать, например, детям сырой материал – лен, хлопчатник, шерсть в их натуральном виде. Рассказывая об этих материалах, учитель будет объяснять, почему хлопчатобумажная промышленность развилась гораздо позднее шерстяной. На фабриках детям надо показать процесс переработки шерстяного волокна. Все эти занятия следует строить так, чтобы дети попутно получали сведения по географии, истории, физике. Такие занятия обогатят школьников сведениями о материалах, основных производственных центрах, влиянии изобретения машин на развитие человеческого общества, научат понимать принципы действия машин и т. д.» [10].

Введение труда в американскую школу Д. Дьюи считал важным фактором, способствовавшим активизации всей школьной работы. Активная трудовая деятельность способствовала превращению серой, безликой массы учеников в отличающихся друг от друга индивидуумов. По мнению Д. Дьюи, «...покорность, повиновение, пассивность – удел школы автократического общества, где одно лицо определяет жизнь народа. Но при демократическом строе эти отрицательные стороны школы мешают нормальной организации общества и должны быть устранены, активная работа приведёт к полному обновлению школьного духа» [6].

Джон Дьюи, защищая идею связи трудового обучения с науками, советовал как можно теснее связывать учебные дисциплины с трудовой деятельностью людей. Например, арифметику мыслитель рекомендовал изучать не просто как самостоятельный предмет, а рекомендовал связывать арифметику с банковским делом, показывать учащимся, как банк функционирует, так как банк является двигателем современной жизни. Аналогичный подход проявлялся в педагогической теории Д. Дьюи и в отношении преподавания других дисциплин.

Историю, по мнению Д. Дьюи, не следует преподавать просто как отчёт о прошлом. Философ рекомендовал рассматривать историю в качестве формы социальной жизни. При этом, прежде всего, следует изучать экономические и промышленные стороны истории, так как «только техника выражает проблему, над разрешением которой человечество безостановочно работает» [11]. Поэтому на уроках истории учитель обязан, прежде всего, знакомить своих учеников с самыми различными трудовыми процессами человечества в прошлом и настоящем, объяснять ребятам, как люди работали с помощью первобытных орудий, как создавали новые изобретения, и как в связи с этим менялась их жизнь. Такая постановка преподавания истории, по мнению Д. Дьюи, способствовала также проявлению у детей интереса к растительному и животному миру.

Из этого краткого изложения взглядов Д. Дьюи на преподавание общеобразовательных предметов видно, что у него постоянно встречались такие термины, как «трудовая деятельность», «активная работа», «индустриальные процессы», так как в трудовой деятельности Д. Дьюи видел важный фактор приближения учебных предметов к жизни и ликвидации известной оторванности школы от жизни.

Одним из важнейших трудов Д. Дьюи в области образования является работа «Демократия и образование» [6]. Эта книга была очень популярна в США и в других странах, впоследствии переводилась на немецкий, французский, японский, русский и другие языки. В данной работе дана оценка сущности образования как потребности жизни общества. Оценивая роль образования в обществе, Д. Дьюи приходит к следующим основным выводам:

1) образование, в самом широком смысле, является средством поддержания социальной непрерывности жизни;

2) функции знания – приобретение опыта, свободно связываемого с общественным опытом; знания приобретают ценность как в опыте отдельного человека, так и совместном (общественном) опыте;

3) функцию образования как социального процесса следует рассматривать применительно к определённому типу общественного устройства;

4) проблема нравственного образования в школах имеет отношение к проблеме приобретения знаний, связанных с системой импульсов и привычек. При этом достоверность любого факта можно оценить по его результатам;

5) размышление – это точное и преднамеренное установление связи между действием и его результатами;

6) знания приобретают ценность как в опыте отдельного человека, так и совместном (общественном) опыте;

7) образование это не подготовка к жизни – это сама жизнь [11].

Таким образом, Д. Дьюи рассматривал школу как особую окружающую среду, которая является дополнением ко всей социальной среде. Школа, по мнению Д. Дьюи, обладает тройной функцией: упрощать, отбирать и объединять культурный опыт, для того чтобы упростить школа должна отбирать информацию из культурного потенциала и сокращать ее для заучивания, для отбора школа выбирает необходимые элементы культурного наследия, впоследствии школа объединяет отобранный опыт в одно целое. С тех пор как общество стало делиться на многие социальные группы, школа помогает детям из одной социальной группы понимать членов из другой социальной группы. Таким образом, как действительно объединяющая и демократически обучающее учреждение, школа должна быть открыта для всех [6].

Д. Дьюи рассматривал школу и учителя в качестве «первого средства, с помощью которого ценности, распространяются и доводятся до сознания и воли личности» [8]. Джон Дьюи стремился к воспитанию «свободной независимой личности», которая «вдохновляется любовью и руководствуется разумом» [2.С.9].

Следует отметить, что Д. Дьюи был одним из первых в западной педагогике, кто предложил сделать школу средством возрождения общества. Школа, по мнению Д. Дьюи – «кооперативное общество небольшого масштаба», а ее главное назначение – дать детям возможность накопить успешный опыт жить в сотрудничестве. Главнейшая задача школы, по мнению мыслителя, является – приучение детей к взаимопомощи, а также развитие у них сознания взаимной зависимости, содействии детям на практике развивать навыки социального поведения. При этом школа должна готовить активных самостоятельных личностей [8].

Таким образом, анализируя педагогическую деятельность Д. Дьюи, можно прийти к выводу, что он был сторонником открытого развитого общества. По его мнению, образовательная система государства достигает своего апогея, когда она обеспечивает связь между людьми и обществом.

Основываясь на положениях прагматической педагогики, Д. Дьюи противопоставил классической школьной системе, основанной на простом «слушании» и заучивании знаний, обучение «путем делания», то есть так, чтобы все знания извлекались из практической деятельности и из личного опыта ребёнка [12].

Поэтому не удивляет то, что прагматическая педагогика Д. Дьюи приобрела значительную популярность. Быстрое распространение идей Дьюи в США в конце XIX – начале XX в. объяснялось не только большой педагогической ценностью многих из них, но прежде всего тем, что школа в США в этот период действительно стала массовой и требовала изменения форм и содержания обучения.

Следует отметить, что педагогическая концепция прагматизма Д. Дьюи оказала большое влияние и на систему образования других стран. Так, его идеи нашли своё

выражение в программах советских школ и в «методе проектов», применявшемся в СССР в 20–30-е годы. В 1928 году Д. Дьюи лично посетил СССР. Распространяя свои идеи, Д. Дьюи выезжал также в Китай, Японию, Англию, Мексику, Турцию и другие страны [16].

Оценивая вклад Д. Дьюи в развитие педагогической мысли в США, можно заключить, что предлагаемая им концепция прагматической педагогики послужила главной теоретической основой развития системы школьного образования в США в конце XIX начале XX века. Основные черты прагматической педагогики Д. Дьюи можно сформулировать следующим образом:

1) взгляд на воспитание как на постоянную реконструкцию личного опыта ребёнка. Весь процесс обучения рассматривается как приобретение обучаемыми нового опыта, получаемого через практику. При этом роль учителя сводится к общей организации и консультированию учащихся в процессе их работы;

2) в процессе обучения важную роль играют личные импульсы и потребности ребёнка. При этом важными предметами при обучении являются: письмо, рисование, математика, лепка, труд, то есть те, которые способствуют самовыражению ребёнка, помогают ему выразить свои индивидуальные представления, склонности;

3) метод «учения посредством деятельности» (игровой и трудовой), в процессе которого дети попутно приобретают знания и навыки, требуемые для лучшего выполнения поставленных перед ними задач. Дети должны сами планировать свою деятельность, а учитель должен быть лишь более опытным товарищем и помощником детей;

4) улучшение работы школы является важным средством преобразования в обществе. Будучи «обществом в миниатюре», школа не только готовит детей к общественной жизни, но и влияет на общество, учитывая его интересы при обучении.

Но развитие системы школьного образования в США показывает, что идеи прагматической педагогики Д. Дьюи использовались преимущественно в частных и опытных школах (при университетах), а с 20-х годов XX века эта концепция получила широкое применение в массовой и особенно в начальной школе США. Одна из причин этого состоит в том, что по мере роста числа школ в США в 20-е годы возникла необходимость искать новые способы подготовки более квалифицированных специалистов для промышленности [3].

Таким образом, Д. Дьюи выдвинул свою теорию образования, ориентированную на реальные потребности общества. Учёный подчёркивал образовательный характер преподавания труда и, утверждая необходимость органической связи между школой и жизнью, видел в трудовых занятиях средство подготовки детей к участию в социальной жизни.

Библиографический список

1. **Бим-Бад Б.М.** Дьюи Дуи (Dewey), Джон / Б.М. Бим-Бад // Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 527 с. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/pedagogic/fc/slovar-196-3.htm#zag-1063> (дата обращения: 15.10.2019).
2. **Бим-Бад Б.М.** Педагогические течения в начале XX века: лекции по педагогической антропологии и философии образования / Б.М. Бим-Бад. – М.: Изд-во УРАО, 1998. – 119 с. – [Электронный ресурс]. – URL: – http://www.bim-bad.ru/docs/bimbad_pedtechenija.pdf. – С. 9. (дата обращения: 15.10.2019).
3. **Бим-Бад Б.М.** Джон Дьюи как педагог / Б.М. Бим-Бад. – М.: Изд-во УРАО, 2000. –130 с. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=588 (дата обращения: 15.10.2019).
4. **Грэм П.** Америка за школьной партой. Как средние школы отвечают меняющимся потребностям нации / Пер. с англ. под науч. ред. Д. А. Александрова / П. Грэм. – М.:

- Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. – 288 с. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://id.hse.ru/books/47158003.html> (дата обращения: 15.10.2019).
5. **Джуринский А. П.** Реформы зарубежной школы. Надежды и действительность / А.П. Джуринский. – М.: Знание, 1989. – 80 с. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001483135> (дата обращения: 15.10.2019).
6. **Дьюи Д.** Демократия и образование / Пер. с англ. / Д. Дьюи. – М.: Педагогика-пресс, 2000. – 382 с. – [Электронный ресурс]. – URL: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Dewey/_01_Dewey_J_Democratic_conception_of_education.htm (дата обращения: 15.10.2019).
7. **Дьюи Дж.** Моё педагогическое кредо, 1897 / Д. Дьюи. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://altruism.ru/sengine.cgi/5/7/8/7/9> (дата обращения: 15.10.2019).
8. **Дьюи Д.** Школа и общество / Пер. с англ. Г. А. Лучинского / Д. Дьюи. – Изд. 2-ое. – М.: Гос. изд-во, 1924. – 174 с. – [Электронный ресурс]. – URL: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Dewey/_02_Dewey_J_The_School_and_Society.htm (дата обращения: 15.10.2019).
9. **Дьюи Д.** Психология и педагогика мышления / Пер. с англ. / Д. Дьюи. – М.: Совершенство, 1997. – 203 с. – [Электронный ресурс]. – URL: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Dewey/_05_Dewey_J_How_we_think.htm (дата обращения: 15.10.2019).
10. **Дьюи Д.** От ребенка – к миру, от мира – к ребенку // Дьюи Д. Педагогические статьи / сост., вступ. ст. Г. Б. Корнетова. / Д. Дьюи. – М.: Карапуз, 2009. – 352 с. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://educ.wikireading.ru/5705> (дата обращения: 15.10.2019).
11. **Дьюи Дж.** Статьи по теме Школа и общество / Д. Дьюи. – Москва, 1925. – 150 с. – [Электронный ресурс]. – URL: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Dewey/_02_Dewey_J_The_School_and_Society.htm (дата обращения: 15.10.2019).
12. **Дьюи Д.** Школа и ребенок / Пер. с англ. Л. Азаревич. / Д. Дьюи. – М.; Петроград : Гос. изд-во, 1923. – 7 с. – [Электронный ресурс]. – URL: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Dewey/_03_Dewey_J_The_Child_and_Curriculum.htm (дата обращения: 15.10.2019).
13. **Карпачева Н.В.** Проблема взаимодействия школы и социальной среды в педагогическом учении Джона Дьюи / Н.В. Карпачева // Вестник Тамбовского университета им. Г.Р. Державина. Серия: гуманитарные науки. – Вып. 5(49). – Тамбов: ТГУ, 2007. – С. 92–96. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vzaimodeystviya-shkoly-i-sotsialnoy-sredy-v-pedagogicheskom-uchenii-dzhona-dyui> (дата обращения: 15.10.2019).
14. **Корнетов Г. Б.** К 155-летию со дня рождения Джона Дьюи (1859–1952) / Г. Б. Корнетов // Историко-педагогический журнал. – 2014. С.39-42– [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-155-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-dzhona-dyui-1859-1952> (дата обращения: 15.10.2019).
15. **Кумсков В. В.** Педагогические идеи Д. Дьюи и советское образование 1920-х гг. / В. В. Кумсков // Ярославский педагогический вестник. – 2011 – № 3 – Том II. (Психолого-педагогические науки) 2011. – С. 7–11. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-idei-d-dyui-i-sovetskoe-obrazovanie-1920-h-gg> (дата обращения: 15.10.2019).
16. **Рогачева Е.Ю.** Нереализованная мечта Джона Дьюи / Н. Ю. Рогачева // Интернет-журнал «Проблемы современного образования». – 2013. – № 2. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/nerealizovannaya-mechta-dzhona-dyui> (дата обращения: 15.10.2019).
17. **Томина Е.Ф.** Педагогические идеи Джона Дьюи: история и современность / Е.Ф. Томина // Вестник ОГУ. – No2 (121)/февраль 2011. – С. 360–366. – [Электронный ресурс]. – URL: http://vestnik.osu.ru/2011_2/62.pdf (дата обращения: 15.10.2019).

УДК 94(47).084

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин С.А. Меганов

Россия, г. Воронеж, тел. (473)277-51-34; e-mail: sergmeg@rambler.ru

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин И.М. Бухтоярова

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 2447832; e-mail: imb1985@yandex.ru

Military educational scientific center of the air force Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin

Ph.D. in History, senior lecturer humanities and social and economic sciences chair

S. A. Meganov, Russia, Voronezh, tel. (473) 277-51-34; e-mail: sergmeg@rambler.ru

Military educational scientific center of the air force Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin

Ph.D. in History, senior lecturer humanities and social and economic sciences chair

I.M. Bukhtoyarova, Russia, Voronezh, tel. (473) 2447832; e-mail: imb1985@yandex.ru

С.А. Меганов, И.М. Бухтоярова

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917 ГОДУ

В статье рассматриваются особенности формирования новой советской политической системы в Советской России в период Октябрьской революции 1917 г., первые месяцы существования Советской страны.

Ключевые слова: политическая система, Советская власть, Октябрьская революция

S.A. Meganov, I.M. Bukhtoyarova

FORMATION OF THE POLITICAL SYSTEM IN SOVIET RUSSIA IN 1917

The article discusses the features of the formation of a new Soviet political system in Soviet Russia during the October revolution of 1917, the first months of the existence of the Soviet country

Key words: political system, Soviet power, October revolution

Проблема формирования советской политической системы в 20-е гг. XX века занимает особое место в исследованиях современных историков. В связи с недавним столетним юбилеем событий Октябрьской революции 1917 г. возникла необходимость пересмотра ряда ключевых моментов истории. В последнее время опубликованы источники, ранее находившиеся под грифом «секретно». В свете новых публикаций, посвященных революционным событиям в России, стали подниматься проблемы гражданской войны. Историки до настоящего времени так и не пришли к единому мнению, что же произошло в 1917 г. – переворот или Великая революция? Не существует и единого мнения – так уж необходима была революция в октябре 1917 г.? Насколько оправдала себя новая политическая система, разрушив монархические основы трехсотлетней истории дома Романовых? В нашей статье будет предпринята попытка рассмотреть основные направления формирования советской политической системы в первые дни Октябрьской революции и их особенности.

В современном мире в условиях трансформации системы политической власти большое значение имеет изучение опыта предшествующих периодов истории России. Особое место занимает советский период отечественной истории. Проблеме социально-политического развития Советского государства в период 1917-1920 гг. посвящено немало работ в отечественной историографии. В XXI ученые навсегда отказались от советских идеологизированных шаблонов, они активно используют архивные источники, позволяющие исследователям глубже понять данный период.

Изучение процесса формирования советской политической системы страны имеет важное практическое значение. Сейчас политическая система является одним из элементов, определяющих устойчивое развитие российского общества. В целях выявления положения правящей партии в обществе в годы Октябрьской революции и Гражданской войны необходимо проанализировать процесс становления новой политической системы, а также деятельность советских руководящих кадров центральных и местных органов государственного управления. Установление Советской власти являлось составной частью общего революционного процесса в стране, завершившегося свержением старой власти, сломом всего государственного аппарата и утверждением власти Советов. Приход большевиков к власти в 1917 г. и их планы были связаны с марксистской идеей установления «диктатуры пролетариата» в мире. Эту идею большевики безоговорочно восприняли, превратив в девиз своей партии, с той разницей, что впоследствии использовали ее уже не для распространения во всем мире, а в отдельно взятой стране.

Свержение Временного правительства в Октябре 1917 г. в результате событий 25 – 26 октября 1917 г., именуемых и как революция, и как государственный переворот, в Петрограде явилось началом нового этапа в истории нашей страны – советского. Большевики, утвердившиеся у власти, обозначили переход всей власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Этот процесс был довольно сложным и противоречивым, так как не все Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которых было в октябре 1917 г. – 402 человека, приняли большевистскую точку зрения на дальнейшее развитие России по пути советизации и большевизации. В этой связи оформление советской политической системы проходило по всей стране не так гладко, как представлялось правящей партией – большевикам. До Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. вопрос о том, будет ли новое советское правительство однопартийным или многопартийным, не обсуждался. Вопрос не стоял, так как в политической борьбе сталкивались интересы более 50 политических партий, действовавших в начале 1917 г. на политической сцене страны. И именно большевики, призывали к взятию власти Советами, в которых преобладали до октября 1917 г. представитель различных политических партий. Вопрос о многопартийном или однопартийном правительстве, также не стоял, так как лидеры большевиков верили в скорую победу мировой пролетарской революции (В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий). Коренной перелом в решении этого вопроса произошел на II всероссийском съезде Советов, когда было сформировано большевистское правительство Совет Народных Комиссаров (СНК) во главе с лидером партии В.И. Лениным. Важная роль в становлении Советского государства и государственного аппарата принадлежала II Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов. На Втором съезде Советов вновь, как и летом 1917 г., возможность создания многопартийного правительства была упущена. По вине, в первую очередь, меньшевиков и правых эсеров, ушедших со съезда, Россия не пошла по пути формирования многопартийного правительства. Не имея альтернативы, а в то же время, имея абсолютное большинство на II съезде Советов, большевики сразу, в первые дни Октябрьской революции сформировали однопартийное правительство – Совет Народных Комиссаров (Совнарком, СНК) во главе с В. И. Лениным [1.С.30].

После прихода большевиков к власти, основные политические партии в этом отношении разделились на три основных лагеря: тех, кто был готов к сотрудничеству с большевиками и поддержал их приход к власти (левые эсеры); тех, кто осудил переворот, но разделял идею создания однородного социалистического правительства без В.И. Ленина и

Л.Д. Троцкого (меньшевики-интернационалисты); партии, безоговорочно отрицавшие большевизм и стоящие на позициях парламентской демократии (кадеты, правые эсеры, народные социалисты, меньшевики-оборонцы и др.).

Второй съезд Советов начал свою работу уже вечером 25 октября и провозгласил себя высшим органом власти в России. По мнению большевиков, Съезд должен был легализовать их власть. Но не все делегаты, представлявшие различные политические партии, смогли выдержать напряженную обстановку заседания. Так, партии меньшевиков и правых эсеров покинула Съезд, который носил учредительный характер. Во время заседания были созданы руководящие государственные органы и приняты первые правовые акты, имевшие основополагающее значение для всей страны. В состав нового советского правительства октября 1917 г. вошли лишь большевики и левые эсеры. Началось формирование новой советской политической системы. Новый государственный аппарат был сформирован здесь же, в ходе заседания. Высшим законодательным органом стал съезд Советов. В перерывах между съездами его функции исполнял Всероссийский Центральный исполнительный Комитет (ВЦИК). Высшим исполнительным органом являлся Совет Народных Комиссаров (во главе с В.И. Лениным). Этот орган обладал также правом законодательной инициативы. Вместо министерств были сформированы народные комиссариаты (наркоматы). В состав наркоматов в основном вводились рабочие крупнейших заводов Петрограда. Второй Съезд стал ключевым еще и потому, что на нем были утверждены важнейшие декреты Советской власти – «Декрет о мире», «Декрет о земле», «Декрет о власти» [1.С.36].

Советы начинают играть особую роль в новой политической системе Советского государства, складывающейся во второй половине 1917 г. Однако для утверждения на местах новая власть нуждалась в хорошей защите. И здесь немаловажным стал факт создания органов правопорядка. Для охраны общественного порядка в октябре 1917 г. создали рабоче-крестьянскую милицию. В ноябре один из декретов СНК учредил народные суды в составе председателя и народных заседателей. В начале советского периода особую важность приобрели политические дела, которые рассматривались в революционных трибуналах. В декабре 1917 г. при СНК была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Возглавил этот карательный орган Ф.Э. Дзержинский. Комиссия получила неограниченные полномочия со стороны государства: от ареста и следствия до вынесения приговора и его исполнения. ВЧК была выведена из-под государственного контроля и согласовывала свои действия лишь с высшим партийным руководством страны. Она была первым карательно-репрессивным органом по борьбе с контрреволюцией. ВЧК с легкостью предавала суду Революционного трибунала всех саботажников, предварительно проводя расследования. Меры, которые использовались данным карательным органом – конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д. [11.С.37]. Первые функции ВЧК заключались в подавлении или предотвращении антисоветских выступлений, как в городе, так и в деревне. Ведущая роль новой правящей партии – РКП (б), во многом определила значение органов ВЧК в системе государственной власти. Партия большевиков выступила инициатором передачи ВЧК максимум полномочий, необходимых для того, чтобы выполнять контролирующие и репрессивные меры в отношении несогласных с политикой Советской власти.

Одним из составляющих процесса формирования политической лояльности являлся контроль за политическими настроениями граждан. При этом необходимо отметить, что большевики не были «пионерами» в этой сфере деятельности. В царской России также уделялось значительное внимание контролю за политическими настроениями граждан. В годы Советской власти контроль за лояльностью граждан политическому режиму стал тотальным и охватил все сферы жизни населения. Отсутствие легальной политической оппозиции привело фактически в Октябре 1917 г. к диктатуре одной правящей партии – большевиков. Необходимость ликвидации нелегально существующей после Октябрьской революции 1917 г. партии стала задачей новых карательных органов власти,

сформированных по инициативе большевистской партии в декабре 1917 г. Создание разветвленной системы контроля было необходимо, так как в обстановке запрета оппозиционных партий и групп, отсутствия свободной прессы и реальных выборов режим не мог доверять собственным официальным средствам массовой информации, выполняющим прежде всего пропагандистскую роль и нуждался одновременно в относительно объективных данных о реальных настроениях и позициях населения [12.С.16]. Политический контроль нужен был также и для расправы с политическими противниками, для подавления любого инакомыслия, угрожающего реально или мнимо существованию режима. В данном аспекте он неразрывно связан с политическим сыском. Кроме того, политический контроль давал возможность формировать нужные режиму представления у различных социальных слоев. Режим большевиков стремился не только уловить реальные политические настроения населения, но и целенаправленно на них воздействовать в отсутствии реальной оппозиции и при наличии легальной пропаганды [13.С.16].

В конце 1917 г. в России появляется еще одна возможность для формирования многопартийного правительства, в котором было уже две партии – большевики и левые эсеры. Не исключалась возможность появления третьей.

Эта возможность была подготовлена всем предшествующим периодом исторического развития России. Как отмечает П.Н. Соболев, «причины создания многопартийной системы в Советском государстве коренились в социально-экономических условиях» [12.С.26]. Однако, эти же условия стали и причиной совсем других процессов в России после октября 1917 г. – гражданской войны и установления диктатуры одной партии. Что же это были за условия, о которых говорили В.И. Ленин, Г.В. Плеханов, П.Н. Милуков, лидеры ведущих партий?

Сущность вопроса о выборе пути в России сводится к следующему. По мнению Г.В. Плеханова Россия 1917 г. оказалась не готова к социализму, строительство которого провозгласила большевистская партия, так как капитализм в России не достиг достаточной зрелости. Лидеры непролетарских партий считали, что социально-экономические условия не позволят России осуществить переход к социализму. П.Н. Милуков говорил, что России социализм был всегда чужд [13.С.16]. Однако для большевистских вождей такие аргументы руководителей непролетарских партий были после октября 1917 г. неприемлемы, потому что именно социалистическим лозунгам поверил народ, пошедший в 1917 г. за большевиками. И именно народ привел в октябре 1917 г. большевиков к власти. До этого момента ни одной партии этого не удавалось.

После взятия власти большевиками многие партии, в первую очередь кадеты, поставили перед собой цель любыми средствами свергнуть пришедшее к власти большевистское правительство. Курс на утверждение однопартийной политической системы (т. е. такой системы, при которой сохраняется единственная и, следовательно, правящая партия) полностью соответствовал теоретическим представлениям о государстве диктатуры пролетариата. Власть, опирающаяся на прямое насилие и систематически применяющая его в отношении инакомыслящих, могла не бояться политического соперничества и оппозиции со стороны других партий. Помимо этого не допускались разносторонние взгляды и альтернативные группировки внутри правящей партии [15.С.36].

Установление нового правительства во главе с В.И. Лениным повлекли за собой ряд серьезных изменений в положении политических партий России. Партия большевиков стала правящей, а мелкобуржуазные партии были отстранены от власти и получили антисоветскую окраску. После победы в Петрограде Советская власть постепенно в течение довольно короткого срока установилась в других городах (например, в Воронеже 26 октября). Из 97 наиболее крупных городов России мирным путем она была установлена в 79 (бои были в Москве, Новгороде, Туле, Калуге, Воронеже, Астрахани и некоторых других). К 1 марта 1918 г. Советская власть относительно легко одержала победу на всей территории России. Решающую роль здесь сыграло как знание большевиками настроения народных масс, так и отсутствие единого политического центра у политических противников.

Таким образом, оформление однопартийной системы в Советской России в период революции и гражданской войны было объективно обусловленным явлением в истории Советской России, так как в течение 1917 г. парламентаризм в России оказался неспособным изменить ситуацию в стране, повлиять на улучшение экономической, политической обстановки в государстве. Россия оказалась не готовой к демократическим преобразованиям, о которых в 1917 г. говорил Г.В. Плеханов. История борьбы большевиков с непролетарскими партиями доказала, что в период революционных преобразований могут победить лишь радикальные революционные силы, которые на пути к власти используют все средства. Формирование советской политической системы, начавшееся уже во время вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 г., завершилось в начале 1918 г., после разгона Учредительного собрания, призванного сформировать новую политическую систему на основе многопартийного правительства. Там, представители разных политических сил могли бы участвовать в решении государственных вопросов. После разгона большевиками Учредительного собрания в России окончательно утвердилась советская модель политической системы и государственного управления, определившая вектор развития нашей страны более, чем на 70 лет.

Библиографический список

1. **Адамова И.А.** Вопросы внутрипартийной жизни РСДРП(б) – ВКП(б) в первые годы пролетарской революции / И.А. Адамова. - М., 1982. – 270 с.
2. Борьба политических сил России за различные пути развития революции. – Воронеж: ВГПИ, 1990. – 86 с.
3. **Буденко Н.Н.** Советская многопартийность. Проблемы формирования. 1917-1991 / Н.Н. Буденко. – М., 1991. – 350 с.
4. Всероссийское Учредительное собрание. Первый и единственный день его занятий (5-6 января 1918 г.). – Одесса, 1918.
5. (Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сб. документов. – М., 1957. – С. 15-16.).
6. **Знаменский О.Н.** Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения / О.Н. Знаменский. – Л.: Наука, 1976. – 364 с.
7. **Ленин В.И.** Полн. собр. соч./ В.И. Ленин. – Т. 35. – С. 228.
8. Первый день Всероссийского Учредительного собрания 5-6 января 1918 г. Стенографический отчет. РГАСПИ. Ф.274. Оп. 1. Д.50. Л. 3.
9. **Плеханов Г.В.** Буки, Азь-Ба / Г.В. Плеханов // Диалог. – 1990. – №11. – С. 30.
10. Политические партии России в контексте ее истории. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 512 с.
11. **Протасов Л.Г.** Всероссийское Учредительное собрание / Л.Г. Протасов. – М.: РОССПЭН, 1997.- 80 с.
12. Протоколы заседаний фракций и бюро фракции эсеров членов Учредительного собрания. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45. Л. 299.
13. **Тропов И.А.** Особенности функционирования советской системы в России в 1917 г. / И.А. Тропов. – М., 1997. – 400 с.
14. **Чернов В.М.** Перед бурей / В.Н. Чернов. – М.: Международные отношения, 1993. – 408 с.

УДК 37.014

*Елецкий государственный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и историко-культурного наследия
О.Г. Некрылова
Россия, г. Елец, тел. 8-960-158-25-99;
e-mail: nekrylova_80 @ mail.ru*

*Yelets State University
PhD in history, Associate Professor of the Department of
History and Historical and Cultural Heritage
O.G. Nekrylova
Russia, Yelets, tel. 8-960-158-25-99;
e-mail: nekrylova_80 @ mail.ru*

О.Г. Некрылова

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В 1920-е гг.**

Поиск новых методов и технологий формирования сознания современной российской молодёжи требует критического осмысления пути, пройденного советской школой, особенно в области содержания исторического образования, выявления как позитивных, так и отрицательных сторон прошлого опыта. С этой точки зрения заслуживает внимания теория и практика советской школы 1920-х гг., когда после Октябрьской революции 1917 г. начинается процесс становления исторического образования и закладываются основы нового, революционного мировоззрения молодёжи.

Ключевые слова: История России, модернизация исторического образования, обществоведение, программы Государственного ученого совета (ГУСа), педагогика, методы обучения.

O.G. Nekrylova

**DEVELOPMENT OF SCHOOL HISTORICAL EDUCATION
IN THE 1920S**

The search for new methods and technologies for the formation of consciousness of modern Russian youth requires a critical understanding of the path traveled by the Soviet school, especially in the field of the content of historical education, and the identification of both positive and negative aspects of past experience. From this point of view, the theory and practice of the Soviet school of the 1920s deserves attention, when after the October Revolution of 1917 the process of the formation of historical education begins and the foundations of a new, revolutionary worldview of youth are laid.

Key words: Russian history, modernization of historical education, social science, programs of the State Academic Council (GUS), pedagogy, teaching methods.

С победой Октябрьской революции произошла крутая ломка того исторического образования, которое существовало в дореволюционной России. Особое внимание руководства большевиков было направлено на изменение идеологической направленности школьного образования, на обучение и воспитание подрастающего поколения в духе пролетарского мировоззрения. На основе рассмотрения 1917 года как начала подлинной истории России переосмысливалось историческое прошлое, давались иные оценки фактам, событиям, историческим деятелям. При этом ведущим ориентиром для развития образования являлся классовый подход, с позиций которого и осуществлялась эта работа. В. И. Ленин писал: «вся постановка дела просвещения должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры...» [2.С.25]. В условиях классовой борьбы и изменения идеологии, история рассматривалась как инструмент переосмысления современности, понимания политики Коммунистической партии и правительства.

Именно история должна была по-новому осветить весь исторический процесс развития общества, сформировать у учащихся материалистическое мировоззрение, выработать марксистско-ленинский подход к оценке окружающей действительности.

История становления советской системы образования берет свое начало с выпущенного в октябре 1917 года «Обращения к населению». В документе указывалось, что первоочередной задачей Совета Народных Комиссаров является достижение «в кратчайшие сроки всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения» [12. С.8].

11 декабря 1917 года было подписано Постановление о «Передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению», которому предстояло разработать основы новой системы образования. В ведение Наркомпроса входило дошкольное воспитание, борьба с неграмотностью, общеобразовательная и высшая школы, профессиональное образование, пропаганда марксизма и борьба с буржуазной идеологией, социальное воспитание, наука, литература, искусство, книгоиздательство. На пост наркома, по рекомендации В. И. Ленина, был назначен А. В. Луначарский. «Этот человек, не только знает все, и не только талантлив, этот человек любое партийное поручение выполнит, и, выполнит превосходно», писал В. И. Ленин [2.С.39].

Партия большевиков поставила перед Наркомпросом сложнейшие задачи, решение которых А. В. Луначарский соотносил со стратегическими установками партии. По его мнению, школа должна была превратиться из орудия классового господства буржуазии в «орудие коммунистического перерождения общества». Он резко выступал против тех, кто ратовал за аполитичность школы. В своем выступлении на I Всероссийском съезде по просвещению (26 августа 1918 г.) Луначарский подчеркивал, что борьба за школу, за просвещение народных масс, является не менее важным условием подлинного народовластия. «Школа — органическая часть советского общества, она должна быть пропитана новым духом, от нее должны исходить воспитательные силы, она должна влиять на пролетарские и полупролетарские слои общества, активно участвовать в социалистическом строительстве» [9.С.56-69]. Связь воспитания и обучения с жизнью, с практикой коммунистического строительства — этот принцип, был провозглашен Луначарским, как важнейший в строительстве новой школы.

В свете новых задач особую остроту приобретает проблема исторического образования молодёжи, формирования революционного мировоззрения и материалистического понимания законов развития общества. Первые примерные программы по истории Наркомпрос обнародовал в 1920 г. В программах на первое место выдвигалось знакомство учащихся с историей производительных сил и производственных отношений, упор делался на изучение истории классовой борьбы и революций, на ознакомление с идеологией рабочего класса, теорией научного социализма. С этой целью в учебные планы включались такие предметы как история социализма, история труда, история искусства. Анализируя программы нетрудно заметить их целевую и идеологическую направленность, сформулированную в резком противопоставлении новой системы исторического образования дореволюционной. Видный историк и деятель народного образования 1920-х гг. М. Н. Покровский писал, «...массовые движения должны составить основу исторического образования, а всякие «исторические» лица и персонажи, если они не связаны с массовым движением, естественным образом уйдут за пределы этого курса». Далее он высказывался еще более категорично: «...русская народная масса должна, наконец, иметь историю русского рабочего и русского крестьянина, а не русского помещика и русского капиталиста» [13.С.11-12].

Другим направлением в формировании нового исторического сознания стал интернационализм. Нарком просвещения А. В. Луначарский отмечал, «коммунист отличается от индивидуалиста именно тем, что, говоря «человек», он тем самым

предполагает «человечество» [11.С.59]. С этих позиций национальное самосознание, патриотизм рассматривались как атрибуты прошлого, не соответствующие новой революционной идеологии. Составной частью нового мировоззрения являлся и воинствующий атеизм, нацеленный не только на критику церковных догм, но и на раскрытие с классовых позиций роли духовенства в истории страны.

Вся эта совокупность идей, содержащая новый взгляд, как на историю, так и на современность, реализовывалась через определенную педагогическую систему, нацеленную на формирование нового исторического сознания молодежи. Это нашло отражение в создании программы по обществоведению для семилетней школы. Под обществоведением подразумевался определенный синтез различных общественных наук - экономика, право, история. В преподавание дисциплины в качестве отдельных элементов входили и некоторые исторические знания, преимущественно обобщенного характера, а исторические факты использовались для иллюстрирования общих положений.

Нетрудно заметить, что подобная система работы, реализуя заложенные в нее целевые установки, вместе с тем формировала определенный схематизм мышления, порождала односторонние, упрощенные представления об историческом прошлом. В результате эти программы не только подрывали основы дореволюционного исторического образования, но и ставили перед учителем задачу радикальной научно-исторической переквалификации.

В 1923 г. Наркомпрос выпустил новые комплексные программы для семилетней школы, подготовленные научно-педагогической секцией Государственного ученого совета (ГУСа) при Народном комиссариате просвещения. Содержание новых программ было тесно связано с хозяйственными и политическими задачами страны, направлено на формирование нового, коммунистического мировоззрения, воспитание у учащихся активности, самостоятельности, творческой инициативы. В центр программы ставилась трудовая деятельность людей, которая должна была изучаться в связи с природой как объектом этой деятельности и общественной жизнью как следствием трудовой деятельности. Предметная система как таковая ликвидировалась, вместо нее вводилось комплексное построение учебного материала. Цели школы, писала Н. К. Крупская, «дать ребенку понимание живой действительности, достигнуть этого можно, лишь вскрыв те связи, которые существуют между явлениями в реальной жизни, осветив надлежащим образом эти связи, показав, как они возникают и развиваются» [6.С.80].

В центр внимания было поставлено изучение современности. Как отмечали известные методисты тех лет, «всякую проблему для изучения нужно брать не абстрактно, вне связи с жизнью, а исходя из местных, краевых интересов, идя от фабрики, от рабочего. Потом ее следует разрешить и на соответствующем историческом и современном материале, но так, чтобы это решение выводило из узкого круга эгоистических интересов и помогало в борьбе в данном крае, на данной фабрике, данному рабочему за коммунизм» [1.С.135]. Таким образом, была предпринята попытка устранить существенный недостаток дореволюционной школы, т.е. разрыв между школьными учебными предметами и оторванность обучения от жизни.

В книге М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», изложение велось именно по таким разделам: государство Романовых, крестьянская революция, рабочее движение и др. Например, в ходе изучения комплексной темы о развитии сельского хозяйства на уроках обществоведения, учащиеся рассматривали социально-экономические условия происхождения крепостного права, борьбу крестьян в XVIII-XIX вв., крестьянскую реформу 1861 г., развитие капитализма в сельском хозяйстве в пореформенный период, крестьянство в революции 1905-1907 гг. При рассмотрении комплексной темы «рабочее движение», изучалась история капитализма, борьба рабочего класса на Западе и в России и т. д.

Не только отбор содержания образования, но и построение всего учебно-воспитательного процесса было нацелено на тесную связь с современностью. Как отмечал известный педагог С. Т. Шацкий, «та школа, которая нам нужна,— это школа, которая

организует и изучение жизни, и участие школы в ней» [15.С.31]. Главным условием правильного использования программ ГУСа ее составители считали развитие у школьников самостоятельности в работе. «Учащийся трудовой школы тем и отличается от зубрящего ученика словесной школы, что он работает, ищет, исследует. Как бы ни были малы материальные ресурсы нашей школы, все же активность и самостоятельность учащегося должны быть в педагогическом процессе выдвинуты на первый план» [14.С.104]. В документе также отмечалось, что знакомство с природой и жизнью, окружающими ребенка, должно производиться путем непосредственных наблюдений самих детей, самостоятельного экспериментирования и постановки элементарных исследований, но не со слов учителя и не по книге.

Разрабатывались такие методы и организационные формы, которые бы всемерно способствовали развитию у учащихся активности и самостоятельности посредством их участия в общественно-политической и трудовой жизни страны. К ним относились работа по исследовательскому методу, внедрение метода проектов, организация итоговых выставок и конференций. Учащиеся проводили анкетирование среди рабочих, выступали с докладами перед крестьянами, работали в местной газете, осуществляли шефство над деревенской школой и т. д.

Школьный учебник по истории отменялся, вместо него появились «рабочие книги» различных типов. Наиболее «радикальным» пособием была так называемая «Подвижная лаборатория по обществоведению», разработанная под руководством Б.Н. Жаворонкова и С. Дзюбинского. Пособие содержало статьи различных авторов на темы по обществоведению и истории. Авторы совершенно не заботились о доступности материала для учащихся, не сопровождали его никакими методическими пояснениями, ориентируясь только на самостоятельную работу школьников. Педагог в школе, по мнению Жаворонкова, «не преподаватель, он не искусный вещун готовых знаний, которые в готовом виде проглотит ученик, он только организатор, помощник в самостоятельной работе учеников» [4.С.5].

Другим пособием были «Рабочие книги по обществоведению» для V, VI и VII классов. От обычных учебников они отличались тем, что в конце каждой главы помещались документы и материалы, контрольные вопросы, темы для самостоятельной работы. Считалось, что учащиеся могут самостоятельно «исследовать» источник без достаточных знаний исторического курса. Это была явная переоценка сил учащихся средней школы, и как следствие, вело к вульгаризации самих научных знаний, к крайне слабому усвоению основ исторической науки.

С методической точки зрения в программе по обществоведению учителям рекомендовалось широко применять метод активного наблюдения. «Если правильно будет применен принцип от местного к общему и учащиеся приобретут постепенно навыки к активным наблюдениям над окружающей действительностью, то будут созданы благоприятные условия для доступных ребятам обобщений» [14.С.3]. В свете этих задач ряд педагогов подвергли резкой критике классно-урочную систему организации учебного процесса, как характерную для дореволюционной школы. Несостоятельность классно-урочной системы «обосновывалась» с психологической и педагогической точки зрения. Утверждалось, что школьники обречены на пассивное восприятие материала, неподвижное сидение за партами, не возможность работать в соответствии с индивидуальными способностями.

Стремление укрепить связь школы с жизнью приводит к широкому использованию краеведческого и, в частности, обществоведческого материала. Экскурсии по обществоведению строились на активном наблюдении учащихся, а их главной целью являлось «научить учащихся видеть окружающую действительность, черпать из нее жизненные представления, сравнивать наблюдаемые явления, чтобы выработать к ним свое отношение» [14.С.11]. Школьник должен быть «активно действующим лицом в экскурсии», а учитель лишь организует, регулирует его наблюдения и действия. В программе давались примеры обществоведческих экскурсий, обращалось внимание на методику их проведения.

Анализируя программы ГУСа, следует иметь в виду те исторические условия, в которых они разрабатывались. С одной стороны, в начале 1920-х гг., когда перед советскими педагогами стояла задача строительства принципиально новой школы, внесения в ее работу революционного содержания, программы ГУСа, несмотря на многие недостатки, способствовали решению поставленных целей. С другой, из школьного образования исчезает систематический курс истории, который заменяется небольшими социологическими экскурсами в прошлое по определенным темам, например, история крестьянства, история рабочего класса и т. д. Глубина этих экскурсов не простиралась дальше начала истории развития капитализма, все исторические периоды, предшествовавшие капитализму, исключались из программы. Изучение самой истории капитализма велось не в плане хронологического изложения последовательно взаимодействующих явлений и событий, учащимся излагался материал об отдельных искусственно изолированных общественных явлениях (истории дворянства, крестьянства, рабочего класса). В результате построение программ по комплексам, отказ от преподавания отдельных предметов привели к тому, что страдало само содержание исторического образования.

Следует отметить, что программы 1920-х гг. привели к изданию обширной методической литературы, на страницах которой обсуждались вопросы преподавания обществоведения и истории. Периодические педагогические издания, главным образом журналы и бюллетени, стали возникать повсеместно. Издавался теоретический орган ГУСа - «На путях к новой школе», «Народное просвещение» и «Коммунистическое просвещение» — журналы Наркомпроса, «Народный учитель» — орган профсоюзной организации, «Вестник просвещения» — орган Московского областного отдела народного образования, а также ряд методических журналов. Предпринимались попытки издавать педагогические журналы и во многих губернских городах.

Для всестороннего обсуждения вопросов школьного строительства ЦК партии в 1925 г. созвал I Всесоюзный съезд учителей. В ходе дискуссий о целях и задачах функционирования новой системы образования, большинство учителей выступило с резкой критикой программ ГУСа, и против комплексного построения учебных планов и программ. В ходе обсуждения наметились три основных методических течения: «ленинградское», «московское» и методическое направление секции общества марксистов-историков.

Центральное положение занимало «московское» направление, главными представителями которого были Б. Жаворонков, С. Дзюбинский, С. Сингалевич [4.С.31]. Сторонники так называемого московского течения придерживались официальной программы ГУСа и резко критиковали «сухой академизм» в школьной работе. Революционное значение программ ГУСа они, как и сами авторы программ, видели в том, что обучение велось не от книги, а от наблюдений окружающей жизни в деревне, городе, стране, мире. «Школа должна научить ребенка наблюдать, изучать, ставить вопросы и опыты окружающей его природе и получать от нее ответы» [7.С.79]. Что касается самостоятельного предмета истории, то «московское» направление решительно отказывалось от истории как научной дисциплины, допуская лишь исторические экскурсии в связи с отдельными «обществоведческими темами».

Наиболее ярким представителем, так называемого ленинградского течения, был А.Е. Кудрявцев. Признавая важность и целесообразность изучения в V-VII классах тем по обществоведению, А.Е. Кудрявцев, однако, считал гусовские программы в их первоначальном виде неприемлемыми. Он предлагал обе части программы, историческую и современную, сделать равноправными и ввести тематический курс истории культуры вместо систематического исторического курса [8.С.39-43]. Таким образом, А.Е. Кудрявцев стремился путем установления компромисса между обществоведением и историей сохранить в программе семилетней школы дисциплину историю.

Методическая секция общества историков-марксистов с резкостью выступила против «московской школы обществоведов», за сохранение систематического курса истории в V-VII классах. Она критиковала «комплексирование изо всех сил» и сведение истории до

«лоскутка», вшитого «в обществоведческую ткань». Эта борьба за историческое образование, поддержанная широкими кругами учительства, привела к тому, что «историческая часть» программы по обществоведению с каждым новым изданием увеличивалась в объеме и развивалась в направлении превращения ее в систематический курс.

Таким образом, в середине 1920-х гг. XX в., история как предмет преподавания, занимавшая центральное место в системе школьного обучения XIX – начала XX вв., превратилась в разрозненные «исторические экскурсии», в краткий социологический обзор всемирно-исторических явлений и событий.

Обществоведение, которое еще в программе 1920 г. рассматривалось как историческая дисциплина с некоторыми элементами политической экономии и советского права, в 1923-1925 гг. стало школьным предметом, поглотившим разрозненные элементы истории, советского права, политической экономии, элементы, которые должны были обобщить наблюдения учащихся над современной общественной жизнью.

Основная причина этого явления лежала в тех педагогических принципах, которые были провозглашены, в так называемых схемах ГУСа и первых программных документах правительства большевиков:

- 1) не система наук, а жизненные комплексы должны лежать в основе школьного обучения в семилетке;
- 2) не знания, а умение добывать знания, творческая самодеятельность учащихся - главное в школьном обучении.

При всей ошибочности этих принципов, определяющих характер обучения в 1920-е гг., они содержали в себе подлинно революционную идею связи обучения с жизнью, развития в каждом ученике творческих сил и самостоятельности в своей учебной работе. В обществоведение видели ту дисциплину, которая должна была помочь учащимся понять советский общественный и государственный строй, непосредственно наблюдая его и участвуя в общественной работе. Тем самым у обучающихся формировалось отношение к современности как к бесспорному приоритету, по сравнению с прошлым. Цели и задачи сегодняшнего дня воспринимались как абсолютная ценность, в то время как историческое прошлое — как нечто второстепенное, как подготовительный этап для становления настоящего. Всё это оказывало непосредственное воздействие на формирование исторического сознания молодежи.

При наличии этих педагогических принципов систематический курс истории никак не «комплексировался» с современными, жизненными темами и в то же время был слишком громоздким для изучения «активными» методами обучения. Неудовлетворительное состояние исторического образования в средней школе было не только следствием ошибочных взглядов на преподавание истории в кругах историков и методистов, но и результатом антиленинской теории «отмирания школы», положенной в основу построения всей учебно-воспитательной работы.

Библиографический список

1. **Андреевская, Н. В. Вернадский В. Н.** Методика преподавания истории в семилетней школе / Н. В. Андреевская, В. Н. Вернадский. - М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1947. – 215 с.
2. **Бущик Л. П.** Очерк развития школьного исторического образования в СССР /Л. П. Бущик.- М. : Академии педагогических наук РСФСР, 1961. – 540 с.
3. **Быкова Е.Ю.** Реформирование системы школьного образования в СССР в 1917-1930-гг.: организационные и идеологические аспекты/ Е.Ю. Быкова // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология.- 2011.- №1 (130).- С. 179-189

4. **Жаворонков Б. Н.** Работа обществоведа: Метод. очерки / Б. Н. Жаворонков. Ленинград : Гос. изд-во, 1926. - 165 с.
5. **Крупская Н.** Народное образование и демократия / Н. Крупская. М.: Книгоиздательство «Коммунист», 1919. – 132с.
6. **Крупская Н.К.** О комплексах / Н.К. Крупская // На путях к новой школе. -1929.- № 3. - С. 80
7. **Крупская Н.К.** Новые программы в оценке съезда по естественно-историческому образованию / Н. С. Крупская // На путях к новой школе.-1913.-№ 9.- С. 78-85.
8. **Кудрявцев А.** Очередные вопросы методики обществоведения / А. Кудрявцев. – М.: Рабпрос, 1925.- С.39-43.
9. **Луначарский А. В.** Обращение народного комиссара по просвещению 29 октября 1917 года/ А.В. Луначарский // Сборник декретов.- Вып.1 -250с.
10. **Луначарский А. В.** Значение новых программ/ А.В. Луначарский // Народное просвещение.- 1923.- № 4–5.- С. 74
11. **Луначарский А. В.** О народном образовании/ А.В. Луначарский. - М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1958.-559с.
12. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. // Сборник документов. 1917—1973 гг. / А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. -М.: Педагогика, 1974.- 560 с.
13. **Покровский М.Н.** К итогам первой сессии ГУС / М.Н. Покровский // Правда.- 14.05. 1929.
14. Программы – минимум для единой трудовой школы 1-й и 2-й ступени // Петроград: Отдел снабжения Петрогубона, 1913. – 163с.
15. **Шацкий С.Т.** Изучение жизни и участие в ней / С.Т. Шацкий // На путях к новой школе. -1925. -№ 4.- С. 31

УДК 94

*Воронежский государственный
технический университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
философии, социологии и истории
А.В. Погорельский.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: pogorelsky@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
PHD in History,
Associate Professor of
Philosophy, Sociology and History Chair
A.V. Pogorelsky.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: pogorelsky@mail.ru*

А.В. Погорельский

**ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ РУСИ В СОВРЕМЕННОЙ
УКРАИНЕ**

После обретения независимости Украины начался процесс становления украинской нации. Важнейшей составляющей этого процесса стала разработка концепции национальной истории Украины, создание которой должно помочь сформировать украинскую идентичность. Важной составляющей этой концепции является попытка представить Киевскую Русь как государство, созданное украинцами. По мнению автора, данное положение продиктовано интересами не науки, а украинского национального проекта, который нуждается в своей собственной отдельной истории. Поэтому борьба за умы и души украинцев будет продолжена с еще большей энергией, а это означает, что украинские историки будут не только активно использовать старые мифы, но и создавать новые.

Ключевые слова: Киевская Русь, украинская нация, украинская идентичность, концепция национальной истории, исторические мифы.

A.V. Pogorelsky

FEATURES OF STUDYING THE HISTORY OF KIEVAN RUS IN MODERN UKRAINE

After the independence of Ukraine, the process of formation of the Ukrainian nation began. The most important component of this process was the development of the concept of the national history of Ukraine, the creation of which should help shape the Ukrainian identity. An important component of this concept is an attempt to represent Kievan Rus as a state created by Ukrainians. According to the author, this provision is not dictated by the interests of science, but of the Ukrainian national project, which needs its own separate history. Therefore, the struggle for the minds and souls of Ukrainians will be continued with even greater energy, which means that Ukrainian historians will not only actively use old myths, but also create new ones.

Key words: Kievan Rus, Ukrainian nation, Ukrainian identity, the concept of national history, historical myths.

После обретения независимости Украины в 1991 году начался процесс становления украинского государства и украинской нации. Важнейшей составляющей этого процесса стала разработка концепции национальной истории Украины, создание которой должно помочь сформировать украинскую идентичность. Важность этой цели была осознана сразу после провозглашения независимости, так как народ, не имеющий собственной идентичности и исторической памяти, не может быть полноценным субъектом исторического процесса. Став президентом Украины, Леонид Кучма заявил, что главной задачей молодого государства является конструирование собственной идентичности: «Мы создали Украину, а теперь нам предстоит создать украинцев».

На протяжении почти трех десятилетий, прошедших после обретения независимости, украинские историки проделали значительный объем работы по созданию концепции национальной истории Украины.

Одними из основных проблем, волнующих современных украинских исследователей, стали - вопрос происхождения украинцев, а также разработка новой концепции истории Киевской Руси как государства украинцев.

В последние годы значительная часть украинских историков объявила себя сторонниками т.н. «раннесредневековой концепции происхождения украинцев». В начале XX в. раннесредневековая версия происхождения украинцев была сформулирована М. Грушевским. Он считал, что «Київська держава, право, культура були утвором однієї народності, українсько-руської; Володимиро-московська - другої, великоруської... Київський період перейшов не у володимиро-московський, а в галицько-волинський XIII вік... Володимиро-московська держава не була ані спадкоємницею, ані наступницею Київської, вона виросла на своєму корені... Общеруської історії не може бути, як немає общеруської народності». А поскольку «Київська держава була утвором однієї народності, українсько-руської», то последняя, очевидно, возникла раньше Киевской Руси, и по М.Грушевскому происходит от антов IV-VI вв. [1.С.304].

После обретения Украиной независимости в 1991 г. появляется множество работ, посвященных этногенезу украинцев. Этой проблематике посвящены труды современных украинских исследователей Я. Дашкевича, М. Брайчевского, Я. Исаевича, Г. Пивторака, В. Барана, С. Сегеды, В. Балущко и др. По мнению украинских историков, концепция «раннесредневекового происхождения украинцев» соответствует универсальным для европейских народов принципам этнообразования.

В общих чертах данную концепцию можно представить следующим образом: «Изменения, вызванные падением Римской империи, завершились относительной стабилизацией Европы в эпоху раннего средневековья. В Восточной Европе влияние античной цивилизации распространялось через полисы Северного Причерноморья главным образом в пределах Украины. Поэтому непрерывность этнокультурного развития на украинских этнических землях между Карпатами, Припятью и Киевским Поднепровьем, как и на землях других крупных европейских этносов, находившихся в зоне влияния Рима, прослеживается с конца V в.

Данные археологии, языковедения, антропологии, письменные источники убедительно свидетельствуют о преемственности, непрерывности развития в Северо-Западной Украине единого этнического организма, от дулебов, склавинов, антов и до современных украинцев. Археологическими соответствиями упомянутых племен являются пражская и пеньковская культуры V-VII вв., трансформировавшиеся в «праукраинские» летописные племена вольнян, древлян, полян, белых хорватов, уличей, тиверцев. Именно этот средневековый этнос создал государство Русь, которое быстро трансформировалось в раннесредневековую империю, в X-XIII вв. осуществлявшую мощную экспансию на безграничные лесные пространства севера Восточной Европы»[2].

Таким образом, украинские историки утверждают, что современный украинский этнос существовал уже в период Киевской Руси и на этом основании считают, что лишь современная Украина может считаться ее преемником. Однако подобные утверждения не могут не вызывать ряд серьезных возражений. Очевидно, что в период становления Киевского государства не было никаких предпосылок того, что племенные объединения восточных славян в будущем станут основой для образования трех современных восточнославянских народов - украинцев, белорусов и русских. В этот период происходил процесс объединения племенных союзов в единое государство и становление системы великокняжеской власти. Этот процесс еще более усилился с принятием христианства, что способствовало укреплению религиозной и культурной общности всех жителей Руси.

Кроме того, территория Киевской Руси значительно превышала территорию современной Украины. Неотъемлемой частью Руси были такие города как Смоленск,

Новгород, Псков, Муром, Суздаль. Новгород вообще считался вторым главным городом русского государства, где всегда княжили старшие сыновья великих киевских князей. Также необходимо напомнить, что правившая на Руси династия Рюриковичей вначале обосновалась в Новгороде и лишь потом захватила Киев, который стал столицей Руси.

Данные археологии убедительно свидетельствуют, что города северной Руси возникают практически одновременно с южными. Археологически в этот период не прослеживаются миграции славянского населения с юга на север, поэтому утверждение украинских историков о том, что в этот период происходила колонизация северо-западных и северо-восточных земель выходцами с «праукраинского» юга представляется не вполне корректным.

Территории нынешней Украины, входившие в состав Киевской Руси, не представляли собой какого-либо этнического единства. Изначально это были земли разных племенных объединений восточных славян, расселение которых совершенно не совпадает с современными границами Украины. Так древляне жили на территории современной Украины и Белоруссии, а северяне на территории современной Украины и России. С завершением племенной эпохи произошло административное и политическое разделение русского государства на отдельные волости, управляемые князьями. Совершенно очевидно, что никакого украинского этноса в эпоху Киевской Руси не существовало и не могло существовать.

Тем не менее, украинские историки утверждают, что «преемственность исторического развития на этнических землях украинцев прослеживается с раннего средневековья, то есть в течение 1500 лет. Следовательно, украинцы, как и французы, англичане, чехи, сербы, поляки, зародились в послеримское время. Большинство народов Западной и Центральной Европы создают свои государства в IX-X вв., когда на украинских землях возникает государство Русь. Поэтому непризнание Киевской Руси государством украинцев на древнерусском этапе их исторического развития противоречит универсальным законам этнического развития средневековой Европы» [2].

В украинской научной и учебной литературе часто высказывается утверждение о том, что территория современной Украины имела такое же название уже в эпоху Киевской Руси. Это утверждение не находит никакого подтверждения в древнерусских летописных источниках. Исходя из летописных данных словом «украина» в древнерусском языке обозначались пограничные территории, лежавшие на окраине государства. Именно это слово, применительно к окраинным территориям Речи Посполитой, дало название современной Украине, только произошло это в XVII веке.

Еще одним историческим мифом, распространенным в украинской историографии, является утверждение о том, что современные русские не славяне, а потомки финно-угорских племен, колонизированных «украинским» Киевом. Так украинский историк В. Билинский в своей книге «Страна Моксель» утверждает, что русские являются потомками племени моксель, упоминаемого Вильгельмом Рубруком [3]. Однако данное утверждение не соответствует данным Повести временных лет, которая сообщает, что на северо-западных и северо-восточных окраинах Руси проживали не только финно-угорские племена, такие как меря, весь и мурома, но и славянские племена кривичей, вятичей и ильменских словен. Причем численно славянские племена преобладали над финно-уграми. Несомненно, что в крови жителей современной России есть финно-угорский компонент, так как племена меря и мурома были ассимилированы славянами. Совершенно очевидно, что не генетика определяет особенности того или иного народа, а собственная культура и язык, которые формируют его идентичность. Поэтому утверждение, что русские не имеют никакого отношения к славянам совершенно абсурдно. В пользу того, что жители севера Руси были славянами, свидетельствуют данные Новгородских берестяных грамот. Самые древние из них датируются XI веком и написаны они на новгородском диалекте древнерусского языка, а не на языках финно-угорской языковой семьи. Основным языком, на котором говорили жители севера Киевской Руси, всегда был древнерусский. Финно-угорские народы, несомненно,

сыграли роль в этногенезе современных русских, но эта роль никогда не была определяющей.

В ряде работ современных украинских историков встречаются утверждения о том, что украинцы как этнос значительно старше русских и белорусов. Вот, что пишет об этом украинский историк Л. Зализняк: «Как латиняне в процессе колонизации периферии своей империи породили романские этносы, испанцы - испаноязычные этносы Южной Америки, англичане - англоязычные этносы Северной Америки и Австралии, так древнеукраинцы Руси в процессе колонизации лесного севера Восточной Европы породили упомянутые молодые русские этносы. Если пользоваться родственной терминологией, то белорусы и русские - не братья, а дети украинцев» [2].

Данное утверждение представляется абсолютно неверным и противоречит имеющимся в нашем распоряжении письменным источникам. После распада Киевской Руси и монгольского нашествия, южнорусские земли в XIV веке стали частью Великого княжества Литовского. Несмотря на это жители этих земель оставались русскоговорящими и продолжали именовать себя русскими. Название «украинцы» за жителями данных территорий стало закрепляться лишь с XVII века. Тем не менее, украинские историки продолжают утверждать, что Украина является единственным правопреемником Киевской Руси, а народ, населявший ее, это украинцы. Исходя из этого подхода, украинскими исследователями делается вывод, что «смена европейскими народами их этнонимов не противоречит принципу непрерывности их развития. Поляки в средневековых хрониках фигурируют под именем ляхов, румыны - волохов, русские - московитов. Не являются исключением из правила и украинцы. На раннем племенном этапе своей этнической истории V-X вв. они не имели общего этнонима, а каждое «праукраинское» племя или племенное объединение носило собственное имя: дулебы, склавины, анты, волыняне, древляне, белые хорваты, уличи, тиверцы, поляне. Со времени консолидации в едином Киевском государстве «праукраинцы» начали называться руськими, русами, русинами» и далее «с позднего средневековья присвоенный более сильным соседом этноним «руський» на землях Украины начал постепенно вытесняться новым - «украинец» [2].

Среди современных украинских историков господствует представление о том, что их главная задача — это развенчание исторических мифов, будто бы навязанных Россией в эпоху «колониального господства» над Украиной. Главным мифом, который необходимо развенчать, является утверждение о том, что Россия, как и Украина, претендует на историческое наследие Киевской Руси.

Украинский историк Ярослав Дашкевич писал: «Создавая свое украинское государство, украинцы должны пересмотреть и уточнить свою историю, основываясь на правде, достоверных фактах и исторических событиях. Находясь на протяжении веков под властью завоевателей, украинцы фактически были лишены возможности влияния на формирование национального сознания и развитие истории, в результате чего история Украины написана преимущественно в угоду этим завоевателям. Особо не выясненным является вопрос о претензиях и притязаниях Московии, а в дальнейшем России, на историческое наследие Киевской Руси. Обычное мошенничество московитов, присвоивших себе прошлое Великого Киевского княжества и его народа, нанесло страшный удар по украинскому этносу. Теперь задача состоит в том, чтобы на основе правдивых фактов, раскрыть лживость и аморальность московской мифологии» [4].

Конечно, далеко не все современные украинские историки заражены бациллой национализма. Остались еще исследователи старой школы, не изменившие научной объективности ради политической конъюнктуры. Примером такого честного и принципиального ученого является бывший директор Института археологии НАН Украины Петр Петрович Толочко. В отличие от многих других украинских историков, он не поддавался соблазну искать корни украинской нации в Киевской Руси. В своих работах он неоднократно писал, что не стоит смешивать Киевскую Русь и современные восточнославянские народы - русских, украинцев и белорусов. В одном из интервью,

данном П.П. Толочко после Оранжевой революции 2004 г. он сказал: «Нет ничего обидного в том, что во времена Киевской Руси никакой Украины не было. России-то тоже не было, если кому-то от этого легче! Как я говорю, русичам и в страшном сне не могло привидеться, что кто-то из них будет украинцем, кто-то белорусом, а кто-то русским. Они были просто русичи. Древние русичи. И смешно, когда у нас говорят, что Владимир Мономах украинец, а его сын Юрий Долгорукий и внук Андрей Боголюбский - это москали чистокровные. Нелепость!» [5]. В своей монографии «Древнерусская народность: воображаемая или реальная» [6] П.П. Толочко ставит неудобный для современных украинских историков вопрос - существовала ли в действительности древнерусская народность? На основании комплексного изучения древнерусских источников и историографии данного вопроса он приходит к однозначному выводу о том, что в X-XIII веках существовала единая древнерусская этнокультурная и социальная общность, которую вполне можно называть древнерусской народностью.

Подводя итог анализу украинской концепции истории Киевской Руси, разработанной в современной украинской историографии, необходимо отметить, что уровень ее аргументации остается крайне слабым. Выводы украинских историков изобилуют откровенными нелепостями, а зачастую и сознательными искажениями исторической правды и не находят никаких подтверждений в древнерусских летописях. Исходя из этого, становится понятным, что задачей создания этой концепции является отнюдь не поиск исторической правды, а стремление создать очередной исторический миф, обосновывающий идею о двух полностью суверенных историях «российской» и «украинской». Очевидно, что положение о Киевской Руси как государстве, созданном исключительно украинцами, продиктовано интересами не науки, а украинского национального проекта, который нуждается в своей собственной отдельной истории. Поэтому борьба за умы и души украинцев будет продолжена с еще большей энергией, а это значит, что украинские историки будут не только активно использовать старые мифы, но и создавать новые.

Библиографический список

1. **Грушевский М.** «Звічайна схема «русської» історії й справа раціонального укладу східного слов'янства» // Статті по славянознавству. СПб., 1903. Вып. 1. С. 294–304.
2. **Зализняк Л.** Происхождение украинцев по данным современной этнологии [Электронный ресурс] Режим доступа: http://zn.ua/SOCIETY/proishozhdenie_ukraintsev_po_dannym_sovremennoy_etnologii-50459.html
3. **Билинский В.** Страна Моксель или Московия / В. Билинский. - Киев: Издательство им. Елены Телиги, 2009.
4. **Дашкевич Я.** Как Московия украла историю Киевской Руси-Украины [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://uainfo.org/blognews/398664-kak-moskoviya-ukrala-istoriyu-kievskoy-rusi-ukrainy-doklad-doktora-istoricheskikh-nauk.html>
5. **Толочко П.П.** Нельзя отдать на растерзание Ющенко нашу общую историю [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://iz.ru/news/342642>
6. **Толочко П.П.** Древнерусская народность. Воображаемая или реальная? / П.П. Толочко. - Санкт-Петербург, 2005.

УДК 355. 235.12(47)"17"

*ВУНЦ ВВС «ВВА им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
Доцент, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
В. А. Русиков
Россия, г. Воронеж, тел. 8 (473) 223-47-71;
e-mail: v-rusikov@yandex.ru*

*VUNTS VVS «VVA name of Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» (Voronezh)
Associate Professor, senior lecturer of the Department of humanitarian and socio-economic discipline
V. A. Rusikov
Russia, Voronezh, tel. 8 (473) 223-47-71;
e-mail: v-rusikov@yandex.ru*

В.А. Русиков

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В статье приводятся факторы развития системы подготовки учительского состава военно-учебных заведений России во второй половине XVIII века. Установлено, что и в наши дни эти факторы имеют значение для совершенствования подготовки преподавателей военных учебных заведений.

Ключевые слова: развитие образования, военно-учебное заведение, кадетский корпус, подготовка учителей, требования к военным педагогам, учебный процесс.

V.A. Rusikov

TRAINING SYSTEM DEVELOPMENT FACTORS TEACHING STAFF OF MILITARY EDUCATION INSTITUTIONS RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY

The article reveals the periods of development of training of teachers of military educational institutions of Russia, formed in the second half of the XVIII century. It is established that its content is still of practical importance for the organization of work to improve the quality of training of teachers for military schools.

Key words: military school, Charter military schools, cadet corps, teacher, tutor, and teacher.

После смерти Петра I в 30-40-е годы XVIII века негативные тенденции взяли верх над передовыми принципами подготовки русской армии. Уставы и инструкции, подготовленные А.И. Остерманом, Б.К. Минихом, Э.И. Бироном изменили отношение к учительскому составу военно-учебных заведений. Учителя почитались наравне с ремесленниками, и название «мастера» и «подмастерья», как нельзя лучше, характеризовало их печальное положение в обществе [1.С.100]. Однако во второй половине XVIII века благодаря усилиям П.И. Шувалова, М.В. Ломоносова, И.И. Бецкого и других в России стали развиваться военно-учебные заведения закрытого типа (кадетские корпуса) [2.С.80]. Они решали триединую задачу, давая среднее, военно-специальное и высшее, по существу университетское, образование, поскольку только лишь в 1786 году в России были созданы народные училища, а в 1755 году – Московский университет [3.С.57].

Учреждение кадетских корпусов следует назвать **первым фактором**, повлиявшим на формирование системы подготовки военно-педагогического сообщества России в этот период.

Поскольку появлению корпусов способствовал целый комплекс политических, социальных, культурных условий в стране, позволивших реализовать потребности государства в образованном офицерстве, то и позиция преподавательского состава как основного фактора образования была упомянута за счёт его развития.

Кадетские корпуса стали тем образцом сословного образования, на основе которого развертывалась в дальнейшем вся сеть военно-учебных заведений, а вместе с ней и система подготовки военных педагогов. В образовательном процессе корпуса обеспечили переход в подготовке преподавателей от рационализма, прикладного характера военного обучения к углублению их общетеоретических знаний. По этой причине и сама подготовка преподавателей военно-учебных заведений, получившая в этот период плано-организационное начало, начинает реорганизовываться.

В ответ на необходимость педагогического сопровождения вводимой в кадетских корпусах индивидуально-групповой системы обучения совершенствовались также и формы повышения педагогической квалификации военно-преподавательского сообщества. Преподаватели стали энергично осваивать такие виды занятий, ставших затем традиционными в военной школе дореволюционной России, как лекции, практические занятия, репетиции, экзамены. Во внеучебное время военных педагогов начинают привлекать к военно-научным и научно-образовательным поездкам и экскурсиям, подготовке научных работ [4.С.78]. Вместе с кадетами в свободное от занятий время они становятся участниками учений с войсками для последующего усиления практической направленности своего преподавания.

Вместе с тем комплектация кадетских корпусов подготовленными преподавателями оставалась одной из главных проблем на протяжении всего рассматриваемого периода. Разрешали её, в основном, разными служебными преимуществами [5] для желающих занять преподавательские должности.

При этом, чтобы обязать преподавателей военно-учебных заведений работать более предметно, а руководству иметь возможность подбирать наиболее достойных кандидатов на их должности, во второй половине XVIII века потребовалось выработать в системе военно-учебных заведений специальные требования к преподавательскому составу. Их реализацию предлагается считать **вторым фактором** развития системы подготовки преподавательского состава военно-учебных заведений. С окончательным оформлением этих требований во времена Екатерины II (1762-1796 гг.) произошло, как отмечено во вступительной статье к двухтомнику «О долге и чести воинской в армии российской» под общей редакцией Н.А. Панкова, становление национальной военно-педагогической школы, которая громкими победами русского оружия заняла тогда лидирующее место в Европе [6.С.7].

Именно на основании профессиональных требований проходил тогда отбор преподавателей, занявший важнейшее место в организации учебно-воспитательного процесса в кадетских корпусах. Во времена И.И. Бецкого преподавателей обязали, наравне со знанием преподаваемых дисциплин, стать ещё и носителями добра и справедливости. В этот период искусство преподавания, ранее заключавшееся в оказании внешнего воздействия на воспитанников, стало оцениваться по умению педагога создавать условия для развития индивидуальных качеств, активизации познавательных способностей воспитанников. Было определено, что исправление «дурных нравов» следует добиваться не принуждением, а любовью и вниманием преподавателя к обучаемым, его педагогической грамотностью, терпимостью, личным примером [7].

Под влиянием Екатерины II система подготовки в существовавших при ней кадетских корпусах (Сухопутном, Морском, Артиллерийском и инженерном) стала носить характер не только профессиональный, но и образовательный. Программы обучения во всех трех учебных заведениях были сформированы на идеях века Просвещения и энциклопедизма. Составители их стремились дать будущим офицерам всестороннее образование, воспитать верных слуг Отечеству, новую особую «породу людей», реализовать гуманные формы обучения и воспитания.

С этого момента все более укрепляется понимание того, что для всякого специального дела, в т.ч. и для военно-педагогического, одних навыков в той или иной области оказывалось мало [5]. Становится очевидным, что и преподавательский состав военно-учебных заведений России следовало комплектовать людьми образованными и умственно развитыми.

Третьим фактором развития системы подготовки преподавательского состава военно-учебных заведений России во второй половине XVIII века называют ещё и сложившийся порядок подготовки будущих преподавателей в конкретных военно-учебных заведениях. Дело в том, что планы их подготовки затем превратились в важные ориентиры самообразования уже действующих педагогов, переподготовки и повышении их квалификации.

Так, И.И. Бецкой в 1772 году при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе открыл для подготовки преподавателей *Мещанское отделение*, ставшее, по существу, первой в России учительской семинарией. Для этой цели из казны было одновременно выделено 100 000 руб. Каждые три года в корпус следовало определять мещанских сыновей в возрасте от 14 до 16 лет, которые по окончании полного курса должны были овладеть всеми необходимыми для педагогической деятельности знаниями и умениями [8.С.62].

Это особенно важно в контексте того, что учительскую семинарию при Московском университете создали в 1779 году [9.С.445], а учительскую семинарию при Петербургском Главном народном училище – на семь лет позже (в 1786 году) [10.С.831].

Воспитанники *Мещанского отделения*, зачастую именуемого гимназией, обучались и воспитывались вместе с кадетами [11.С.42], имея равные с ними права, и назывались гимназистами. Тем самым Бецкой намеревался сблизить молодое поколение различных сословий и избежать в будущем разногласий между ними [12.С.6]. Гимназисты последовательно проходили все дисциплины по программе корпуса для всех пяти возрастов обучаемых. После изучения всех предметов кадетского корпуса их на три года отправляли для углубления знаний за границу. Затем они путешествовали по России «для примечания достойного к сведению в своём отечестве» и уже после этого назначались на учительские вакансии в корпусе. Однако просуществовало мещанское отделение недолго, хотя и обеспечивало кадетский корпус учителями и воспитателями [11.С.42]. Причина его закрытия, очевидно, была в том, что Екатерина II настояла на сословном разграничении воспитанников [13.С.167]. В 1784 году и сам И.И. Бецкой был отстранён от должности. В вину ему поставили: введённую им в корпусе многопредметность; беспорядочность прохождения предметов, определённых Уставом 1766 года; исключение из учебного плана предметов военной специальности; а также выдвижение на первое место гуманитарных и математических наук [11.С.43].

Готовили преподавателей также и в Морском кадетском корпусе, где тогда тоже действовала *Учительская гимназия*. В неё принимали обер-офицеров детей, называемых как и у И.И. Бецкого, гимназистами. Получая содержание меньше воспитанников корпуса, занимались они с большим усердием, посещая одни и те же классы с кадетами. По степени познаний их делили на три класса. Гимназисты первого класса получали жалованье и поступали в «заучители», вроде старинных «подмастерьев» [1.С.181]. Остальные гимназисты по выпуску предназначались, в основном, для преподавания математических и морских наук в корпусе.

Четвёртым фактором развития системы подготовки преподавательского состава военно-учебных заведений России во второй половине XVIII века можно назвать ещё и дальнейшее совершенствование системы организации учебного процесса. При вузах было положено начало образованию библиотек и музеев. Военные науки стали изучать после прохождения общеобразовательных дисциплин. Была введена практика ведения дневных приказов и периодических отчётов об успеваемости воспитанников [5].

Расширялось содержание военно-педагогического категориального аппарата, развивалась военно-педагогическая мысль, что, в свою очередь, повлияло на становление

русской военной-педагогической науки [2.С.81], а с 1765 г. в военно-учебных заведениях России начинает внедряться классно-урочная система преподавания. Обучение приобрело плановый характер.

Изначально это произошло в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе по инициативе его директора И.И. Бецкого, после чего этот опыт распространился и на другие военные учебные заведения. В итоге улучшилась организационная работа преподавательского и руководящего состава военно-учебных заведений, росло их профессионально-педагогическое мастерство.

Также в екатерининские времена, но чуть позже, произошёл также переход к составлению более или менее развёрнутых программных документов по предметам обучения. Однако содержание учебных дисциплин в них раскрывалось не очень подробно, что давало некую самостоятельность преподавателям в выборе вопросов, подлежащих изучению. Это было вполне в духе времени, тем более что и обстановка призывала изменить требования к преподавательскому корпусу русской военной школы. Уже было недостаточно строить обучение через заучивание и «по навыку», исходя из пожеланий начальников или знаний преподавателей.

В конце XVIII века в практику некоторых военно-учебных заведений начинают внедряться открытые уроки. Так, М.И. Голенищев-Кутузов, после назначения его в 1794 году директором Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, сам в присутствии офицеров читал кадетам лекции по тактике. В такой форме происходил обмен опытом по организации и методике проведения учебных занятий [14].

Однако вместе с позитивными имели место и негативные тенденции, оказавшие отрицательное воздействие на подготовку педагогического состава русской военной школы, связанные с преобладанием административных форм в подготовке учителей, с противоборством идей общекультурного развития и военно-профессиональной обученности и другие [2.С.81-82].

Пятым фактором развития системы подготовки преподавательского состава военно-учебных заведений России во второй половине XVIII века стало привлечение к педагогической деятельности известных учёных, а также академиков русской Академии наук. Их опыт и пример позволял остальным педагогам выделять главное в своей деятельности, а также находить новые подходы и возможности в освоении учебных дисциплин, активнее работать по тем программам, которые предлагали академики.

Так, например, академик Леонард Эйлер с 1766 по 1783 годы преподавал в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, составлял программы экзаменов для воспитанников и экзаменовал их. Академик Н.И. Фусс, непреходящий секретарь Академии наук, читал курс лекций по математике не только в Морском, но и в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе. А такие академики, как Л.Ю. Крафт – в Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе, В.М. Севергин – в Медико-хирургической академии, С.Е. Гурьев – в Греческом кадетском корпусе подняли на очень высокий уровень качество преподавания физико-математических и естественных наук. Не менее значимый вклад в подготовку будущих офицеров внесли также академики Ф.У.Т. Эпинус, Г.Ф. Миллер, Н.Я. Озерцовский, долгие годы работавшие в Сухопутном и Морском кадетских корпусах [15.С.637].

Один из первых членов Российской академии наук (с 1767 года) академик Степан Яковлевич Румовский – русский астроном и математик с 1776 по 1783 годы заведовал учебной частью в Греческом кадетском корпусе, направив много усилий на преподавательскую деятельность с целью воспитать первое поколение русских учёных [16.С.45-46]. А его учебник «Сокращение математики» (1760 год), содержащий основы арифметики, стал бестселлером для современников.

Другой академик Котельников Семён Кириллович (1723-1806 гг.) – ученик знаменитого Эйлера, член Российской академии наук с 1783 года большую известность получил в Морском кадетском корпусе. Его лекции по астрономии, проводимые им в

обсерватории, размещённой на здании кадетского корпуса [17], зачастую ночью, всегда были предметом восхищения его учеников. С.К. Котельников – автор первого русского учебника по механике (Книга, содержащая в себе учение о равновесии и движении тел, 1774 год) и одного из первых русских руководств по геодезии (Первые основания геодезии, 1766 год).

Таким образом, выделенные **факторы** развития системы подготовки преподавательского состава военно-учебных заведений России во второй половине XVIII века обозначают, но не исчерпывают весь перечень причин, тому способствующих. Ведь исследуемая тема является недостаточно изученным пластом в истории российского военного образования. Она представляет несомненный интерес и весьма актуальна на современном этапе развития Вооружённых Сил Российской Федерации. Опыт же развития системы подготовки преподавательского состава в военных школах России заслуживает самого пристального внимания [5].

Дело в том, что анализ и обобщение научных трудов, посвящённых развитию военного образования в России, позволяют сделать вывод, что до сего времени остаются отрывочными сведения о становлении и развитии учебного дела в военных школах России. Актуальными и сейчас являются вопросы, связанные с воспитанием молодых людей в школах интернатного типа. Не менее важным и почти неизученными остаются вопросы подготовки преподавательского и воспитательного состава, развитие и совершенствование центрального аппарата управления вузами.

Также более пристальное внимание следует проявить и к истории развития различных форм методической работы с преподавательским составом. Ибо по мере повышения квалификации преподавателей, методическая работа не теряла своего значения, а напротив, получала новый импульс развития [14]. К тому же при решении в современных условиях задач повышения престижа военного образования без ответа на вопрос: «Почему к концу XVIII века в военно-учебных заведениях не стало хватать места для приёма всех желающих получить военное образование?» [5] трудно рассчитывать на осмысленные действия в последующем.

Библиографический список

1. **Веселаго Ф.Ф.** Очерк истории морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. – СПб.: Типография Морского кадетского корпуса, 1852. – 208 с.
2. **Военная педагогика:** Учебник для вузов. / Под ред. О.Ю. Ефремова – СПб.: Питер, 2008. – 640 с.
3. **Харламов В.И.** Военное образование в России в XVIII веке // Военно-исторический журнал. – 1997. – № 4. – С. 50-59.
4. **Русиков В.А.** История формирования требований к преподавателям российской военной школы в XVIII-XIX веках // Воронежский государственный технический университет. Научный журнал «Проблемы социальных и гуманитарных наук». – Воронеж, 2018 – Выпуск №2 (15). – С. 77-84.
5. **Булин С.А.** Развитие военно-педагогической мысли в России: начало XVIII в. - 1863 г.: Дис... канд. ист. наук. – Санкт-Петербург, 2005. – 259 с.
6. О долге и чести воинской в армии российской / Под общей ред. Н.А. Панкова: в 2 т. – М.: Военное издательство, 2010. Т. 1. – 440 с.
7. **Степашко Л.А.** Философия и история образования. М.: МПСИ: Флинта. – 2003. – 320 с.
8. **Лалаев М.С.** Исторический очерк военно-учебных заведений подведомственных главному их управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1700-1880. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1880. – 451 с.
9. Педагогическая энциклопедия. В 4-х томах. Том 4. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. – 912 с.

10. Педагогическая энциклопедия. В 4-х томах. Том 3. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1966. – 880с.
11. **Алпатов Н.И.** Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа: Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России. – М.: Учпедгиз, 1958. – 244 с.
12. **Халюта О.** Российское образование в лицах – И.И. Бецкой // Вестник образования России. – 2002. – № 3. – С. 3-7.
13. **Ерошкина А.Н.** Деятель эпохи просвещённого абсолютизма И.И. Бецкой // Вопросы истории. – 1993. – № 9. – С. 165-169.
14. **Перепичай В.В.** Развитие системы кадетских корпусов русской армии в XVIII - начале XIX вв. (историко-правовой аспект) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.naukarus.com>
15. **Смагина Г.И.** Академия наук и развитие образования в России в XVIII веке // Вестник Российской академии наук. – 2000. – том 70, № 7. – С. 635-644.
16. Столетие Военного министерства: 1802–1902 / сост. П.В. Петров; [гл. ред. Д.А. Скалон]. – Санкт-Петербург: Тип.т-ва М.О. Вольф, 1802 –1902. Т. 10. Ч. 1.: Главное управление военно-учебных заведений: исторический очерк. – 1902. – С. 45-46.
17. Морской кадетский корпус – история и современность [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.mirznanii.com>

УДК 930.2

*МБОУ СОШ № 101 г. Воронежа
Кандидат исторических наук,
учитель истории и обществознания
Г.И. Шишлянникова
Россия, г. Воронеж,
тел. 8(951)557-86-26
e-mail: galcka.sh@yandex.ru*

*MBOU SOSH № 101 in the city of Voronezh
PhD in history,
teacher of history and social science
G. I. Shishlynnikova
Russia, Voronezh,
tel. 8(951)557-86-26
e-mail: galcka.sh@yandex.ru*

Г.И. Шишлянникова

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ПРЕДДВЕРИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Статья посвящена судьбоносным событиям начала XX века: участию России в Первой мировой войне и февральской буржуазно-демократической революции. Отметим, что эти два события тесно связаны друг с другом одной связующей нитью. Этой нитью является правящий тогда в России император Николай II Александрович. Именно его консервативные взгляды, его политические просчеты и стали главной причиной грядущей катастрофы. Но так ли был не прав император и много ли ошибок он совершил? Эти вопросы до сих пор остаются открытыми. Одно из самых главных решений, которое принял в те дни император, стало принятие им Верховного командования. После чего монарх практически непрерывно находился в Ставке, упуская политическую ситуацию из виду. Погружаясь в военные действия, он все больше удалялся от событий в столице. Причем данное решение повлияло и на авторитет его как правителя. Теперь все поражения русской армии рассматривались как личные поражения самодержца. В феврале 1917 года ситуация полностью вышла из-под контроля, и Николай II не смог с ней справиться.

Ключевые слова: император Николай II, Первая мировая война, политическая деятельность, Верховный главнокомандующий, революция.

G.I. Shishlyannikova

THE FIRST WORLD WAR AS THE THRESHOLD OF THE FEBRUARY BOURGEOIS-DEMOCRATIC REVOLUTION IN RUSSIA

The Article is devoted to the fateful events of the early twentieth century: Russia's participation in the First World War and the February bourgeois-democratic revolution. Note that these two events are closely connected with each other by one connecting thread. This thread is then ruling in Russia Emperor Nicholas II Alexandrovich. It was his conservative views, his political miscalculations that became the main cause of the coming catastrophe. But was the Emperor wrong, and had he made many mistakes? These questions are still open. One of the most important decisions that the Emperor made in those days was the adoption of the Supreme command. After that, the monarch was almost continuously in the Rate, losing sight of the political situation. As he plunged into the war, he became more and more distant from the events in the capital. If anything, this decision had an impact on his authority as ruler. Now all the defeats of the Russian army were regarded as personal defeats of the autocrat. In February 1917, the situation completely got out of control, and Nicholas II could not cope with it.

Key words: Emperor Nicholas II, World War I, political activity, Supreme commander, revolution.

К лету 1914 года международная ситуация накалилась до предела. Этому особенно способствовали Балканские войны. Но именно они завершили освобождение славянских народов от турецкого гнета, и одновременно с этим, они же, усилили противоречия между балканскими государствами. Отметим, что Турецкий гнёт был свергнут не революцией, как некоторые считают, а войной монархических правительств Балканских народов. Это обострило борьбу между теми, кто победил Турцию.

Попробуем определить расстановку сил накануне войны. Желания сторон: Болгария хотела вернуть все, что потеряла во второй балканской войне, Турция выжидала удобного момента, чтобы отторгнуть у Греции Эгейские острова, Италия не хотела возвращать Додеканез, а Грецию и Сербию не устраивали новые границы Албании. Но главное было не в этом.

За балканскими государствами стояли великие империалистические державы, которые жаждали господства на Ближнем Востоке. В Софии, Бухаресте и Афинах шла реальная дипломатическая борьба между Антантой и Тройственным союзом за политическую ориентацию балканских правительств, за их военные силы. Борьбу не удалось предотвратить и летом 1914 года стало очевидным, что Европа живет «на пороховой бочке» и война начнется со дня на день.

Поводом для начала войны стало убийство сербским националистом Г. Принципом в столице Боснии г. Сараево наследника Австро-Венгерского престола Франца Фердинанда. Австро-Венгрия, подстрекаемая Германией, напала на Сербию. Союзная Сербией Россия начала мобилизацию в армию. Германия использовала этот факт как предлог и 1 августа объявила России войну. После чего в нее вступили союзные России Англия и Франция, таким образом, столкновение 8 европейских стран с населением 400 млн. человек стало началом Первой мировой войны. В этой войне приняли участие 38 государств.

Она же стала действительно испытанием не только для императора и его семьи, но и для всей Российской империи. Война заставила иначе посмотреть на реальные события. Безусловно, произошла трансформация во взглядах императора по вопросам внешней и внутренней политики. Отметим, что Великий князь Александр Михайлович считал, что император сделал все, что было в его силах, чтобы предотвратить военные действия, но не встретил никакой поддержки в своих миротворческих усилиях в лице своих ближайших военных сподвижников – военного министра и начальника Генерального штаба [2.С.44]. Этот факт еще раз подтверждает распространенное мнение о том, что Николай II не обладал качествами сильной личности и не мог отстаивать свою точку зрения до конца. Он не смог разрешить проблемы внутри империи, так же как и за её пределами. На наш взгляд, Первая мировая война наглядно продемонстрировала все недостатки императора Николая II, сначала как правителя империи, а затем и как Верховного главнокомандующего.

Отметим, что Россия накануне этой войны представляла собой парадокс стремительного развития двух противоположных сил: революция промышленная сопровождалась революцией политической и духовно-нравственной. Силы этих двух революций стремились к лидерству в обществе и к захвату власти. При этом последнее становилось для них самоцелью. Причем этим двум потокам было одинаково враждебно самодержавие и, следовательно, монарх. Для самодержца главным оставалось соблюдение интересов нации в целом, сохранение баланса сил и приверженность исторически сложившейся традиции преемственности власти, которая одна могла спасти Россию от надвигающегося краха, к которому бы ее привела победа одной из этих двух революций. Он по-прежнему оставался консерватором. Новые реалии не стали поводом для изменений его политических взглядов.

Считалось, что император был гарантом соблюдения основ государственного спокойствия, порукой от насильственного изменения социально-экономического уклада и государственного строя.

Но внешнее потрясение, постигшее Россию 1 августа 1914 года, привело вновь в движение все внутренние противоречия, результатом которых стала гибель Российской империи. Николай II ясно осознавал всю неподготовленность России, военную, внутриполитическую, экономическую, к всеобщей войне. Он с самого начала своего царствования неуклонно старался не допустить большой войны, понимал, что мир входит в совершенно новые реалии и что большая война опасна для всего человечества. Этим были вызваны его Гаагские инициативы 1899 года, впервые на государственном уровне поставившие задачу ограничения вооружений и создавшие Гаагский международный суд.

Эти инициативы были встречены большей частью иностранных правительств с иронией и недоумением.

В 1907 году Императором был утвержден «Наказ Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны», который являлся приложением к Уставу полевой службы. В нем подчеркивалось, что войска должны уважать жизнь и честь обывателей неприятельской стороны, а также религию и обряды веры. Грабежи и кражи строго воспрещались под страхом наказаний. Раненые и больные военные чины должны были подбираться с поля боя без различия принадлежности к какой-либо армии. С пленными необходимо было обращаться гуманно и предоставлять им полную свободу в отправлении религиозных обрядов. Содержать их так же, как содержатся чины русской армии [3.С.45].

Отметим, что этим Николай II принципиально отличался от остальных государственных деятелей тогдашней Европы. Характерны слова российского императора, что «война приведет к гибели сотен тысяч русских людей». Его это действительно волновало. При чем, подобная мысль не была высказана больше ни одним государственным деятелем той эпохи. Но как ни стремился российский самодержец предотвратить войну, она началась. Монарх воспринял ее как тяжкое испытание, ниспосланное Господом России, как угрозу ее национальной независимости и свободе. Царь полагал, что в эти священные и грозные дни весь народ должен объединиться и подняться на отпор германскому натиску.

После вступления России в это трагическую войну члены императорского дома оказались в весьма не простом положении. В предвоенные годы многие из них поддерживали оживленные связи со своими немецкими родственниками. Из архивных материалов мы видим, что велась активная переписка, и были совершены частые взаимные визиты. К тому же денежные средства многих великих князей, по свидетельствам великого князя Александра Михайловича, хранились в германских банках. Теперь обстановка резко изменилась. Родственники оказались по разные стороны фронта, а многим из них пришлось служить в противоборствующих армиях. Например, родной брат императрицы Александры Федоровны великий герцог Эрнст-Людвиг Гессенский командовал одним из армейских корпусов на Западном фронте.

Безусловно, великие князья Романовы заняли в армии высокие посты. Отметим, что первоначально Верховным главнокомандующим был назначен дядя царя великий князь Николай Николаевич. Генерал – инспектором артиллерии при Ставке стал великий князь Сергей Михайлович, а Александр Михайлович возглавил организацию военного дела.

В первые дни войны патриотизм россиян был тесно связан с давно укоренившейся в России неприязнью к немцам. «За веру, царя и отчество!», «На защиту святой Руси!» - эти призывы охватили казармы, фабрики, деревни. Отметим, что русское общество восприняло начало войны восторженно. Но одной из основных причин этой восторженности было стремление общества к переменам государственного строя, которые в его глазах становились возможными благодаря общей грядущей победе в союзе с «передовыми» Францией и Англией. Обратим внимание, что изначально у монарха и общества были разные цели в начавшейся войне: Николай II на первый план ставил победу русского оружия, общество — победу русской «демократии». Пока император ездил в действующую армию, разрывался между фронтом и столицей, делал все для приближения победы, общество создавало комитеты, рассуждало о неудачах, критиковало правительство, искало изменников. Особенно все это усилилось при первых крупных военных неудачах. Общество в лице либеральных деятелей осознало, что ему предоставляется исключительный случай для осуществления своей идеи социально-политического переворота. Чем больше были успехи германской армии, тем больше росло недовольство русского народа властью и в частности деятельностью императора. В самый критический момент, когда казалось, что Россия проиграла войну, он, в очередной раз, жертвуя собой, принял верховное командование на себя, и, казалось бы, безнадежное отступление остановилось. Но эта жертва Николая II не была оценена ни народом, ни обществом, а его роль в командовании армией в период Первой

мировой войны до сих пор не изучена. Правда, современники в своих воспоминаниях в основном нелицеприятно отмечают его деятельность на этом важнейшем посту.

Неудачи преследовали Россию в период Первой мировой войны одна за другой. А ведь еще до её начала многие прозорливые политики предупреждали монарха о том, что ничего позитивного для России в этой войне нет. Не хотели этого с самого начала и еще двое очень проницательных и дальновидных русских, хотя их голоса и потонули в потоке патриотического возбуждения. Г. Распутин и С.Ю. Витте противились войне. Не терявший связи с деревней Распутин понял, какую цену придется заплатить в этой войне русскому крестьянину. Будучи за границей, Витте, узнав о войне, поспешил в Россию, чтобы убедить царя немедленно отвести войска. Но император был уверен в правильности принятого решения и с оптимизмом смотрел в будущее. Слова С.Ю. Витте только обострили и без того сложные отношения между ними.

Необъятность России, её географическое положение сделали невозможной помощь западных союзников. Германия легко блокировала Балтику, а Турция, вступив в войну против союзников в ноябре 1914 года, заперла Дарданеллы и Черное море. Оставалась связь через порты Архангельск, замерзавший зимой, и через Владивосток на Тихом океане.

Следует отметить, что в 1916 году император большую часть времени провел в Ставке, добросовестно исполняя возложенные на него обязанности Верховного главнокомандующего. Он не заметил грядущего кризиса в своей империи. С середины февраля 1917 года из-за расстройств транспорта в Петрограде стал ощущаться недостаток продовольствия. У магазинов выстроились длинные очереди. Кризис нарастал стремительно и очевидно. Как свидетельствуют архивные данные, некоторые деятели из ближайшего окружения императора предупреждали его об этом. Но, Николай II, считал, что они все преувеличивают. В эти дни он был далек от реальности. Причем больше, чем когда б это ни было прежде.

Поэтому, произошедшие в феврале 1917 года в столице события стали полной неожиданностью для императора и его семьи. Известны документы (воспоминания председателя Государственной Думы М.В. Родзянко), который утверждал, что за две недели до начала революции, то есть 10 февраля, в беседе с императором он говорил о неизбежности революции, предупреждал о серьезности ситуации. Но император по его словам «понадеялся на Бога» [1.С.78].

В ноябре 1916 года, после знаменитых речей Милюкова, Шульгина и других депутатов в Государственной думе Дурново написал в новой записке императору, что либералы «столь слабы, столь разрозненны, и ... столь бездарны, что торжество их стало бы столь же кратковременно, столь и непрочное... Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов» [1.С.65].

И как бы ни хотел отодвинуть эти события император, они наступили в феврале 1917 года, когда монарх находился в Ставке. 26 февраля 1917 года председатель Государственной думы М.В. Родзянко отправил ему телеграмму о восстании в Петрограде с рекомендацией составить новое правительство. В этот день в своем дневнике император оставил запись: «В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Царское Село поскорее, и в час ночи перебрался в поезд» [3.С.112]. Здесь и произошли события, положившие начало формирования нового государственного строя, полностью изменившие судьбу нашей родины.

В течение всего 27 февраля монарх проводил довольно последовательную политику репрессий, направленных на подавление революции. 28 февраля и большую часть дня 1 марта ушли на путешествие в поезде. В течение этих двух дней положение в столице непрерывно усложнялось. Механизм власти был расстроен, армия вышла из повиновения. 28 февраля в поезде монарх согласился назначить главой кабинета Родзянко, сохранив при

этом за собой замещение постов министров, военно-морского, иностранных дел и двора и не делая кабинет формально ответственным перед палатами.

Отметим, что 1 марта 1917 года пришла телеграмма генерала А.А. Алексеева о ходе восстания в Петрограде и Москве и о необходимости образования нового правительства. В ней генерал описывал события, происходившие в столице: «...Волнения в тылу вызовут волнения в армии ... Идет революция... Пока не поздно необходимо немедленно принять меры к успокоению населения и восстановить нормальную жизнь в стране. Подавление беспорядков сильно при нынешних условиях опасно и приведет Россию и армию к гибели... Умоляю Ваше Величество ради спасения России и династии поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия и поручить ему образовать кабинет» [2.С. 133].

Вечером этого дня в Пскове царь согласился на ответственное министерство и после беседы с Рузским с 5 часов 15 минут утра 2 марта разрешил Алексееву обнародовать соответственный манифест. В Манифесте Николая II об отречении говорилось: «...В эти решительные дни в жизни России, почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благославляем его на вступление на Престол Государства Российского» [11.С.145]. Это был последний манифест, подписанный императором Николаем II. На этом закончилась его политическая карьера и началась жизнь гражданина Николая Александровича Романова. Безусловно, этот манифест стал не только последней точкой в карьере Николая II как монарха, но и в 300-летней истории дома Романовых. Оно разделило не только жизнь самодержца, но и историю России на «до» и «после».

В своем дневнике он записал: «Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что – либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 ½ ч. Пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!» [3.С.144]. Так закончилось 23-летнее правление императора Николая II Александровича и началась новая жизнь гражданина Романова.

Библиографический список

1. **Боханов А.Н.** Император Николай II / А.Н. Боханов. - М.: Русское слово, 2018. – 786 с., ил.
2. Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / А. М. Романов. Предисл. А. Виноградова. - М.: Современник, 1991.- 271с., ил.
3. Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Письма / Под ред. Шиловского М.Н. - М.: Харвест, 2018. - 368с., ил.
4. **Данилов Ю.Н.** К 100-летию февральской революции: «Мои воспоминания об императоре Николае II и Великом Князе Михаиле Александровиче» / Ю.Н. Данилов. – М.: Директ-Медиа, 2018. – 366 с., ил.
5. **Жильяр П.** Император Николай II и его семья / П. Жильяр. - Репринтное издание. - М.: Мегapolis, 1991. - 242с., ил.
6. История дипломатии: [сборник]/Состав. А. Лактионов. – М.: АСТ, 2015. 943 с., ил.

7. **Кряжев Ю.Н.** Николай II как военно - политический деятель России [Текст]/ Ю.Н. Кряжев. – Курган: изд-во КГУ, 1997. - 198 с., ил.
8. **Мельгунов С.П.** Последний самодержец. Черты для характеристики Николая II / С.П. Мельгунов. - М: изд- во Московского университета, 1990. -166 с., ил.
9. **Обнинский В.П.** Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II / В.П. Обнинский. - Репринтное издание. М.: Республика, 1992. - 288с., ил.
10. **Ольденбург С.С.** Царствование императора Николая II / С.С. Ольденбург. – М.: «ДарЪ», 2016. – 800 с., ил.
11. **Палеолог М.** Царская Россия во время мировой войны / Серия «Россия в мемуарах». Пер. с фр. – 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1991.- 240 с., ил.
12. Покаяние спасёт Россию. О царской семье / Авт. – сост.: Т.Н. Минина, О.А. Иванова, Е.Ю. Ильина. – Омск: Издательский Дом «Сириус», 2015. – 264 с., цв. и ч.-б. ил.
13. **Сургучев И.Д.** Детство императора Николая II / И.Д. Сургучев. – СПб.: Царское дело, 2015. – 224 с., ил.
14. **Шацилло К.Ф.** По делам и воздастся... / К.Ф. Шацилло // Молодой коммунист. - 1988. -№8.- С. 64 -72.
15. **Шульгин В.В.** Дни. 1920: записки / В.В. Шульгин. – М.: Современник, 1989. – 559 с.

**СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
SOCIAL PHILOSOPHY**

УДК 101

*Воронежский государственный институт искусств
Кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин
И.А. Ашмаров
Россия, г. Воронеж
e-mail: dobrinka75@mail.ru*

*Voronezh State Institute of Arts
PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Humanities and
Socio-Economic Disciplines
I.A. Ashmarov
Russia, Voronezh
e-mail: dobrinka75@mail.ru*

И.А. Ашмаров

**СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»
М.Е. САЛТЫКОВА - ЩЕДРИНА**

В жизнедеятельности человека и общества существуют устойчивые взаимосвязи и важные начала. К таким важнейшим началам человеческого бытия относятся социальное и экзистенциальное проявления его сущности. Эти начала, как своего рода базовые максимы или принципы, прослеживаются в русской художественной литературе. В статье даётся анализ социального и экзистенциального на материале творчества, а именно художественного романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Автор приходит к выводу, что социальное и экзистенциальное тесно взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом в жизни и судьбе каждого конкретного человека. Это, в свою очередь, получило свое непосредственное отражение и в известных произведениях многих русских писателей.

Ключевые слова: социальное начало, экзистенциальное начало, М.Е. Салтыков-Щедрин, «Господа Головлевы».

I.A. Ashmarov

**SOCIAL AND EXISTENTIAL IN RUSSIAN FICTION ON THE EXAMPLE OF THE
NOVEL «GOSPODA GOLOVLEVY» BY M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN**

In the life of a person and society, there are stable interconnections and important principles. Such important principles of human existence include the social and existential manifestations of its essence. These principles, as a kind of basic maxims, or principles, can be traced in Russian fiction. The article gives an analysis of the social and existential on the material of creativity, namely, the artistic novel by M.E. Saltykov-Shchedrin «Gospoda Golovlevy». The author comes to the conclusion that social and existential are closely interconnected and interact with each other in the life and fate of each individual person. This, in turn, was directly reflected in the well-known works of many Russian writers.

Key words: social principle, existential principle, M.E. Saltykov-Shchedrin, «Gospoda Golovlevy».

Социальное и экзистенциальное начала в жизни любого человека пересекаются и переплетаются самым причудливым образом. Социальное начало символизирует общество и его влияние на любого из нас, на конкретного человека. Это влияние, понятно, огромно, если только сам этот человек не выступает затворником или отшельником, живя вдали от общества и общественной жизни.

Известные в японском менеджменте заповеди о социальной роли бизнеса, сформулированные в свое время К. Мацусита (1894-1989) в его работах «Миссия бизнеса» («Not for Bread Alone: A Business Ethos, A Management Ethic»), «Принципы успеха» («The Principles of Success»), «Философия менеджмента» («The Heart of Management»), многое помогают понять о силе общества и его воздействии на индивида. Эти замечательные мысли стоят того, чтобы их привести здесь и сейчас: «с благодарностью относись к тому, что имеешь и получаешь – мы все берем у общества в долг», «не уставай вопрошать: на кого ты работаешь? Ответ может быть только один — на общество» [1,2,3]. Из этих слов легендарного теоретика менеджмента отчетливо видны роль и значение социального начала в жизнедеятельности каждого человека, даже несмотря на то, что мы не всегда это начало осознаем или отдаем себе в этом какой-либо осознанный отчет.

Другое дело — экзистенциальное начало, символизирующее жизненную силу и любовь к жизни. Это начало присутствует в той или иной степени у всех людей, кроме, может быть, только разве что самоубийц. Нормальный человек должен стремиться к жизни, любить жизнь, стараться продлить ее как можно дольше, насколько позволяет физическое и психическое здоровье. Поэтому экзистенциальное и социальное начала тесно сосуществуют и взаимодействуют друг с другом в жизни и деятельности каждого человека. И поэтому эта тема закономерно находит свое отражение в художественной литературе, в том числе русской литературе, и в частности, в творчестве русского писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина (1826-1889).

К слову сказать, что Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин был не только писателем, но и крупным государственным чиновником — Рязанский и Тверской вице-губернатор. В 1858—1862 гг. Салтыков-Щедрин — вице-губернатор в Рязани, затем в Твери. В 1865—1868 гг. возглавлял Казенные палаты в Пензе, Туле, Рязани [4]. Тем самым он служил в сфере государственного управления Российской империи и имел немалый опыт госслужбы, поэтому он был знаком с социальным началом русской жизни того времени очень хорошо, даже детально. Злоупотреблений и недостатков действовавших тогда порядков им было замечено множество, но исправить их все он был просто не в состоянии.

Социальное и экзистенциальное, вероятно, были основными мотивами творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина как писателя и думающего человека, общественного мыслителя и государственного деятеля. На протяжении всего срока своей государственной службы, а это более двадцати лет подряд, все крупные явления русской общественной жизни встречали отклик в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина, который чудесным образом мог иногда предугадывать их ещё в самом зародыше.

В русском обществе того времени происходили разительные перемены, проводились Александровские реформы, которые обнаруживали на деле результаты многолетней общественной реакции и застоя: «мельчали учреждения, мельчали люди, усиливался дух хищения и наживы, всплывало наверх всё легковесное и пустое» [5]. Поэтому вполне естественно было для писателя с дарованием, что в таких противоречивых условиях ему трудно было воздержаться от художественной сатиры, которая и послужила основным инструментом для проведения борьбы за позитивные изменения и переустройство современного ему общества.

«Господа Головлевы» (1875—1880) — всемирно известный роман М.Е. Салтыкова-Щедрина. В основе сюжета этого произведения находится трагическая история помещичьего рода Головлевых. На протяжении всего своего произведения автор рассматривает как социальные, значимые для всего общества, проблемы, так и экзистенциальные проблемы, глубоко личностные, касающиеся глубин человеческого существования, бытия.

Прочитав этот роман М.Е. Салтыкова-Щедрина, в человеке внезапно возникают противоречивые чувства. С одной стороны, можно увидеть несколько схожих черт современного общества с теми отношениями, которые сложились в семье Головлевых. А с другой стороны, поражает дикость и бессовестность членов этой семьи по отношению друг к другу.

В этом романе социальное начало как бы накладывается на экзистенциальное на протяжении всего этого произведения, то есть социально значимые и важные события происходят на фоне жизненно важных для конкретных людей и семьи событий. Одним из главных действующих лиц в романе является хозяйка дома Арина Петровна, которая всячески старалась “поднять на ноги” своих троих сыновей и дочь. Безусловно, здесь красной линией по всему роману проходит помощь матери своим чадам как разновидность социальной помощи. Сюда можно отнести содержание всей семьи, а также и детей, которые уезжали учиться в столицу и т.д. Так, старшему сыну достался “кусоч” в Москве, а дочери – в деревне в виде небольшого поместья и т.д., могущих вполне обеспечить сносное существование повзрослевшим детям. После смерти своей дочери Анны хозяйка поместья взяла на попечение её детей, дочек-близнецов, что можно расценивать как помощь социально незащищённой части населения – несовершеннолетним детям. Таким образом, ни одного члена своей семьи Арина Петровна не оставила на произвол, принимая в дом и семейное лоно после самых различных неудач и неурядиц в личной жизни либо на службе.

Для начала рассмотрим экзистенциальное в романе. Итак, первое, все члены семьи обособлены друг от друга и заняты только тем, что волнует их самих. Пожалуй, самым запоминающимся и вызывающим бурю эмоций является Порфирий, средний сын семьи Головлевых. Как сейчас говорят, он “идёт по головам”, только здесь это касается его собственной семьи. Именно он показывает полное равнодушие как к родителям, братьям, сестре, племянникам и даже своим собственным детям. Даже его сын покончил с собой из-за заброшенности и невнимания своего родителя. Второе, именно из-за разлада в семье, из-за того, все чувствовали себя одиноко, многие члены семьи находили утешение в алкоголе и погибали из-за этого и внутреннего чувства одиночества. Третье, анализируя семейный “провал” Арины Петровны и относительный успех Порфирия в делах управления поместьем и сопоставляя сегодняшнюю реальность, можно прийти к выводу, что именно такие люди, как наш герой, а именно: лицемерные, безнравственные, беспринципные, не жалеющие никого лжецы находятся у власти. Они имеют всё в плане материального достатка и благополучия, но остаются одинокими.

Здесь можно сказать, что в современном обществе подлинно драматические конфликты всё чаще и чаще обнаруживаются не в любовной сфере, а в борьбе за существование, в борьбе за неудовлетворенное самолюбие, за оскорблённую и униженную часть человечества. Если говорить об экзистенциальном в данном романе, то стоит заметить, что семья Головлевых легко приспособилась к новым буржуазным порядкам, и она не только не разорилась, но и стремительно богатеет. Однако при этом по мере роста их материального благосостояния в душе каждого героя идёт процесс внутреннего опустошения. Автор романа показывает этапы духовной деградации всех героев произведения, особенно сына Порфирия. Его умение приласкаться к людям в подходящий момент скрывает явно эгоистические цели. Для Порфирия, прозванного старшим братом “Иудушкой” и “кровопивушкой”, было свойственно пустословие, с помощью которого он обманывает и одурачивает своих близких, выступающих для него в роли домашних жертв. Даже его мать Арина Петровна в ласковых словах маленького Иудушки чувствовала что-то лукавое и злое, так как её трудно было обмануть, и она чувствовала всех людей как бы изнутри. По мере того, как богатеет Порфирий, меняется его пустословие, которое превращается в очень опасное и грозное оружие. Тогда герой добивается своего и становится-таки единственным хозяином всех богатств семьи, а его душа с этого момента становится ещё черствее. Он отталкивает от себя последних близких людей и уходит в запой. Автор здесь весьма чётко показал, что жизнь мстит человеку за содеянное. И именно проснувшаяся в герое совесть и убила Иудушку.

В целом, прочитывая роман, трудно и грустно осознавать, что такие люди существуют и в реальной жизни. Хочется, чтобы каждый человек никогда не забывал, что никакое богатство не заменит душевного счастья и гармонии. Важно заметить, что одной из острых проблем в романе стал экзистенциальный кризис, выразившийся в осмыслении жизни. У героев чувствуется подавленное состояние и ощущение пустоты из-за отсутствия смысла в

жизни человека. Полагаю, что семейство Головлевых, все без исключения, испытывали чувство личной безответственности и безучастности в своей жизни. Никто из детей семьи Головлевых не был подготовлен к взрослой жизни, в частности от того, что не был приучен к труду и не понимал на собственном опыте, как именно достаются блага и как ими надо грамотно распоряжаться. Исходя из этого, у детей не было “жажды жизни” и их век подошёл к закату при печальных обстоятельствах – в нищете, залитой алкоголем и горем...

Что касается социального в романе, то писатель показывает социальный кризис, связанный с падением старого строя и переходом России на новый путь развития. Отмена крепостного права – переломный момент в развитии государства и общества, а в такие моменты государство не может оказать необходимую обществу поддержку, поэтому её стоит искать в семье и близких людях. К сожалению, такого единства и такой поддержки в данном романе не наблюдается. Вследствие социального кризиса происходит и распад внутрисемейных отношений, основанных на бесплатном труде многих других людей, бывших в зависимости от них. Автором показана обезображенность семейных отношений, упадок старинных семейных дворянских родов, неуверенность общества в завтрашнем дне. Это касается всей страны в целом.

В социальном плане можно также сказать и следующее. Для мыслящего человека образ героини Арины Петровны сопоставим с образом государства, самим государством и, как мне кажется, именно в этом заключается социальный аспект романа, а выражается он в следующем – в помощи каждому члену семьи. При этом можно провести следующую аналогию. Члены семьи – это регионы, материальная поддержка детей и выделение кусков – это социальная поддержка государства и выделение льгот, а также забота о своих внуках, детях Анны Владимировны (опека и попечительство). Государство – дающая рука в пользу наиболее обездоленных членов общества (семьи). Так же, как и в реальной жизни, государство (художественный образ Арины Петровны) допускает ошибки, которые приводят к плачевным результатам. Обобщая, можно сказать, что успеха добьётся та страна (семья), в которой будут царить демократия, взаимопонимание и искренность, поддержка и взаимопомощь и, конечно же, наделение человека теми полномочиями, обязанностями, которые окажутся исполнимо по силам, и реализация которых приведёт к успеху в стране и каждой отдельной семье [6].

Если же рассматривать семью Головлевых в отдельности, то можно заключить, что мать семейства Арина Петровна выступала в роли гаранта материального благополучия для всей семьи и своих родственников. Конечно, другой вопрос, как именно они воспользовались своими “социальными гарантиями”, то есть полученным семейным имуществом. Арина Петровна постоянно говорила семье и семейных ценностях, но для всех других членов это был лишь пустой звук. В своих хозяйственных хлопотах о материальном достатке она забывала о семье. Жажда богатства и накопительства извращала и убивала в ней инстинкт материнства. Дети ощущали равнодушие матери, что, безусловно, сказалось на их судьбах. Если сопоставить отношение Арины Петровны к своей семье и государства к обществу, то напрашивается вывод, что здесь имеется много общего. Государство в реальной жизни много говорит о заботе об обществе, а на самом деле человек далеко не всегда чувствует такую заботу, что вызывает недоверие и ощущение социальной незащищённости.

После прочтения романа Салтыкова-Щедрина положительных эмоций возникает крайне мало, но зато рождается мысль о схожести ситуации в семье Головлевых и в социальном государстве. Социальная помощь, безусловно, необходима социально незащищённым слоям населения, но в то же самое время государство, если провести аналогию с семьёй Головлевых, собственноручно формирует иждивенчество вместо создания реальных перспектив социального развития общества и мотивации к добросовестному труду на благо себя и всего общества [7,8].

Учитывая всё вышеизложенное, легко заметить то, что большинство социальных конфликтов и жизненных неудач героев романа, носящих экзистенциальный характер, связано с ложными ценностями и ориентирами. Так, например, Арина Петровна Головлева в

первой главе вступает как грозная помещица, самодержица в своей семье, которая полностью поглощена, и физически, и нравственно, энергичной борьбой за преумножение богатства в интересах всей семьи и каждого её члена. Правда, методы достижения успеха нельзя назвать высокоморальными, сам автор описывает их примерно следующим образом: “наказывает кого надо и не надо”. Для Арины Петровны самым главным был её статус в обществе и материальное положение, в погоне за этим она и не успела заметить, что её семья начала рушиться. В итоге всей своей бурной жизнедеятельности и во многом благодаря своим чадам и домочадцам Арина Петровна остаётся в одиночестве, без семьи и без богатства. В качестве экзистенциального момента можно, пожалуй, также выделить трагическую смерть Степана, старшего сына семьи. Из детей семьи Головлевых он был самым одаренным и грамотным, получившим университетское образование, но с детских лет притеснялся своей матерью. В результате из него получился человек с рабским и нищим характером, ни на что не способным. В связи с этим можно сделать такой вывод, что социальное начало неразрывно связано с экзистенциальным. Из бедных духом, безнравственных индивидов не может получиться большого толка, тем более – духовно и нравственного развитого общества, способного на достижение чего-то большего, чем обыденное прожигание жизни и растрата накопленных родительских капиталов. Именно распад семьи, который проявил себя в самых ужасных формах, сигнализирует о полном моральном разложении общества в целом [9].

Делая вывод обо всём вышесказанном, можно утверждать, что социальное в романе – это общественные проблемы, описанные нами выше, которые, впрочем, в определенной степени, характерны и для нашего общества. Экзистенциальный аспект состоит в пороках самих героев романа – это и предательство, расчёт, отсутствие искренних человеческих чувств и силы воли, слабость духа, которые в своей совокупности составляют проблемы бытия каждого человека и определяют его существование в той мере, в какой он справляется с этими самыми проблемами. Поэтому для того чтобы спасти человека и общества, нужно, по глубокой мысли автора, обратиться к первоосновам человеческого бытия и его идеалам, ценностям. Возможно, что писатель пытался донести до читателя всю глубину социальной природы человека.

Подведем некоторые итоги и сделаем выводы. Художественные произведения, в том числе самые первые повести, М.Е. Салтыкова-Щедрина — «Противоречия» (1847), «Запутанное дело» (1848) — привлекли внимание общества и государственных властей своей острой социальной проблематикой [10,11]. За все свои труды писатель был «награжден» ссылкой в провинцию, в русский город Вятка, что было закономерным явлением для русской действительности. Хотя власть нигде не любит, чтобы ее критиковали.

В целом, нам хотелось бы отметить особенное отношение М.Е. Салтыкова-Щедрина к России. Вполне возможно, что ему и не были известны истинные пути к счастью русского народа, но в своих произведениях, в том числе и в данном романе, он пытался пробудить сознание своих читателей и вызвать в них настоящую тягу и интерес к жизни, научить их чему-то хорошему, подготовить тем самым почву для лучшего будущего. Многие авторы считают семью опорой сильного государства, но Салтыков-Щедрин изображает семью Головлевых совсем иначе. В романе помещичья семья – это совсем не та семья, которая служит опорой государству, а полная ей противоположность. У героев романа нет никакого положительного стремления и каких-то прогрессивных целей.

Поэтому наш вывод будет таким: семью Головлевых трудно в прямом смысле этого слова назвать “семьей” как социальной ячейкой. Дети воспринимают родителей как источник доходов, а мать не любила никогда своего мужа, ни детей, поэтому и дети со своей стороны не испытывали никаких особых тёплых чувств к своим родителям. В семье царит лицемерие и жадность, пустословие и бесцельность по жизни, неуважение даже к самым близким своим людям, членам своей собственной семьи. Собственно говоря, многочисленные социальные проблемы, в том числе и рассматриваемые семейные проблемы, привели к переходу того головлёвского общества к совершенно другому

мироустройству, разрешив проблему иждивенчества и праздной жизни. Многие люди считают, что нет в мире совершенства, равно как и совершенного социального устройства. Всегда в чём-то будет проявлять себя социальная несправедливость, поэтому каждый человек должен в первую очередь трудиться для себя и для своей семьи, а государство должно создавать условия для реализации человеком своих природных способностей и возможностей. В целом роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» является социальным и экзистенциальным произведением в то же самое время.

Библиографический список

1. **Мацусита К.** Миссия бизнеса. - М.: «Альпина Паблишер», 2011. – 189 с.
2. **Мацусита К.** Принципы успеха. - М.: «Альпина Паблишер», 2011. - 128 с.
3. **Мацусита К.** Философия менеджмента. - М.: «Альпина Паблишер», 2016. - 188 с.
4. **Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович** [электронный ресурс] // URL: https://www.fedordostoevsky.ru/around/Saltykov-Schedrin_M_E/ (дата обращения: 04.09.2019)
5. **Салтыков-Щедрин М.Е.** Господа Головлевы: роман [электронный ресурс] // URL: <http://flibusta.is/b/81151/read> (дата обращения: 04.09.2019)
6. Анализ романа М.Е. Салтыкова-Щедрина "Господа Головлевы" [электронный ресурс] // URL: http://5litra.ru/proizvedeniya/russian_classik/382-roman-me-saltykova-schedrina-gospoda-golovlevy.html (дата обращения: 04.09.2019)
7. **Евдокимова О.В.** К восприятию романа М.Е. Салтыкова-Щедрина "Господа Головлевы" (Заметки) // URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0380.shtml (дата обращения: 04.09.2019)
8. Озвучки книги «Господа Головлевы» автора Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Текст читает: Илья Змеев // URL: <http://prochtu.ru/uslishu.php?avtor=341&kniga=14> (дата обращения: 04.09.2019)
9. Тема семьи (антисемьи) в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // URL: <http://www.litra.ru/composition/download/coid/00046801184864231129/> (дата обращения: 04.09.2019)
10. **Салтыков-Щедрин М.Е.** История одного города. Современная идилия. Сказки / Вступит. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. – М.: «Современник», 1986. – 718 с.
11. **Михаил Салтыков-Щедрин** [электронный ресурс] // 24 СМИ. URL: <https://24smi.org/celebrity/21377-mikhail-saltykov-shchedrin.html> (дата обращения: 04.09.2019)

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES**

УДК 327

*Воронежский государственный университет
Кандидат политических наук,
преподаватель кафедры международной экономики
и внешнеэкономической деятельности
А.А. Болдырихин
Россия, г. Воронеж, тел. 8 (900) 95 95 173
e-mail: commando@inbox.ru*

*Voronezh State University
Ph.D. in Political Sciences,
Lecturer of Chair of World Economy and Global
Economic Activity
A.A. Boldyrikhin
Russia, Voronezh, tel. 8 (900) 95 95 173
e-mail: commando@inbox.ru*

A.A. Boldyrikhin

**EUROPEAN UNION AND OFFSHORE BUSINESS: RELATIONS IN THE AREA OF
SHADOW ECONOMY**

The present article reviews the main issues and preconditions for the interaction between the EU member countries and offshore business centers. The author is especially focused on the tax regulations and secret tax agreements that allow companies to have favorable business conditions in offshore zones and thus influence the increase of shadow economy.

Key words: European Union, offshore centers, offshore business, EU tax regulations, shadow economy.

А. А. Болдырихин

**ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ОФФШОРНЫЙ БИЗНЕС: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
В СФЕРЕ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ**

В статье рассматриваются основные предпосылки и проблемы взаимодействия стран Европейского Союза с оффшорными центрами. Автор уделяет особое внимание изучению аспектов налогового законодательства и соглашений в области налогообложения и теневых налоговых соглашений, которые позволяют компаниям обеспечить более привлекательные условия для ведения бизнеса в оффшорных зонах, способствуя тем самым росту уровня теневой экономики.

Ключевые слова: Европейский Союз, оффшорные центры, оффшорный бизнес, налоговое законодательство ЕС, теневая экономика.

Modern globalization processes has led to the increase of cross-border transfer of goods and services, financial capital and production means together with technology. This has brought up the trends of tax competition that could be possibly harmful for economic systems. Economic and tax competition has led to the growth of “tax havens” and offshore financial centers which creates a demand to research of this phenomenon and ways of dealing with it.

Offshore zone or offshore center is a country or jurisdiction that provides financial services to non-residents in the scale much exceeding the size and financial depth of internal economy of the current offshore. This term relates not to geographical location, but rather to the fact that the largest clients of the offshore centers are non-residents, thus being offshored.

The International Monetary Fund outlines four main attributes of an offshore financial center:

1. Priority orientation at non-residents
2. Favorable legislative and regulative environment
3. Low or zero taxation
4. Disproportion between financial sector size and internal financial demands [6].

Another definition of an offshore financial center is a center where the majority of financial sector activity is located in offshore at both sides of the balance sheet, which means that the majority of counteragents are non-residents, financial operations are conducted in some other places and most of the participating institutions are controlled by non-residents [17]. As J.P. Abbott puts it, offshore refers to a special form of a regulatory realm where transactions take place [1,P.21].

A classic offshore is small state with low-developed economy but high level of political stability (Bahamas, Panama and British Virgin Islands). According to the legislation of these countries offshore companies are subjects to full tax exemption, there is no register of shareholders and directors, which allows keeping a relatively high level of credibility. This, in turn, makes the offshore companies a safe vault for financial operations. Main EU offshore centers are located in Austria, Great Britain, Hungary, Germany, Gibraltar, Denmark, Spain, Cyprus, Latvia, Lichtenstein, Luxembourg, Netherlands, Switzerland and Sweden.

The EU policy towards the offshore zones is functionally derived from the taxation system which is the basis of the EU sovereignty and the tax policy is therefore aimed at the proper functioning of the united market. Initially everything started from harmonization of indirect taxes, because upon the EU creation and implementation of its fiscal policy the indirect taxes were reduced, such as VAT and excise duties.

The main issue here is that any action in terms of direct taxes requires a unanimous decision of the Council of Ministers which, in turn, provokes changing of currently existing agreements. The collectivity of actions within the EU is based on the following factors: Euro currency provides full stability of exchange rates in internal markets and the famous “four freedoms” have helped to create a customs union in Europe and facilitated the emerging of a unified market. The EU members are sure that the collective approach is necessary to fight the cross-border taxation. Nowadays the European Union has emerged as “central actor in financial governance” [16].

Politically speaking, the EU consists of opposite interests: many of its members stick to the offshore strategy, which makes the EU the largest tax evasion center. If we include all of the dependent EU member states, such as Netherlands Antilles, British Channel Islands, Bermuda and Cayman Islands, the EU in general would contribute to about 60% of global tax havens, representing a large share of the world shadow economy.

The difference among EU member countries’ tax systems allows the companies to introduce the so-called aggressive tax planning to minimize the tax burden. The aim of close connection and informational exchange between the EU tax bodies is aimed to avoid the above mentioned planning. The governments of EU countries must be sure that the systems of corporate taxation are transparent, fair and structured in such a way that would not attract the unlawful companies from other countries. So the key task is the fighting tax evasion.

Increasing the partnership and cooperation among the EU member states in terms of tax policy might help to decrease the significant tax losses and provide fair tax dissemination across the EU. Starting from 2016, the European Commission has offered a series of additional initiatives that include creation of unified consolidated corporate tax basis for companies and creation of the “EU list of non-cooperative tax jurisdictions”, or the Black List [9,13]. The European Commissioner for Economic and Financial Affairs, Taxation and Customs, Pierre Moscovici, has announced that “member states need to show an unequivocal commitment to moving forward with a new EU listing process... to fight tax evasion. Swift progress on this was important before the Panama Papers. It's now absolutely essential” [4]. However, Oxfam organization that deals with rights protection claims that the Black List is too much focused on small countries, whereas the largest players that account

for 506 billion USD of tax-free money every year were ignored or put in the so-called Gray List [Oxfam]. Commenting on the fact that Switzerland and Mauritius were not listed, Chiara Putaturo stated that “the EU has whitewashed two of the world’s most harmful tax havens” [8].

The EU’s inclusion in the offshore business can be also viewed through the prism of taxes and taxation solutions. Taxation solutions are a general term used to define all kinds of agreements between tax bodies and persons or companies. In the framework of this article the concept of preliminary tax solution can appear more interesting, because this is more connected to the relations of EU and offshore centers. The difference is that a preliminary tax solution is an application presented by a tax authority or an independent council regarding the tax regime of a taxpayer in terms of future transactions and on which the taxpayer can rely in a certain matter. On the basis of this transnational corporations, represented by branch offices in several countries, can choose the most profitable direction of taxation. The problem is that the amount of secret tax agreements signed by EU countries with transnational companies grows very fast [14,15]. These agreements are hidden from public and their content was never revealed. The Lux Leak scandal has shown how large transnational corporations can enjoy a more favorable tax regime and their real competitive advantages as compared to small and medium-size businesses.

Mediation is another side of offshore business. Panama Papers revealed that the majority of mediator companies are located in Great Britain, Luxembourg and Cyprus [11]. The size of financial companies sector is also remarkable: 29% in Great Britain, 17% in Luxembourg, 15% in Netherlands and 8% in Ireland. The largest Eurozone economies are falling far behind these numbers: 7% Germany, 7% France, 4% Italy. They are minor players in the offshore business. Offshore centers may be small countries, but their share in financial flow and shadow economy is much larger than the share of large and industrially developed markets.

In 2017 the Western Europe became the major source of income for offshore centers, even considering the 3% decline as compared to the level 2016. Great Britain has entered the list of three biggest players together with China and USA and now is the country with the highest level offshore transactions as compared to its general wealth, which is six percent. This number can appear rather small if we look into the economies of AMEA and Latin America regions, where 25% of overall private capital is located offshore, but we also have to consider that in all of the top three countries there is no economic and politic instability.

The general trend nowadays is that the share of offshore financial assets flowing from the developed regions is decreasing and yielding to the expansion of the developing regions, which has a growth scale of about 2% annually. This is happening mainly due to the adoption of regulative measures aimed at fighting tax evasion and money laundering in the EU as attempts to bring money back from offshores. Despite this fact, the offshore finances generated in the developed countries are believed to show about 2% annual growth until 2020 as compared to the expected rate of 6% for the developing countries. As C. M. Bruner believes, “small jurisdictions have become significant players in cross-border corporate and financial services” [3].

Nowadays the European Union is a full-scale player of the offshore business. Such countries as Great Britain, Switzerland, Cyprus and Luxembourg are the major offshore centers of the EU, allocating the major share of the overall offshore capital. However, the EU provides a collective policy against the offshore zones and shadow economy connected with them. The legislative measures are conducted very actively and the majority of them are efficient. These measures include the united consolidates corporate tax base for companies and creation of the EU tax havens list. The governments of the European countries have to be sure that their corporate tax systems are transparent, fair and do not provoke unlawful companies and transactions from other regions.

Therefore, we may conclude that the role of the offshore centers is somehow controversial as a world economy phenomenon and the processes that take place in the EU in terms of connections with global offshore centers need further thorough and detailed analysis, but we cannot deny the fact that the European Union plays a significant role in the development of the offshores.

References

1. **Abbott J. P.** Offshore Finance Centres and Tax Havens: The Rise of Global Capital. – Springer, 2016. – 262 P.
2. Annual Report of the Cayman Islands Monetary Authority. - URL: <https://www.cima.ky/annual-reports> (дата обращения 05.09.2019)
3. **Bruner C. M.** Re-Imagining Offshore Finance: Market-Dominant Small Jurisdictions in a Globalizing Financial World. – Oxford University Press, 2016. – 232 P.
4. Brussels (AFP) April 6, 2016. (дата обращения 07.10.2019)
5. **Colm C.** Luxembourg leaks controversy a 'game changer'. Irish Times, 7 November 2014. (дата обращения 18.09.2019)
6. Concept of Offshore Financial Centers: In Search of an Operational Definition. - URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2007/wp0787.pdf> (дата обращения 18.09.2019)
7. Definition of a Trust. - URL: <https://www.irs.gov/charities-non-profits/definition-of-a-trust> (дата обращения 20.09.2019)
8. “EU has 'whitewashed' Switzerland, one of the 'world's most harmful tax havens” - Oxfam. RT.com, 10 October 2019. - <https://www.rt.com/business/470612-eu-tax-haven-countries/> (дата обращения 28.09.2019)
9. Euro Tax Flash from KPMG’s EU Tax Centre. - URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2017/12/etf-345-ecofin-conclusions-blacklist-taxation-digital-economy.pdf> (дата обращения 10.10.2019)
10. Full disclosure of the EU's blacklist of tax havens. Oxfam International. <https://www.oxfam.org/en/even-it/full-disclosure-eus-blacklist-tax-havens> (дата обращения 11.10.2019)
11. International Consortium of Investigative Journalists Releases Panama Papers Offshore Company Data. - URL: <https://www.icij.org/blog/2016/05/icij-releases-panama-papers-offshore-company-data/> (дата обращения 25.09.2019)
12. **Johns R.A.** Tax Havens and Offshore Finance: A Study of Transnational Economic Development. – Bloomsbury Publishing, 2013. – 259 P.
13. Listing of Tax Havens by the EU – European Parliament. <http://www.europarl.europa.eu/cmsdata/147404/7%20-%2001%20EPRS-Briefing-621872-Listing-tax-havens-by-the-EU-FINAL.PDF> (дата обращения 01.10.2019)
14. "Luxembourg changes tax rules for companies". EUObserver, 28 December 2016 (дата обращения 01.10.2019)
15. Luxembourg leaks. <https://www.icij.org/investigations/luxembourg-leaks/> (дата обращения 01.10.2019)
16. **Mügge D.** Europe and the Governance of Global Finance. - Oxford University Press, 2014. – 220 P.
17. Offshore Financial Centers IMF Background Paper. - URL: <https://www.imf.org/external/np/mae/oshore/2000/eng/back.htm> (дата обращения 14.09.2019)
18. Report of the Working Group on Offshore Centres. - URL: http://www.fsb.org/wpcontent/uploads/r_0004b.pdf?page_moved=1 (дата обращения 18.09.2019)
19. "Tax avoidance: the role of large accountancy firms report published". UK Parliament, 6 February 2015. (дата обращения 10.09.2019)

УДК 316.733

Военный учебно-научный центр «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

А.С. Пшегорский

Россия, г. Воронеж, тел. 8-920-213-1913;

e-mail: apsheg@gmail.com

Military Training and Scientific Center «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin»

PhD in History, teacher of Humanitarian and social-economic disciplines Chair

A.S. Pshegorsky

Russia, Voronezh, tel. 8-920-213-1913;

e-mail: apsheg@gmail.com

А.С. Пшегорский

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАZE А.В. СУВОРОВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Исследование представлений молодежи является одним из направлений в работе по консолидации информации о тенденциях развития общества. Безопасность общества зависит от здоровых, патриотичных настроений в молодежной среде и доминирования соответствующих представлений. Память о Суворове является одним из таких представлений, став предметом нашего анализа.

Ключевые слова: А.В. Суворов, современная молодежь, представления молодежи, образ А.В. Суворова, патриотизм, безопасность страны, влияние глобализации, массовые представления

A.S. Pshegorsky

TO THE QUESTION ABOUT THE IMAGE OF A.V. SUVOROV IN THE PERCEPTIONS OF MODERN YOUTH

The study of youth perceptions is one of the fields in the process of consolidation of information on social development trends. The safety of society depends on healthy, patriotic moods in the youth environment and the dominance of the correspondent perceptions. The memory of Suvorov as one of such perceptions has become the subject of our analysis.

Ключевые слова: A.V. Suvorov, modern youth, youth perceptions, the image of A.V. Suvorov, patriotism, the country's security, the impact of globalization, mass representations

Безопасность страны в современном мире, как никогда, подразумевает комплексность и многоаспектность [1]. Одним из «популярных» направлений противостояния государств является информационная война. Боевые действия в этом формате могут проявляться в самых разных сюжетах. Одним из существенных всегда выступает воздействие на общественное мнение страны-противника. Проанализировать такое воздействие можно различными способами. Например, актуально рассматривать различные срезы общественного мнения по самым разным вопросам. Существенной составляющей общественного мнения в этом смысле является установка на патриотизм и сам патриотизм как здоровая основа гражданственности. Патриотизм проявляется в определенных отношениях к многочисленным идеям, событиям общественно-политической жизни. Особенно важно понимать состояние патриотических установок среди представителей молодежи. Важной основой патриотизма является набор знаний [2], касающихся политических и военных сюжетов истории страны, иными словами – знание о вехах славы своей Родины.

Сегодня это знание подвергается размыванию со стороны глоболизирующей прозападной повестки дня, деактуализируется под влиянием идеологии общества потребления и буквально обрушивающегося сегодня на сознание потока информации [3,4]. В этих условиях становится полезным мониторинг состояния знания славных страниц отечественной истории. Каково его качество? Не забыты ли какие-либо смыслы? Именно под таким углом зрения, исходя из упомянутых задач, в нашем исследовании рассматривается образ А.В. Суворова в представлениях современной молодежи. Интерес к Суворову не случаен, так как основой исследования выступил анализ общественного мнения среди курсантов высших военных заведений на примере первокурсников Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина. Думается, количественные и качественные характеристики образа Суворова именно в этой среде могут стать показательными для предварительных выводов о качестве знания славных страниц истории Родины, степени значимости этого знания для молодежи, таким образом, и о насыщенности и актуальности патриотического информационного поля.

В рамках данного исследования сбор данных осуществлялся с помощью анкеты из 24 вопросов [5], нацеленных на выявление значимости образа А.В. Суворова, установление его качественных характеристик в представлениях современной молодежи. Ключевыми вопросами, позволяющими оценить содержание данного образа стали: «За что, по Вашему мнению, выделяют А.В. Суворова?», «Как можно описать духовную сторону личности А.В. Суворова?», «Можете ли Вы дать характеристику А.В. Суворову двумя словами?». Значимость образа великого полководца среди респондентов оценивалась такими вопросами, как «Можете ли Вы сказать, что какое-либо знание о Суворове стало для Вас жизненным уроком?», «О каких 3-х выдающихся личностях Отечества Вы бы рассказали иностранцу?», «Нужно ли знать современной молодежи об А.В. Суворове?», «Будете ли Вы рассказывать об А.В. Суворове своим детям?».

Часть вопросов анкеты была нацелена на выяснение наличия увлечения историей, склонности к чтению книг вообще и специального интереса к Суворову в частности за последние 3 года. Отдельный блок вопросов был посвящен проявлениям интереса к Суворову или другим темам в социальных сетях, форумах и других ресурсах интернета. Например, «Сталкивались ли Вы с обсуждением какой-либо тематики, связанной с А.В. Суворовым на форумах интернета?».

Важной особенностью анкеты, несмотря на сложность интерпретации данных, стала ставка на использование открытого типа вопросов для более полного сбора качественных характеристик мнения респондентов, качественного раскрытия существенных сторон заданной проблемы исследования.

Сводные данные анкетного опроса, в процентах от общего числа респондентов

Интерес к Суворову за последние 3 года	Да	Нет	Затрудняюсь ответить		
	23	65	12		
За что выделяют Суворова?	Достижения в военной сфере	Тактические умения	Гениальность		
	34	57	9		
С кем сравнивают Суворова?	Г. Жуков	А. Невский	И. Сталин	М. Кутузов	
	19	13	10	58	
Знание о Суворове как жизненный урок	Помогло стать сильным	Направило на воен. обучение	Затрудняюсь ответить	нет	
	69	1	17	13	

Отрицательные факты о Суворове	Затрудняюсь ответить	Нет	Болеет		
	12	87	1		
О Суворове в двух словах	Мудрый	Сильный духом	Волевой	Полководец России	
	21	21	6	52	
Нужно ли знать молодежи о Суворове?	Да	Нет	Затрудняюсь ответить		
	83	-	17		
Будете ли рассказывать о А.В. Суворове детям?	Да	Нет	Затрудняюсь ответить		
	81	-	19		
Темы обсуждения со сверстниками	Затрудняюсь ответить	Учеба	спорт	служба	Машины
	5	26	18	33	18
Сталкивались с обсуждением Суворова в интернете?	Часто	Не более 1 раза в месяц	Редко	Никогда	
	2	5	32	61	
Участие в обсуждениях в социальных сетях	Редко	Не участвую	Не более 1 раза в месяц	Часто	
	18	42	15	25	
Интересен ли Суворов молодежи?	Да	Нет	Затрудняюсь ответить		
	25	6	69		
3 выдающихся деятеля для иностранца	Г. Жуков	Ю. Гагарин	А. Невский	И. Сталин	В. Путин
	14	19	17	27	14
3 выдающихся деятеля для иностранца	М. Кутузов	В. Ленин	Петр I	А. Суворов	
	19	22	34	22	

Ключевые социально-демографические характеристики респондентов: мужской пол, возраст от 17 до 20 лет (абсолютному большинству ребят на момент опроса исполнилось 18 лет), учеба в высшем военном заведении. Всего в рамках исследования было опрошено 100 курсантов первого курса академии.

Большая часть опрошенных не ограничивается в своей жизни сугубо практическими сюжетами, связанными с инженерным делом, заявляя о любви к чтению книг (81 %) и интересе к истории (72 %). Показательно, что на вопрос о предпочитаемых книгах лишь 7 % опрошенных указали на исторические, в очередной раз подтверждая снижение качества интеллектуальных изысканий современной молодежи, предпочитающей другие нежели, чем книги, источники удовлетворения своего интереса, в данном случае к истории. При этом для нас важно отметить в контексте анализа содержания информационного поля молодежи, что все опрошенные познакомились с информацией о Суворове в школе, но лишь 23 % проявили к теме Суворова интерес за последние три года. То есть эта информация из школьной

программы у большинства курсантов постепенно деактуализируется, что логично на фоне дальнейшей профессионализации и расширения жизненного кругозора, но не вызывает оптимизма, учитывая военную специфику опрошенного контингента. Что же нам можно ожидать в таком случае в подобных исследованиях среди гражданской молодежи, испытывающей еще большую, ничем не ограниченную, информационную нагрузку в реальном общении и интернете в отсутствии серьезной воспитательной работы со студенчеством?

Содержание образа Суворова в представлениях молодежи, как показало наше исследование, в целом, не выходит за рамки типичных представлений о нем. Так, на вопрос «За что, по Вашему мнению, выделяют А.В. Суворова?» 91 % опрошенных так или иначе указали на успехи в военной сфере. Но уже вопрос о духовной стороне личности Суворова вызвал затруднения почти трети опрошенных, тогда как оставшиеся, думается, в соответствии с гендерными предпочтениями молодежи мужского пола выделили важность такой характеристики образа великого полководца, как «никогда не сдается». Что касается наиболее существенных характеристик образа Суворова, то они выразились определениями «мудрый» (21 %), «сильный духом» (21 %), волевой (6 %) и «полководец России» (52 %). На наш взгляд, это важные ответы, так как показывают, каким нашим ребятам представляется идеальный или близкий к идеалу военачальник, соединяя смыслы мудрости, силы духа, и полководец России. Какое отличие, например, от образов холодной расчетливости авторов «Блицкрига» времен Второй мировой или иступленной мрачности и ненависти военных предводителей современных религиозных фанатиков-террористов!

Представляют определенный интерес и ответы на вопрос «С кем из выдающихся личностей можно сравнить А.В. Суворова?». С помощью них можно попытаться понять, образы каких деятелей находятся в представлении молодежи в одном информационном поле с Суворовым, образ которого, как показало исследование, трактуется как образ победителя, сильного духом полководца. Абсолютное большинство (58 %) респондентов отметили здесь М.И. Кутузова, с большим отставанием следует образ Г.К. Жукова (19 %). В это поле победителей входят также А. Невский (13 %) и И.В. Сталин (10 %).

Учитывая большую популярность среди исследуемой аудитории интернета вообще и социальных сетей, в частности, респондентам были заданы вопросы, касающиеся их участия в социальных сетях, их знакомства с посвященными Суворову ресурсами интернета. В контексте нашей темы обращают на себя внимание ответы на вопрос «Сталкивались ли Вы с обсуждением какой-либо тематики, связанной с А.В. Суворовым на форумах интернета?». Подавляющее большинство респондентов либо не встречалось с подобным обсуждением, подобными форумами (61 %), либо встречалось редко (32 %). Такие ответы дают почву для размышлений относительно того, что поиск подобных или близких обсуждений этими респондентами не велся, потому что в противном случае «вездесущие» поисковые системы обязательно выдали бы респондентам результаты с соответствующими страничками. Важность этого вопроса еще и в том, что он позволяет получить ответы о реальном прошлом опыте респондентов касательно темы Суворова, в целом, и интересе к ней в интернете, в частности, в отличие от многих вопросов, нацеленных на получение содержательных, но умозрительных ответов о важности образа Суворова для молодежи, о характеристиках этого образа, если о нем задуматься, то есть имеющих несколько теоретичный характер.

Проведенный нами в ходе работы над темой анализ интернет-среды российской молодежи сегодня позволил установить, что в самой популярной социальной сети «ВКонтакте» присутствуют 7 сообществ, посвященных Суворову. Общее количество участников в них по меркам данной сети очень низкое – 1521 человек. При этом в самом большом открытом сообществе из 897 подписчиков последние сообщения датируются июлем 2014 года, представляя собой просто публикацию крылатых выражений полководца без какого-либо содержательного обсуждения. В другом сообществе с 349 подписчиками выложенный в открытый доступ фильм о Суворове 1940 года был просмотрен всего лишь 51 раз. Современный же документальный фильм «Александр Васильевич Суворов. Все битвы

генералиссимуса» (1 серия) был просмотрен всего 79 раз. Никакого содержательного обсуждения ни в одной из открытых групп нам зафиксировать не удалось. Примечательно, что усилия по популяризации памяти о Суворове приняло участие и Министерство обороны в рамках своей группы ВКонтакте, опубликовавшее документальный фильм о великом полководце, ставший вторым по популярности в данной социальной сети (8 546 просмотров). Как ни парадоксально, наибольший охват аудитории в самой популярной социальной сети русскоязычного интернета имеет телевизионный рекламный ролик (выпущенный в эфир в 90-е годы) Банка Империл, где обыгрывается краткий вымышленный диалог Суворова и Екатерины II (61 166 просмотров). Для сравнения самое популярное сообщество социальной сети ВКонтакте – «Новинки Музыки 2019 и Лучшая Музыка» (17 191 680 подписчиков), среди первых 10 самых популярных сообществ – 3 посвящены кинофильмам, 5 посвящены приколам и подобному юмору, 1 – музыке, 1 – сообщество команды ВКонтакте. Самые обсуждаемая информация в этой социальной сети на 15 октября 2019 года по данным компании Brand Analytics – конкурс романтических историй (16 593 комментариев), реклама о 2000 подарочных бонусов торговой компании «МИР» (10 633 комментариев) и т.д. Среди лидеров списка мы вынуждены констатировать практически полное преобладание потребительских сюжетов, т.е. той самой западной массовой культуры.

Какие же темы «конкурируют» с патриотическими представлениями о героях славных страниц Отечественной истории среди ответов наших респондентов? Среди других тем для обсуждения были названы учеба (26 %), спорт (18 %), служба (33 %), машины (18 %). Эти ответы не подразумевают далеко идущих выводов, так как логично касаются насущных проблем курсантов, главного в их жизни сегодня – учебы и службы. Тем не менее, ответ о машинах косвенно показывает доминирование материальных интересов и потребительских мотивов, что является следствием влияния глобальной культуры потребления [6]. Здесь уместно вспомнить и то, что лишь 25 % самих респондентов верят в наличие у молодежи интереса к Суворову, и только 23 % сами проявляли интерес к образу Суворова за последние три года.

В то же время 83 % респондентов утверждают, что современной молодежи нужно знать об А.В. Суворове. Это важный показатель, так как позволяет питать надежды на сохранение определенного «патриотического потенциала» среди нашей молодежи. То, что закладывается патриотическими мероприятиями в школах, на уровне всей страны (парад Победы в первую очередь), продолжает играть роль некой основы, на которую затем накладываются различные современные информационные вбросы, сюжеты. По сути, эта категория информации составляет ту самую «историческую память народа», о которой писал исследователь современного мифотворчества из Великобритании Д. Белл [7]. Таким же образом можно интерпретировать настрой и уверенность респондентов при ответе на вопрос, будут ли они рассказывать об А.В. Суворове своим детям. Подавляющее большинство (81%) респондентов планируют это делать, и лишь 19% отвечавших затруднились ответить. И здесь представляется очень важным недопустить размывание исторической памяти, как бы далеко от нас во времени не отстояли те или иные славные вехи истории нашей страны. Ведь, чтобы приступить к новому, воспринимать новое, именно сформировавшись как цельная личность, важно опираться на старое, важно как раз иметь ту самую историческую память. В этом смысле хорошим симптомом являются подобные упомянутому выше, пусть и умозрительные, ответы молодых респондентов на вопрос о необходимости знания о Суворове. Тем более хорошим в условиях все большего наступления на умы молодежи массы нового, легковесного, соблазнительного, масскультного, в конечном счете, глобализированного прозападного. Гораздо легче в этом смысле быть стимулированным к интересу к смартфонам, чем внутри себя поддерживать понимание важности интереса к знаниям, подобным знанию о Суворове.

Механизмы влияния прозападной массовой культурной повестки дня рассматривается в целом ряде работ [8, 9, 10]. Очень подробно сюжеты о том, как конкретно проявляется американизация в культуре общества, повседневной жизни общества, раскрываются,

например, в коллективном труде о многоликости глобализации под руководством известных социолога Питера Бергера и политолога Сэмюэля Хантингтона [11]. В частности, это производство глобального языка через большую долю американских фильмов и телепередач в прокате той или иной страны; внедрение убеждения в том, что Америка лидирует из-за особой системы ценностей, после адаптации которой изменения в том же направлении будут и в стране-реципиента; распространение культуры потребления.

Таким образом, исходя из данных исследования, можно констатировать, что в теоретическом, «нормативном», умозрительном измерении образ Суворова имеет высокую значимость для современной молодежи. Содержание его (полководец-победитель, сильный духом) коррелирует с особенностями русского менталитета, особенностями политической и духовной культуры нашей страны, где духовные качества, духовный стержень всегда высоко ценились в выдающихся деятелях. В практическом же измерении, измерении конкретных действий и реального опыта образ Суворова в соответствующих ответах респондентов не имеет таких высоких показателей, отступает на задний план перед вопросами быта, учебы в целом и интересами материального потребления. Отчасти это оправдывается углубляющейся технической и служебной специализацией в жизни курсантов. Такое «практическое» отставание от «теоретического» не дает основание судить о явном снижении качества патриотического знания, так как, по-видимому, трудно на практике постоянно поддерживать и развивать патриотические концепты и смысловые сюжеты. Зачастую они существуют в нашем сознании так сказать «до востребования». И вот «теоретическое востребование» образа Суворова в представлениях респондентов нашего исследования показало его высокую содержательную значимость и важность для здорового патриотизма, для информационной безопасности молодежной аудитории в условиях достаточно враждебной прозападной массовой культуры.

Библиографический список

1. **Денисов В.В.** Безопасность как проблема выживания человечества // *Философия и общество*. 2004. Выпуск № 3 (36). С. 24-42.
2. **Субетто А.И.** Образование как основа национальной безопасности, экономической конкурентоспособности и устойчивого развития России // *Человек и образование в современной России: социологические очерки: сб. статей / Под ред. Л.А. Вербицкой, В.Т. Лисовского, В.Т. Пуляева*. СПб.: Изд-во С.-Пб. университета, 1998. С. 35-48.
3. **Рахметбай Д., Ахатова Г.А.** Влияние глобализации на молодежь // *Инновационный потенциал молодежи: глобализация, политика, интеграция: сб. статей участников международной молодежной научно-исследовательской конференции*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. С. 114-119.
4. **Лысак И.В.** Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2010. № 4. С. 91-95.
5. **Добренков В.И.** Методы социологического исследования: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2008. 767 с.
6. **Наливайченко И.В.** Специфика патриотизма в условиях глобализации культуры // *Современные проблемы науки и образования*. 2011. №2. С. 58-65.
7. **Bell D.** Mythscapes: memory, mythology, and national identity // *British j. of sociology*. – L., 2003. – Vol. 54, N 1. – P. 63.
8. **Валитов О.К.** Национальная культура в условиях глобализации общества и проблемы обеспечения национальной безопасности / О.К. Валитов, И.О. Валитов // *Вестник Башкирского университета*. – 2008. – Т. 13. – № 2. – С. 404-407.
9. **Иноземцев В.Л.** Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // *Вопросы философии*. 2004. №4. с. 60-61.
10. **Миронов В.В.** Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации // *электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова «Медиаскоп»*, выпуск №2, 2009.
11. **Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире.** Под редакцией П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. 382 с.

УДК 316.6

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж),
Кандидат политических наук, доцент, доцент
кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин З.Ю. Надточий.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 244-78-32;
e-mail: zoya_nadtochiy@mail.ru*

*Military Training Research Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu. Gagarin» (Voronezh),
PhD in Political Science, Associate Professor of humanities
and social and economic disciplines
Z.Y. Nadtochii.
Russia, Voronezh, tel. (473) 244-78-32;
e-mail: zoya_nadtochiy@mail.ru*

З. Ю. Надточий

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА**

В статье проведены анализ и систематизация существующих теоретических подходов к проблеме морфогенеза имиджа армии, сформировавшихся в системе отечественных и зарубежных военно-политических школ; представлен сравнительно-исторический анализ российских и зарубежных технологий создания имиджа. Основной вывод: опираясь на имиджелогию, можно спроектировать модель конструирования образа любой социальной организации или института, в том числе вооруженных сил.

Ключевые слова: армия, вооруженные силы, имидж, имиджевый дискурс, информационные технологии.

Z.Y. Nadtochii

**FORMATION OF A POSITIVE IMAGE OF THE ARMED FORCES:
FOREIGN EXPERIENCE AND RUSSIAN SPECIFICS**

The article analyzes and systematizes the existing theoretical approaches to the problem of morphogenesis of the image of the army, formed in the system of domestic and foreign military-political schools; presents a comparative historical analysis of Russian and foreign image technologies. The main conclusion is that, based on imagology, it is possible to design a model of constructing the image of any social organization or institution, including the armed forces.

Key words: army, armed forces, image, image discourse, information technologies.

Вооруженные силы всех, без исключения, стран мира имеют одно общее сходство – они заинтересованы в создании положительного образа в глазах общественного мнения. Формированию и поддержанию позитивного имиджа армии в большинстве цивилизованных государств уделяется принципиальное значение.

Американские вооруженные силы традиционно западный мир относит к лучшим с точки зрения профессионализма. Причина такого отношения экспертов лежит на поверхности. Потребность в профессиональной армии в США появилась во второй половине XX века, когда американцы увязли в локальных военных конфликтах в рамках гонки вооружений «холодной войны». В 60-70-е годы XX века над американским обществом довлеет «вьетнамский синдром» [6], что означает непопулярность боевых действий для обычных призывников вдали от дома. Армия США несла огромные потери, была практически деморализована. Общественное мнение требовало объяснить проводимую политику с позиции общечеловеческих ценностей.

Американская военно-политическая верхушка увидела выход из сложившейся ситуации в создании контрактных вооруженных сил. В рамках реформирования армии в США ликвидировали обязательную воинскую повинность и аппроксимировали ее добровольным способом рекрутирования. Важнейшей миссией в рамках переформатирования являлась работа с общественностью. Простые американцы должны были поверить в новую систему комплектования, испытывать гордость за свои вооруженные силы, профессия военного становилась социально престижной.

Для взаимодействия с американской общественностью были привлечены не только средства массовой информации, но и кинокомпании Голливуда, а также огромное количество общественных организаций, включая скаутские отряды. Эксперимент оказался настолько удачным, что до сих пор, спустя полвека, США используют выбранную тактику. Американское военное командование делает большую ставку на печатные масс-медиа. Считается, что именно пресса способна долговременно воздействовать на дух личного состава, а значит повышать его боеспособность. В армии США существует особое ведомство, которое отвечает за публикацию материалов в выпускаемых в стране около 2000 газет с тиражом 101 миллион экземпляров. Само американское министерство обороны издает более 20 журналов, а командования родов войск – около 80 наименований [3.С.10].

Главной печатной газетой для вооруженных сил США является ежедневное издание «Звезды и полосы». Этот периодический орган ориентирован, прежде всего, на военнослужащих, расквартированных за границей. Известно, что военные не должны подвергаться воздействию местной культуры и менталитета, поэтому основной массив информации включает в себя новости из разных штатов, спортивные события и домашнюю хронику. Стоит отметить, выпуски газеты для различных регионов несения боевого дежурства американской армии отличаются друг от друга. Газета тиражируется также в самих США либо по подписке, либо в электронном виде. Оплачивает издание газеты «Звезды и полосы» военный бюджет. Частично расходы покрываются рекламой и подпиской. Для контрактников, локализованных в зонах боевых действий, периодическое издание поступает бесплатно в достаточном количестве для всего личного состава [6].

К тому же Пентагон стремится развивать особые программы по реализации социально-экономических прав военнослужащих [5.С.325]. Их направлением деятельности является комфортное морально-психологическое обеспечение служебной деятельности, поддержка членов семей военнослужащих, создание социального лифта. Военные профессионалы в США должны быть не просто уверены в завтрашнем дне, но и получить высокий уровень социальной благоустроенности, а это в свою очередь повышает привлекательность и престижность военной службы.

Формированием позитивного имиджа вооруженных сил занимаются не только в США. Например, во французской армии существует отдел аудиовизуальных средств службы информации и общественных отношений. С помощью данной структуры министерство обороны Франции самостоятельно или с помощью общественных организаций выпускает около 30 фильмов, 60 видеоклипов, 600 фоторепортажей и 11 тысяч дисков информационно-пропагандистского или развлекательного характера [7.С.58].

В Великобритании огромные деньги выделяются департаменту по связям с общественностью и средствами массовой информации при министерстве обороны. PR-отделения существуют в вооруженных силах Нидерландов, Австралии, Канады, Индии и даже Люксембурга [6]. Любое государство, содержащее контрактную армию, в современных постиндустриальных реалиях приоритетным направлением считает информационно-пропагандистскую работу как с собственным населением, так с общественным мнением за пределами страны.

Значимость информационной безопасности в современном обществе трудно переоценить. Вероятные противники России проявляют высокую активность в создании негативного имиджа нашей страны, и вооруженных сил в частности. Общественное мнение с

развитием информационных технологий формируется в процессе киберпротивостояния, а значит должно обладать всей полнотой исходных данных.

Исторически в России уже были попытки целенаправленной имиджевой политики государства. Условно можно выделить три периода.

Первый период – дореволюционный, хронологически охватывающий время с начала XVIII в. и по 1917 год. 14 января 1701 года Петр I своим указом создал московскую Школу математических и навигацких наук, где проводили профессиональную подготовку офицерских кадров. На первоначальном этапе воспитанию гармоничной личности уделяли большое внимание, используя метод «палочного» воздействия. В итоге появился корпоративный этический кодекс и эффективная система всестороннего развития будущего офицера.

Вторым этапом стал советский период, продолжавшийся с 1917 по 1991 год. В это время понятие «офицер» было обескровлено, реабилитировано и заменено термином «советский офицер» как идеал развития личности военнослужащего. Офицер стал прочно ассоциироваться с обозначением «командир».

Современный период начался с распадом Советского Союза в 1991 году и продолжается до сих пор. Обращаясь к Российской Федерации, стоит напомнить, что с распадом Советского Союза армия оказалась в забвении. Остро стояли вопросы самого социального престижа военнослужащих, а об имидже речи не шло вообще. В стране по инерции сохранялись идеологемы «народ и армия едины», «служба – священный долг» [4.С. 29], а кризис интерпретировался вакуумом правового и патриотического воспитания.

После назначения на должность министра обороны Российской Федерации Сергея Кужугетовича Шойгу, проблема формирования позитивного имиджа армии приобрела государственный статус. При Министерстве обороны в 2017 году был создан Департамент информации и массовых коммуникаций во главе с генералом Игорем Евгеньевичем Конашенковым, который занимается вопросами взаимодействия вооруженных сил со средствами массовой информации и является официальным рупором российской армии.

Существует ряд причин, по которым имидж армии является приоритетом XXI века [2.С. 83].

Во-первых, грамотно построенный образ вооруженных сил обеспечивает убежденность общества в безопасности, что расширяет кредит доверия действующему правительству.

Во-вторых, социальный престиж обеспечивает формирование армии и стимулирует развитие контактной службы. Стоит отметить, что в российском обществе пока не нашла отклика идея позитивного имиджа службы по призыву. Скорее это результат существования дедовщины и коррупции в «лихие девяностые», а социальная память сильнее реформирования [5.С.327].

В-третьих, со времени окончания Второй мировой войны и начала гонки вооружений именно армия определяет авторитет страны на международной арене [1.С.76].

Современный мир диктует новые правила мирового общежития. Находясь фактически в условиях информационной войны, мы вынуждены искать другие способы формирования имиджа вооруженных сил. Сегодня государственной пропаганды недостаточно, информационное поле ворвалось в квартиру каждого гражданина. Основными направлениями создания положительного образа российской армии становятся: пресс-конференции для иностранных и оппозиционных изданий, продвижение патриотических сайтов, спонсорство рок-фестивалей, ролики на популярных видеохостингах, уведомление общества об успешных спецоперациях, организация развлекательных мероприятий (например, введенный министром обороны Сергеем Шойгу танковый биатлон) [4.С.30].

Вхождение Крыма в состав России, а также участие Воздушно-космических сил в военной операции в Сирии навсегда изменили имидж российской армии как внутри страны, так и за рубежом. «Вежливые люди» уже устойчиво ассоциируются с безопасностью, долгом, уверенностью, ответственностью. Таким образом, используя весь потенциал имиджевого воздействия можно добиться долгосрочного результата.

Библиографический список

1. **Василенко И.А.** Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / И.А. Василенко. – М.: Международные отношения, 2013. – 147 с.
2. **Володарская Е.А.** Имидж воинской дисциплины у современных военнослужащих / Е.А. Володарская, Ю.С. Мещерякова // Человеческий капитал. – 2016. – №3. – С. 82–84.
3. **Гриняев С.В.** Взгляды военных экспертов США на ведение информационного противоборства / С.В. Гриняев // Зарубежное военное обозрение. – 2001. – №8. – С. 10–12.
4. **Кисляков Е.А.** Инновационные технологии улучшения имиджа Вооруженных сил РФ / Е.А. Кисляков // Youth World Politic. – 2016. – №2. – С. 27–37.
5. **Князев А.В.** Имидж Вооруженных сил в контексте социально-политических изменений / А.В. Князев // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2008. – №12. – С. 324–332.
6. **Лященко А.** Имидж армии и государства // Красная звезда. 8 апреля 2005 года. [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://old.redstar.ru/2005/04/08_04/1_02.html (проверено 18.11.2018).
7. **Нестерчук О.А.** Сопряжение мифологического образа и политической реальности в политико-коммуникационном пространстве / О.А. Нестерчук // Человеческий капитал. – 2012. – №5. – С. 57–60.

УДК 336.221

Воронежский государственный технический университет
Доктор исторических наук, профессор кафедры философии, социологии и истории
Б.А. Ершов
Студенты 3-го курса факультета энергетики и систем управления
Н.Н. Золотухин, А.А. Федоров.
Россия, г. Воронеж,
тел. (919)2430634
e-mail: bogdan.ershov@yandex.ru

Voronezh State technical University
Doctor of History, Professor of the chair of Philosophy, Sociology and History
B.A. Ershov
Student of the 3rd course of the faculty of Energy and Control Systems
N.N. Zolotukhin, A.A. Fedorov.
Russia, Voronezh,
tel. (919) 2430634
e-mail: bogdan.ershov@yandex.ru

Б.А. Ершов, Н.Н. Золотухин, А.А. Федоров

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Проведение эффективной налоговой политики в государстве важно в контексте обеспечения социально-экономической стабильности в государстве. Налоговая политика в России пережила сложный период, не всегда отличалась гибкостью и эффективностью, не соответствовала интересам государства и налогоплательщиков. Эффективность налоговой политики государства обязана учитывать реальное увеличение доходов государственного бюджета, а также щадящий режим налоговых отчислений для налогоплательщиков. В статье автором рассмотрена политика государства в отношении такого налога, как налог на добавленную стоимость.

Ключевые слова: налоговая политика, формирование и регулирование, налоги и сборы, государственный и региональные бюджеты.

B.A. Ershov, N.N. Zolotukhin, A.A. Fedorov

FORMATION AND REGULATION OF TAX POLICY IN RUSSIA

Effective tax policy in the state is important in the context of social and economic stability in the state. Tax policy in Russia has gone through a difficult period, not always characterized by flexibility and efficiency, did not meet the interests of the state and taxpayers. The effectiveness of the tax policy of the state is obliged to take into account the real increase in revenues of the state budget, as well as the sparing regime of tax deductions for taxpayers. In the article the author considers the policy of the state in relation to such tax as value added tax.

Key words: tax policy, formation and regulation, taxes and fees, state and regional budgets.

Налоговая политика государства является приоритетным условием для благополучного существования государства, она обеспечивает наполнение государственного и региональных бюджетов, служит сохранению социальной стабильности в обществе.

В Российской Федерации формирование государственной налоговой политики началось в 1991 году и сопровождалось сломом командно-административной экономики советского государства и переходом к рыночной экономике суверенной России.

Переход российской экономики к рыночным отношениям в 1991 году повлек за собой возрождение и становление предпринимательства в России.

Предпринимательство является самостоятельной хозяйственно-экономической деятельностью, которая осуществляется на свой риск и направлена на получение прибыли лицами, зарегистрированными в Федеральной налоговой службе. [1]

В нашей стране, согласно данным ФНС [1] по состоянию на ноябрь 2018 года всего зарегистрировано 6 млн. 170 тыс. 963 юридических и физических лиц, которые являются плательщиками налогов и сборов в бюджеты всех уровней. Также для защиты прав предпринимателей и лоббирования их интересов, а также установления полноценного диалога между властью и бизнесом в 1990-1991 годы был создан Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) [2] деятельность которого весьма эффективна.

В стране взимаются федеральные, региональные, местные и отраслевые налоги и сборы и платежи, их всего, согласно действующего Налогового кодекса РФ, пятнадцать. [3]

Актуальность исследования заключается в определении сущности формирования налоговой политики в России и её регулирования на государственном уровне.

При написании статьи автором были использованы труды отечественных учёных-экономистов: Ф.С. Агузаровой и Г.Н. Брагиной, Т.В. Галюкшовой, В.С. Колчиным и других, а также статистические данные Федеральной налоговой службы, материалы деятельности Российского союза промышленников и предпринимателей, действующие нормы законодательства.

В 2008 году руководство Российской Федерации объявило переход от сырьевой экономики к инновационному развитию ещё десять лет назад. Однако движение вперёд осуществляется крайне медленно, а ведь инновации должны решать первоочередные вопросы жизнеобеспечения населения и стимулировать экономику динамично развиваться.

Вместе с тем, экономическая модернизация государства требует формирования такой налоговой системы, которая бы в оптимальной степени отвечала потребностям современной российской экономики. Во многом эффективность государственной налоговой политики, если рассматривать её в политологическом контексте, определяется тем, насколько соотносятся в ее рамках интересы государства и налогоплательщиков [4.С.57].

Вместе с тем следует отметить, что государство заинтересовано в увеличении поступлений от доходов и сборов в государственный бюджет, с другой стороны юридические и физические лица – налогоплательщики заинтересованы в получении максимальной коммерческой прибыли при невысоких налоговых ставках, а также получении определенных дотаций и льгот от государства.

Следует подчеркнуть, что содержание и цели налоговой политики обусловлены задачами государства на определённом этапе развития страны. Выбор конкретных форм и методов определяется теми целями, которые ставит перед собой государство, разрабатывая и реализуя налоговую политику.

Сущность налоговой политики при формировании оптимальной модели налоговой политики – первостепенная задача государства. Практика определения эффективности налоговой политики имеет как положительные, так и отрицательные последствия.

Среди положительных последствий можно выделить:

- сокращение количества налогов;
- упрощение процедуры налоговой отчетности;
- уменьшение количества отчетных форм [5.С.179].

Среди отрицательных следует отметить:

- повышение ставки налогообложения;
- рост количества налогов и сборов.

Анализ практики формирования налоговой политики позволяет выделить соотношение прямых и косвенных налогов и их использование в разной степени прогрессии.

Область государственной налоговой политики затрагивает налоговое законодательство и участников налоговых правоотношений.

Ещё в 2017 году Президент России В. Путин при обращении с посланием к Федеральному собранию предложил рассмотреть идеи по настройке налоговой системы. «Предлагаю в течение следующего 2018 года детально и всесторонне рассмотреть предложения по настройке налоговой системы», – сказал Президент Российской Федерации. [6] По мнению главы государства, это необходимо сделать с привлечением деловых объединений, учитывая интересы бизнес-сообщества. Кроме того, Путин отметил, что первоначальной задачей будет принятие соответствующих поправок в Налоговый кодекс, а только с 2019 года осуществиться ввод их в действие, эта мера позволит зафиксировать новые стабильные правила для бизнеса на долгосрочный период.

По словам Президента России В. Путина, у общества растет запрос «на расширение экономических свобод» и на «устойчивые, предсказуемые правила ведения бизнеса, включая налоговую систему». [6]

Свою положительную роль на современное состояние налоговой системы в России сыграл и мораторий на внесение изменений в налоговую систему, решение о котором было принято в 2014 году. Сохранение моратория в условиях ухудшения экономической ситуации позитивно сказалось на работе предприятий, однако этого, конечно же, недостаточно.

Первоочередная цель налоговой политики заключается в стимулировании деловой активности, обеспечении роста экономики и инвестиций, создании надлежащих конкурентных условия для развития отечественных предприятий. Следует упорядочить существующие фискальные льготы, сделав их более адресными, при этом ликвидировать неэффективные инструменты в фискальной политике.

Таким образом, в настоящее время современное состояние налоговой политики в России позволяет сделать вывод о ее неустойчивости и противоречивости. Неустойчивость налоговой политики проявляется и в её незащищенности и зависимости от субъективных и конъюнктурных факторов.

В качестве примера рассмотрим процесс эволюции такого налога, как НДС. Налог на добавленную стоимость является косвенным налогом, взимаемым не с продавца, а с покупателя, хотя формально это налог для бизнеса, но из-за особенностей начисления и уплаты фактически он ложится на конечного потребителя. [7.С.160]

История введения налога на добавленную стоимость в России ведёт своё начало с момента рыночных преобразований в нашей стране с 90-х годов. В то время ставка была 28 %, затем в 1994 году ее снизили до 20 %, через 10 лет – в 2004 году – до 18 %.

Как основной налог федерального бюджета, НДС обеспечивает треть всех поступлений и находится на втором месте после нефтегазовых доходов. Необходимо отметить, что поступления от взимания упомянутого налога колоссальные, при этом средства идут на социальные цели: пособия, помощь малоимущим, субсидии и льготы, на медицину и образование, армию и безопасность, культуру, молодежную политику и спорт, программы господдержки, поддержку сельского хозяйства, защиту окружающей среды, лагеря и санатории для детей, содержание музеев и научные исследования, жилищно-коммунальное хозяйство.

Сбором и исчислением налога на добавленную стоимость занимается Федеральная налоговая служба (ФНС России), которая является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах.

Миссия ФНС России – это эффективная контрольно-надзорная деятельность и высокое качество предоставляемых услуг для законного, прозрачного и комфортного ведения бизнеса, обеспечения соблюдения прав налогоплательщиков и формирования финансовой основы деятельности государства.

Приоритетом деятельности Федеральной налоговой службы является обеспечение соблюдения законодательства о налогах и сборах и создание комфортных условий для исполнения налогоплательщиками налоговых обязанностей.

14 июня 2018 года правительство объявило о планах повысить НДС с 18 до 20 %. Озвученное новшество вызвало негативный отклик среди населения и бизнес-структур, опасения были обоснованы: повышение цен на товары и услуги, нагрузка на предпринимателей и соответственно в целом экономику государства.

В законопроекте № 489169-7 про НДС следует отметить следующее:

- с 2019 года основную ставку НДС повысят с 18 % до 20 %;
- ставка налога на социально значимые товары (продукты, детские товары, лекарства и медицинские изделия, а также книги) не изменится и составит 10 %;
- освобождение некоторых категорий товаров и услуг (диагностика и лечение, перевозка пассажиров, присмотр за детьми в садиках и обучение в школах). [8.С.109]

С экономической точки зрения, граждане, приобретая то или иной товар, при уплате НДС, попутно оплачивает и расходы федерального бюджета.

Повышение НДС связано в первую очередь с изменением структуры доходов государственного бюджета, так, ещё 5-6 лет назад на первом месте в структуре бюджета всегда были нефтегазовые доходы. Ещё есть резервные фонды: когда цена на нефть снизилась, какие-то программы финансировались за счет накоплений. Но этих запасов все меньше, а расходы сокращать нежелательно.

Также государству необходимо исполнять социальные программы, это, например: материнский капитал, льготная ипотека, федеральная программа благоустройства дворов и иные, немаловажные задачи. Правительство рассчитало, что если НДС повысится до 20 %, то бюджет получит дополнительные 620 млрд. рублей в год, которые можно будет потратить на эти и другие программы. Если рассчитать на всех граждан страны, то в пересчете на одного жителя России это 360 рублей в месяц.

При проблемах в наполнении бюджета в наличии имеются запасные варианты, это: повышение налога на доходы физических лиц (НДФЛ), отмена льгот, ужесточение условий господдержки, отмена материнского капитала и иные непопулярные меры [9.С.132]

По нашему мнению, налог на добавленную стоимость выбрали, потому что он хорошо собирается, его легко проверять, от него сложно и опасно уклоняться, что даёт гарантии на исполнение намеченных правительством программ и президентских «майских указов».

Из положительных сторон следует отметить бесперебойное финансирование государственных программ и исполнение взятых на себя государством обязательств.

Кроме того, необходимо усилить юридическую ответственность от уклонения от уплаты налогов, сборов и других обязательных платежей.

В частности, Центральный аппарат Следственного комитета России (СКР) предоставил своим сотрудникам рекомендации, направленные на усиление борьбы с уклонениями от уплаты налогов. Для этого сотрудникам СКР необходимо выявлять и самостоятельно расследовать сопутствующие преступления, в том числе связанные с незаконной банковской деятельностью.

В силовом ведомстве, проанализировав практику привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших налоговые преступления, выяснили, что дела по сопутствующим преступлениям, предусмотренным ст.172, 173.1, 173.2, 303 и 327 УК РФ (незаконная банковская деятельность; создание фиктивных юридических лиц и незаконное использование документов для этого; фальсификация доказательств и подделка документов и их использование), возбуждаются лишь в единичных случаях, поскольку следователи комитета, как правило, ограничиваются расследованием преступлений, относящихся к подследственности ведомства.

В результате не принимаются исчерпывающие меры к комплексному противодействию преступности в налоговой сфере.

По данным Следственного комитета, в первом полугодии 2018 года и в 2017 году при расследовании 8707 уголовных дел о налоговых преступлениях было выявлено всего 279 преступлений, предусмотренных ст.172, 173.1, 173.2, 303 и 327 УК РФ.

Необходимо подчеркнуть, что подобная тактика будет способствовать увеличению возмещения ущерба по налоговым преступлениям, и согласно статистике, то в прошлом 2017 году сумма возмещения составила 46 млрд. руб., из которых 35 млрд. руб. налоговые нарушители заплатили добровольно, оказавшись под следствием.

При комплексном подходе лица, впервые совершившие преступления и выплатившие недоимки, пени и штрафы, по-прежнему будут освобождаться от уголовной ответственности за налоговые преступления, однако за сопутствующие налоговым преступлениям незаконные действия они вполне могут быть осуждены на сроки от трех до семи лет, а это станет серьезной профилактической мерой для частных лиц и организаций, уклоняющихся от налогов.

Отрицательные стороны представлены незначительным, но устойчивым ростом цен на ряд товаров и услуг, снижение покупательской способности граждан и дополнительной нагрузке для экономики страны. [10.С.97]

Сравнивая налог на добавленную стоимость в других странах, то в общем ситуация неоднозначная. Где-то ставка ниже, чем в России, где-то выше, средняя ставка – примерно 20 %, например, в Канаде низкий НДС, но высокие тарифы страховых взносов, в Великобритании основная ставка НДС 20 %, а максимальный НДС – 45 % (у нас ставка 13 %). В Италии налог равен 22 %, но налог на доходы составляет от 23 до 43 %. Поэтому сравнивать налоговую нагрузку и экономическую ситуацию по ставкам НДС нельзя. В заключение следует отметить, что повышение налога на добавленную стоимость для нашей страны в настоящее время процесс сложный и неоднозначный.

В октябре 2018 года появилась информация о проведении налогового эксперимента – введение пилотного проекта по созданию налогового режима для самозанятых. Как отметили в Федеральной налоговой службе, вводимый режим не будет являться новым налогом, самозанятые граждане смогут перейти на него добровольно.

Указанный эксперимент планируется провести с 1 января 2019 года до 31 декабря 2028 года в четырех субъектах РФ: Москве, Московской и Калужской областях и Республике Татарстан. После его успешной апробации он будет распространен на всю страну. Так как длительность эксперимента составляет десять лет – то это существенный срок, который необходим самозанятым лицам для легализации их деятельности, способности решить ряд проблем и создать благоприятные условия для ведения ими деятельности.

Новый налоговый режим будет распространяться на физических лиц и индивидуальных предпринимателей, не имеющих работодателя и наемных работников, которые осуществляют свою деятельность на территории одного из субъектов РФ, участвующих в эксперименте. Кроме граждан России в новшестве смогут поучаствовать и граждане государств-членов ЕАЭС.

Со своей стороны государство обещает не вводить для самозанятых государственную регистрацию, поэтому они смогут заниматься предпринимательской деятельностью без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей. Также предполагается оказание услуг без применения контрольно-кассовой техники.

Новый налоговый режим затронет самозанятых граждан и индивидуальных предпринимателей, чей доход не превышает 2,4 млн. руб. в год. Всё взаимодействие с налоговым органом также будет осуществляться при помощи мобильного приложения «Мой налог», при этом посещение ФНС по месту регистрации не требуется. Существенным удобством станет и формирование чека за реализацию товаров и услуг, который в режиме онлайн поступит в налоговую инспекцию.

Кроме того, по итогам месяца налогоплательщик получит информацию о сумме налога, которая с его согласия может быть списана с его банковского счета или уплачена им самостоятельно.

В ходе исследования можно сделать вывод о том, что формирование налоговой политики государства является ключевым приоритетом для социально-экономического

развития страны. Без чётко сформулированной налоговой политики её регулирование бессмысленно.

В заключение следует отметить, что приоритетом проводимой налоговой политики является поддержание сбалансированности бюджетной системы Российской Федерации. Также следует сохранить неизменность налоговой нагрузки для отраслей экономики.

Библиографический список

1. Сайт Федеральной налоговой службы (ФНС): <https://www.nalog.ru/rn91/>
2. Сайт Российского союза промышленников и предпринимателей: <http://рспп.рф/>
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 05.08.2000;
4. **Брагина Г.Н.** Современная налоговая политика // «Сборник Южно-Уральского института управления и экономики» // № 10, 2016, С. 55-61;
5. **Колчин В.С.** Совершенствование механизма налогообложения в Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук – М., 2016, С.179-180.
6. Сайт Президента РФ: <http://www.kremlin.ru/>
7. **Галюкшова Т.В.** Аргументы в налоговых спорах по НДС // «Вестник Омского университета. Серия «Экономика» // № 1, 2014, С.157-162;
8. **Смирнова Е.В.** Совершенствование налогового администрирования в интересах государства и налогоплательщиков // «Вестник Астраханского государственного технического университета» // № 1, 2018, С.105-112;
9. **Поварова А.И.** Неэффективное администрирование налогов и сборов как угроза экономической безопасности России // «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» // № 2, 2013, С.126-140;
10. **Агузарова Ф.С.** Федеральные налоги и сборы Российской Федерации: проблемы и перспективы развития – «Вопросы управления» – № 7, 2017, С. 92-99.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Научный журнал

Выпуск № 3 (20), 2019

Дата выхода в свет: 7.11.2019.

Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.

Уч.-изд. л. 22,4. Усл. печ. л. 18,1. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский просп., 14

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84